

С.В. МАКЕЕВ

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ТЕХНОКРАТИЗМА**

Курс лекций

Москва - 2009

Макеев С.В. Теория и практика технократизма. Курс лекций (с методическими рекомендациями). – М.: Изд-во МГОУ, 2009. - 134 с.

Спецкурс «Теория и практика технократизма» подготовлен профессором кафедры философии МГОУ, доктором философских наук, доцентом Макеевым С.В. Он представляет собой результат многолетней исследовательской работы автором различных концепций технократизма. Особое внимание уделяется не только философскому анализу технократизма как социального явления, степени воздействия его идей на социально-политическую, технико-экономическую и духовную сферы жизнедеятельности общества, но и эволюции представлений о «базовых» ценностях технократии: от классических через неоклассические до постнеоклассических концепций.

Курс предназначен для студентов, аспирантов и всех, интересующихся философскими проблемами техники и технократизма, современного информационного общества.

ISBN 978-5-7017-1489-0

© Макеев С.В., 2009
© Московский государственный
областной университет, 2009
© Издательство МГОУ, 2009

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
Лекция 1. ТЕХНОКРАТИЗМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ	7
Лекция 2. ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И ПРАКТИКА В ДОКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД	24
Лекция 3. КЛАССИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И ПРАКСИОЛОГИЯ ТЕХНОКРАТИЗМА	45
Лекция 4. ТЕОРИИ И ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКИ НЕОКЛАССИЧЕСКОГО ЭТАПА ТЕХНОКРАТИЗМА	69
Лекция 5. КОНЦЕПЦИИ И СПЕЦИФИКА ПРАКСИОЛОГИИ ПОСТНЕОКЛАССИЧЕСКОГО ЭТАПА ТЕХНОКРАТИЗМА	100

ВВЕДЕНИЕ

Человечество на рубеже третьего тысячелетия столкнулось с глобальными изменениями, происходящими во всех сферах социальной жизнедеятельности. Противоречивость, масштабность и сложность этих изменений, усиливающаяся напряженность и нестабильность общественного развития нашли свое отражение в теории и практике технократии. Активно взаимодействуя с различными классами и группами, технократия оказывала и оказывает значительное влияние на социокультурную динамику, на направленность и совокупность потока социальных идей. Технократическое социальное и этическое идейное воздействие нередко являлось ключевой компонентой преобразовательного потенциала общества. С учетом сказанного актуальность данного лекционного курса обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, научный потенциал философии позволяет осмыслить мировоззренческие основания социального консенсуса, которые, возможно, открывает цивилизация на этапе постиндустриального общества, и, таким образом, преодолеть политические и нравственные основания кризиса элиты, ее технократического высокомерия по отношению к интересам и чаяниям «социальных низов» – «колесиков и винтиков» гигантской социальной машины.

Во-вторых, исследование данной проблемы актуально в силу гносеологической необходимости изживания «технократического синдрома» предыдущих поколений. Как никогда становится очевидным тот факт, что самые передовые технологии, самые совершенные образцы техники не смогли снизить многочисленные риски и опасности, угрожающие сегодня благополучию человека на Земле как вида. Отвести эти угрозы можно только на пути союза технических знаний и «гуманитарного ренессанса», направленного на повышение престижа и статуса гуманитарного знания, получения нового знания и преодоления сциентистских и иных, упрощенных представлений о месте науки и техники в социуме.

В-третьих, актуальность исследования обуславливается множеством концепций технократизма, обилием теоретико-методологических вопросов о возможностях и пределах научного обеспечения технократической деятельности. Идеи технократизма возникли и развивались на волне завышенных ожиданий, адресованных обществом науке и технике. Методологической основой для становления и развития концепций технократизма явился осознанный или неосознанный техноцентризм и абсолютизация сциентизма. Это означало, что технократ как субъект познания и политического действия способен принимать лишь научно

обеспеченные и рационально обоснованные решения посредством достоверной, по возможности исчерпывающей информации, касающейся как предпосылок этого решения, так и его последствий. Анализ эволюции технократических воззрений показывает невозможность такого подхода в принципе. Исследование технократических концепций и попыток их практической реализации позволяет сделать вывод о том, что современный многогранный и высокодинамичный мир нуждается не в одномерной методологии, а в теоретических стратегиях, открытых к диалогу.

В-четвертых, актуальность исследования определяется важностью изучения эволюции технократических знаний от разрозненных идей до развитых концепций, что значимо как для самой истории философии, так и для таких отраслей знания, как история и философия науки, философия управления. Изучение истории формирования и генезиса технократических концепций дает возможность существенно расширить представление о проблемном поле истории философии, включив в него ранее практически не исследованные в историко-философском контексте идеи и концепции.

Цель данного курса лекций состоит в осуществлении историко-философского анализа концепций технократизма. Более конкретно представленная цель реализуется в следующих задачах:

- выявить на основе историко-философского анализа концепций технократизма многогранность их проблематики, степень их воздействия на социально-политическую, технико-экономическую и духовную сферы жизнедеятельности общества; уточнить содержание понятия «технократ» в технократических концепциях; определить категориальный статус технократии как социальной группы; дать определение понятиям «технократизм» и «технократическая праксиология»;

- рассмотреть объективные предпосылки возникновения технократических идей, основные этапы эволюции технократических философских воззрений, направленных на концептуальное осмысление «человеческого измерения» взаимодействующих элементов «государство – наука – техника» и утверждение технократического дискурса в контексте развития историко-философской мысли;

- проанализировать классические философские концепции технократизма, в которых раскрываются базовые ценности технократического видения мира, определяется решающая роль технократии в решении социальных проблем, уточняются методологические подходы технократии в области властных отношений, отношений собственности и т.д.

- исследовать особенности развития неоклассических технократи-

ческих концепций, отражающих реальности индустриального общества и деятельность неотехнократов, стремящихся изменить свой социальный статус в контексте сложившихся познавательных и ценностных приоритетов и исторических возможностей; вскрыть факторы, влияющие на специфику проявления технократических идей и их развитие в условиях российской действительности;

– определить содержание различных философских парадигм постиндустриального общества, специфику теоретических воззрений неотехнократов, направленную на преодоление «технократического синдрома» предыдущих десятилетий; раскрыть праксиологические аспекты в концепциях технократизма.

С методической стороны данный курс включает пять лекций, а каждую лекцию завершают контрольные вопросы и литература к проблематике темы.

Лекция 1.

ТЕХНОКРАТИЗМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

В философской, научной и публицистической литературе отношение к технократам далеко не однозначно и варьируется от комплиментарного до критически-негативного.

Суть хвалебных отзывов в адрес технократов сводится к следующим тезисам: технократ – это элита общества, стремящаяся к созданию гармонии во всех сферах посредством использования информационного могущества современных технологий. Их цель – создание и поддержание гармоничного баланса сил и результатов деятельности человеческого общества, глобальное распространение могущества техногенной цивилизации¹. Подобного рода позитивных отзывов на технократов в современной философской мысли немало. Перечислим лишь некоторые из них. Это люди, получившие наивысший индекс в определенной области деятельности (В. Парето); организованное меньшинство, управляющее неорганизованным большинством (Г. Моска); люди, занимающие высокое общественное положение и благодаря этому влияющие на социальные процессы (Дюпре); лица, обладающие наибольшим престижем, статусом, богатством, властью (Г. Лассуэлл); люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством безотносительно к их статусу (Л. Бодуэн); наивысшим чувством ответственности (Ортега-и-Гассет); люди, обладающие позициями власти (А. Эгциони), формальной властью в организациях и институтах, определяющих социальную жизнь (М. Дай); меньшинство, осуществляющее наиболее важные функции в обществе, имеющее наибольший вес и влияние (С. Келлер). Это, далее, «боговдохновенные» личности, откликнувшиеся на «высший призыв» к лидерству (Л. Фройнд); харизматические личности (М. Вебер); творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству (А. Тойнби); политическая, экономическая, культурная элита, т.е. небольшие группы лиц, занимающих ведущее положение в главных сферах общества (В. Гэттсмен); наиболее квалифицированные представители научной и технической интеллигенции, высшие бюрократические служащие и менеджеры; люди, обладающие качествами, наиболее ценными в обществе; лица, осуществляющие государственную власть, ощущающие свое отличие от остальных членов общества, обладающие высоким социальным престижем и принимающие решения на уровне, на который не допускаются другие лица (Л. Санистебан)². Очевидно,

что при всех различиях, есть общее для всех высказанных характеристик, – речь всегда идет о «контролирующей группе», а не о любом меньшинстве.

Не менее мощно в философской литературе представлена и линия критики технократов и технократизма. Так, советская философская мысль критиковала технократизм как порождение техницизма – одного из буржуазных течений социальной философии, основанного на так называемой философии технического детерминизма. Техницизм в советской философской литературе рассматривался как синоним технократизма и определялся как односторонняя оппозиция историческому материализму, в значительной степени преувеличивающему роль и значение техники, что неизбежно вело к сужению содержания понятия «материальная основа жизни и развития общества» до понятия «технические условия производства», к выведению коренных социальных изменений непосредственно из достижений научно-технической революции³.

В истории философской мысли сторонники критического отношения к технократам традиционно обвиняют их по трем позициям. Во-первых, технократов обвиняют в претензии на то, что техническая компетентность дает им право претендовать на власть, проявлять опасное высокомерие, что они не способны демократически воспринимать критику и извлекать уроки из ошибок. Технократы могут оказаться, утверждают их критики, еще более авторитарными, чем их предшественники, которые, по крайней мере, не претендовали на научную непогрешимость. Кроме того, методы организации контроля, которые были освоены технократами, могут быть легко использованы для подавления.

Во-вторых, технократы со своим конформизмом органично вписываются в современную политическую матрицу. Вместо того чтобы противостоять идеологии индустриального общества, технократы соглашаются служить ей. Они стремятся лишь к тому, чтобы общество функционировало без потрясений и было источником их благополучия, а потому постулируют уважение к порядку, считая его абсолютно справедливым.

В-третьих, технократы исповедуют прагматизм, близкий к аморальности. Они руководствуются только соображениями выгоды, ориентируясь на организацию и практику, озабочены только средствами и перестают воспринимать цели, проявляют поразительную неспособность понять человеческие факторы⁴.

Нередко звучит еще более резкая негативная оценка исторической миссии технократов, полностью отрицается их способность привести общество к экономическому благоденствию и социально-классовой

гармонии. В качестве примера указывают на события последних лет, связанные с огромными приписками («искажение бухгалтерской отчетности» в американской терминологии) в ряде крупнейших корпораций США и Италии. Суть аргументов состоит в следующем: утверждение о том, что отделение управления от собственности позволяет независимым технократам вести общество по пути исторического оптимизма иллюзорно, так как и им не чуждо корыстное и пренебрежительное отношение к чужой собственности. Наемный профессионал-технократ заинтересован не столько в реальном успехе, сколько в росте тех показателей, от которых зависит размер его личного вознаграждения. Структура оплаты труда топ-менеджеров крупных корпораций включает в себя несколько составляющих, среди которых собственно заработная плата наименее значима. Гораздо важнее две другие составляющие. Первая – это бонусы, выплачиваемые по итогам года и обычно превышающие суммарную годовую зарплату в десятки, а в отдельных случаях и в сотни раз. Вторая – это опционы, т.е. пакеты акций, управляемой кампании, которые менеджеры имеют право приобрести по заниженной – по сравнению с текущей биржевой – стоимости. Образующаяся прибыль также во много раз превышает годовую зарплату. Это обстоятельство и послужило одной (хотя и не единственной) из причин, по которым примерно в это же время изменились критерии деятельности компаний – когда главным мерилom успешности кампании вместо прежнего уровня доходности стал курс ее акций на вторичном фондовом рынке.

Рассмотрим содержание категории «технократия». Общеизвестно, что термин «технократия» впервые применен американским исследователем В. Смитом в серии статей, опубликованных в 1919 году в журнале «Industrial Management». В дословном переводе с греческого слово «*techne*» означает искусство, ремесло, мастерство, а слово «*kratos*» – власть, то есть «власть мастерства», «господство техники». Изначально термин «технократия» относился к специалистам в производственной или технологической областях, но впоследствии был распространен и на политическую власть менеджеров и специалистов⁵.

Противоречивость социального статуса технократии состоит в том, что она, будучи тесно связана с определенными слоями бюрократии, интеллигенции, находясь в зависимости от господствующих промышленных и финансовых кругов, пытается оформить свою социальную однородность.

Проведенный историко-философский анализ позволяет на основе познавательного-ценностного подхода установить новую социальную структуру современной технократии: «технопользователь», «техни-

цист», «технобюрократ», «технократ».

Технопользователи – это большинство представителей современной техносферы постиндустриального (индустриального) общества, активно использующее в своей жизнедеятельности достижения научно-технического прогресса и не желающее отказываться от благ цивилизации, даже несмотря на наличие явных негативных последствий их безудержного внедрения. Следует особо отметить, что далеко не все из технопользователей разделяют идеалы технократизма, а многие или не задумываются, или отрицают эти идеалы.

Техницисты – это люди, идейно воспринимающие реалии техногенного общества как свои собственные, воспроизводящие, сохраняющие и развивающие техносферу общества. Они не имеют реальной власти для реализации технократических идей, но способны не только потреблять блага техносферы (производства, науки и т.д.), но в той или иной степени осознают свою ответственность за последствия этого потребления.

Технобюрократ – это, главным образом, представитель среднего чиновничества, профессионально владеющий значительными для социума технологиями, реально участвующий в различных социально-бюрократических структурах, но не принимающий стратегические управленческие решения.

Технократы – это высшая часть технобюрократии индустриального и постиндустриального общества. По существу, технократия это и есть собственно технобюрократы и технократы. Однако такого понимания не достаточно.

Технократия не обладает статусом социального класса, но ей присущи черты социальной группы. Однако технократия является социальной квазигруппой, т.е. находится в процессе формирования и, кроме того, – это социально противоречивая группа. Ее противоречивость обусловлена как внешними (промежуточное положение между монополистами и управляемыми массами, между технократами и другими традиционными слоями бюрократии), так и внутренними факторами (противоречия между управленцами (менеджерами) и специалистами по технологическим процессам (инженерами). От традиционной бюрократии технократия отличается пониманием сущности социального прогресса, напрямую увязывая его с научно-техническим, а также видением способов его достижения: рационализм, доведенный до тотального scientизма, техницизм, профессионализм как высшее проявление человеческой сущности. С учетом этого можно дать следующее определение: **технократия – это социальная квазигруппа профессиональных управленцев (технобюрократов и технократов) с противоречивым**

социальным статусом, напрямую увязывающая социальный прогресс с научно-техническим прогрессом, тотальным scientизмом и техноцентризмом. В известной степени понятие «технократия» конкретизируется через уточнение содержания другого, не менее важного для данного исследования, понятия «технократ».

В обыденном сознании технократ – это человек, имеющий непосредственное отношение к технике. Но если дословный перевод слова «techne» с греческого означает «искусственный», то, следовательно, технократ – это человек, занимающийся преобразованием естественного в искусственное, природного в социальное, но в этом случае технократы составляют все человечество, это все жители нашей планеты, так как в большей или меньшей степени все они занимаются этим видом деятельности. Такая широкая трактовка мало что дает для понимания содержания понятия «технократ».

Очевидно, необходимо уточнение содержания самого понятия «техника». Рассмотрим наиболее типичные подходы к трактовке этого понятия. Активное внедрение техники во все сферы современной жизни выявило ее многогранность и до предела усложнило ее понимание. Так, Ханс Ленк насчитывает девять различных толкований понятия «техника»:

1) как прикладное естествознание (Рено, Бунге, Румиф);

2) как система средств контроля, которая:

а) является нейтральной по отношению к цели и может употребляться в качестве экономящего усилия посредника - переключателя или обходного пути, используемого для каких угодно целей (Спенсер, Зимменс, Шпрангер, Ясперс); б) по своему определению служит удовлетворению хозяйственным потребностям и предотвращению определенных действий (Готтль-Оттлиенфельд); в) служит вообще облегчению и формированию нашего бытия (Гелен, Ясперс); г) представляет собой «уравновешенную совокупность» методов и вспомогательных средств, неких действий по овладению природой (Готтль-Оттлиенфельд);

3) выражает стремления человека к эксплуатации и власти и желания управлять на основе соответствующих знаний (Шпенглер, Шелер, Элюль);

4) выступает как бытийно-историческое развивающееся «раскрытие» («Entbergen») и «назначение» природы, например, в снабжении энергией, в управляемой передаче энергии (Хайдеггер);

5) является реализацией идей, которые извлекаются изобретением и являются продолжением дела изначального божественного творения (Дессауэр);

6) представляют собой самоосвобождение человека через его собственную деятельность, «через формирование действительности с помощью труда» (Бринкманн);

7) выступают производством вещей в качестве дополнения объективного мира, впервые делающим человека существом культурным (Ортега-и-Гассет);

8) являются «эмансипацией от ограничений, налагаемых органической природой» (Фрейер), «проектом искусственного мира в целом», прогрессивной заменой естественного мира, «созидающего самого себя культурным миром» (Шеллинг);

9) объективируют человеческую деятельность, выступая средством непрямой самоинтерпретации деятельного существа в «не-Я» (Гелен)⁶.

Иногда технику определяют как исторически развивающуюся совокупность создаваемых людьми средств (орудий, устройств, механизмов и т.п.), которые позволяют использовать естественные материалы, явления и процессы для удовлетворения своих потребностей; к технике относятся также и те знания и навыки, с помощью которых создаются и используются эти средства. Современная философия изучает технику в целом ряде взаимосвязанных аспектов: 1) техника представляет собой артефакт (искусственное образование), она специально изготавливается, создается человеком (мастером, техником, инженером); все множество артефактов можно разделить на два больших класса: технику и знаки; 2) техника является «инструментом», т.е. всегда используется как средство, орудие, удовлетворяющее или разрешающее определенную человеческую потребность (в силе, движении, энергии, защите и т.д.); 3) техника – это самостоятельный мир, особая реальность; 4) техника представляет собой специфический способ использования сил и энергий природы⁷.

Иногда при характеристике результатов в различных сферах деятельности понятия «техника» и «техническое» употребляются как синонимы: информационная сфера – технические знания, предметная – орудия деятельности, коммуникативная – органически-технические отношения между людьми и соответствующие им нормы, правила, стандарты, управленческая – механизмы управления.

Кроме того, следует отметить, что исторически сложились два содержательных критерия понятия «техника» – искусственности и научности. Критерий искусственности позволяет отличать природный (естественный) мир от мира технического (искусственного). Критерий научности позволяет провести дополнительную градацию уже внутри технического (искусственного) мира и отличать научно-технические

образцы (ракетная, электробытовая, компьютерная техника) от других. Критерий научности позволяет дифференцировать различные классы техники по степени наукоёмкости.

Из разнообразия многочисленных подходов и дефиниций техники целесообразно выделить три ее основные взаимосвязанные аспекта.

Во-первых, техника есть совокупность артефактов, используемых для создания других артефактов и направленных для удовлетворения различных материальных и духовных потребностей человека. В этом случае речь идет о различных овеществленных технических образцах: инструментах, механизмах, машинах, сооружениях и т.д.

Во-вторых, техника – это определенная совокупность операций (навыков, умений), реализуемых в фиксированной последовательности, в четко определенных пространственно-временных интервалах и на основе соответствующих технических приспособлений для достижения поставленных целей. В данном случае речь идет о технологии, которая, как видно из определения, не существует без техники и может быть как локальной, так и общей.

В-третьих, техника рассматривается как совокупность технических знаний – от специализированных рецептурно-технических до теоретических научно-технических и системотехнических знаний⁸.

Обобщая сказанное о технике, можно утверждать, что технократ это не тот, кто владеет артефактом, способным производить другие артефакты, и даже не тот, кто обладает техническими знаниями, в известной степени этими достижениями владеет большинство жителей планеты. Технократ владеет технологиями, т.е. совокупностью (системой) «правил, приемов, методов получения, обработки сырья, материалов, промежуточных продуктов, изделий, применяемых в промышленности и других сферах жизнедеятельности общества»⁹. Технологии как раз и синтезируют определенный набор артефактов и технических знаний. Но подобная характеристика также недостаточна, так как владение далеко не любой технологией делает человека технократом. Отличительный сущностный признак технократа в том, что он владеет знаниями, навыками, умениями относительно некой социально значимой технологии и владеет этой социально значимой современной технологией на профессиональном уровне в какой-либо области жизнедеятельности социума.

Вторым сущностным признаком в определении понятия «технократ» обыденное сознание обычно выделяет слово «kratos» – власть, рассматривая технократа как человека, стремящегося к власти. При этом не очень ясно, собираются ли технократы прийти к власти через могущество техники во всем ее многообразии путем постепенного захвата про-

изводства, либо же посредством разработки и применения некоей особой социальной технологии власти. Очевидно, что в обыденном сознании понятия «власть», «управление» рассматриваются как синонимы¹⁰.

При всей кажущейся схожести «власть» и «управление» не тождественные понятия. Если власть «в самом общем смысле есть способность и возможность социального субъекта осуществлять свою волю, используя различные ресурсы и технологии»¹¹, то управление следует рассматривать как функцию, способ реализации власти. «Управление – функция организованных систем, возникших естественным (эволюционным) или искусственным (креационным) путем»¹².

Власть проявляется в управлении (функциях) и в этом смысле раскрывается универсальная природа власти. Универсализм власти проявляется в том, что пронизывает все общество, «располагается» во всех сферах человеческой деятельности, во всех «клеточках» социальной реальности, на всех уровнях социальной субъектности. «Поле власти» может быть предельно малым (личность, семья и т.п.) и предельно большим, таким, как сфера государственной власти, международных отношений. Предельно широким «полем власти» является вся социокультурная среда, весь социокультурный контекст той или иной эпохи»¹³.

С учетом данного подхода можно утверждать, что технократ воплощает собой не саму власть, а, скорее всего, ее управленческие функции. Технократ – не собственник, а скорее управляющий собственностью; не владеет, а управляет собственностью, причем управляет в высших сферах социума. При этом следует отметить явно выраженную тенденцию технократа перейти от господства над вещами к управлению людьми.

Третьим сущностным признаком в определении феномена технократии является присущий ей стиль мышления, содержание которого составляет тотальный сциентизм и техноцентризм. На практике этот стиль мышления проявляется в рациональном достижении поставленной задачи и игнорировании важнейших гуманитарных аспектов жизнедеятельности людей, в известной степени это и спровоцировало утверждение о кризисе рациональности, аргументация которого увязывалась с нарастающим кризисом всей западной цивилизации.

Уже со времен Г. Галилея наука стала рассматриваться как особый стиль мышления, что впоследствии нашло свое выражение в применении методов конкретных наук в философии. Научный стиль мышления определил геометрические построения Р. Декарта и Б. Спинозы, эмпиризм Дж. Локка, юмовское мнение о применимости в области «моральных наук» методов ньютоновской механики и т.д. Притягательность строгих рациональных построений в тех областях познания, которые

затрагивают не только мир вещей, но и мир личности, не только мир сущего, но и мир должного, таила в себе опасности, в XX веке ставшие реальными. Возникают социальные группы носителей научного знания, определяемые как «специалисты», «раса мыслителей». О. Розеншток-Хюсси отмечал существенные черты, присущие этим группам: «мышление в себе и для себя», размышление о мире с помощью чистых понятий, статистическое, механически-экономическое понимание социальной структуры¹⁴.

Результат подобной тотальной рационализации знания – это разделение общества на «специалистов» и «неспециалистов» не только по отношению к конкретно-научному знанию, но и по отношению к нравственным установкам, ценностным ориентациям. Абсолютизация научного стиля мышления приводит к созданию языка понятий, дефиниций, логических конструкций, понятного лишь специалистам и мало доступного для непосвященных неспециалистов. Формируется рационалистический, сугубо научный подход к пониманию бытия как объекта логических манипуляций. Такой подход М. Бубер называл «функциональным», обращенным к логически сконструированному миру, отчужденному от человека.

Опасность «функционального» стиля мышления отмечал К. Лоренц: «Ценности нельзя выразить в присущей естественным наукам терминологии количества. Одна из наихудших aberrаций современного человечества заключается в распространенном убеждении, будто бы то, что невозможно представить в количественном измерении и выразить на языке так называемой «точной» науки, не имеет реального существования; отрицается реальность всего, что связано с ценностью, и отрицает ее человечество, которое, как прекрасно сказал Хорст Штерн, «знает цену всего и не знает ценности ничего»¹⁵.

Таким образом, рассуждения о рациональности применительно к технократии как «расе мыслителей» идут не столько о рациональности как таковой, сколько о ее тотальном характере, особом типе отношений в системе «человек – мир», особом технократическом стиле мышления. Под технократическим стилем мышления понимается сложившийся в процессе жизнедеятельности человека тип отношений в системе «человек–техника», базирующийся на тотальном сциентизме и техноцентризме, своеобразный устойчивый инвариантный «механизм» использования информации, ставшей достоянием сознания субъекта социального действия в интересах практики¹⁶.

Очевидно, что познавательный компонент технократического стиля мышления подчиняется общепринятым требованиям логики, гносеоло-

гии и в этом плане мало чем отличается от стиля мышления людей других социальных групп. Отличия содержатся преимущественно в ценностном компоненте технократического стиля мышления, суть которого может быть зафиксирована в следующих характеристиках: во-первых, это понимание природы как упорядоченной, закономерно устроенной системы, в которой человек разумный, познав ее законы, способен поставить внешний мир под свой контроль. Научная рациональность носит тотально сциентистский характер, выступает в качестве важнейшей ценности и задает парадигму деятельности технократии. Во-вторых, идея тотально сциентистского преобразования мира и подчинения человеком природы рассматривается как основное предназначение человека. В-третьих, постоянная и все возрастающая нацеленность на перемены, в основе которых лежат достижения научно-технического прогресса. В-четвертых, готовность решать социально-политические проблемы как сугубо технические задачи в ущерб гуманистической составляющей.

Технократический стиль мышления абсолютизирует возможность репродуцирования одних и тех же производственных процессов, организационных действий, управленческих решений, количественных перенося их с производственной сферы на практически всю область общественных отношений, в том числе и моральных. К. Ясперс предостерегал об угрозе распространения подобного стиля мышления на все сферы человеческой деятельности. Он отмечал, что при усилении технократических тенденций «человек сам становится одним из видов сырья, подлежащего целенаправленной обработке, поэтому тот, кто раньше был субстанцией целого и его смыслом, – человек теперь становится средством»¹⁷.

Проблема технократического стиля мышления есть во многом осмысление проблемы рациональности через дилемму «сциентизм – антисциентизм».

Тотальный сциентизм технократического стиля мышления проявляется в следующих теоретических формах: а) методологической: абсолютизирующей стиль и общие методы так называемых точных наук, признавая научные знания эталоном, который необходимо внедрить во все виды и формы человеческой деятельности; рациональность отождествляется технократами с научной рациональностью в ее классической форме и одновременно принижаются иные формы духовного освоения бытия; б) аксиологической: технократы объявляют науку и технику высшими социокультурными ценностями, видя в них первопричину прогресса в обществе; они отрицают общественную значимость социально-гуманитарной проблематики, проявляя нигилистически высоко-

мерное отношение к эстетическим и нравственным ценностям общества, либо же принижают научный статус гуманитарного знания, как якобы не имеющего познавательного значения (оно рассматривается лишь как собрание мифов, исторических анекдотов, притч и непроверенных данных). Девиз тотального сциентизма: «Наука и техника превыше всего».

Тотальный сциентизм рассматривался технократами как чуть ли не единственная гарантия достижения счастья и соответственно просвещение рассматривалось как главная задача. Следует вспомнить, однако, что уже первые плоды эпохи Просвещения – Великая французская буржуазная революция показала, как максимум рациональности и порядка оборачивается иррациональностью и хаосом. Уже тогда возникла основа для будущего антисциентизма, но еще целый век человечество продолжало верить в безграничные возможности науки. И только в начале XX века развитие технической рациональности и деструктивные последствия научно-технической революции привели к теоретическому оформлению антисциентизма.

Антисциентизм направлен против технократического стиля мышления, подчеркивает ограниченность возможностей науки, а в своих тотальных формах наука выступает как сила, чуждая и враждебная подлинной сущности человека.

В рамках антисциентизма акцент делается на вненаучные формы и способы постижения действительности. Девиз антисциентизма: «Научно-технический прогресс враждебен подлинной сущности человека, интеллект болен». Сущность антисциентизма как рационального мировоззрения проявляется в следующих теоретических формах: 1) антропологической, утверждающей о недопустимости превращения человека в объект рационально-теоретического анализа; 2) гуманистической, выдвигающей проблему ответственности ученого перед обществом; 3) иррационалистической, признающей необходимость жесткого ограничения места и роли науки в решении коренных проблем человеческого бытия, отказывающей признавать положительное влияние науки на культуру, объявляющей науку виновницей всех бедствий социального развития (оружие массового поражения, бесчеловечные эксперименты в социальном управлении и т.д.). Для антисциентистов научные сообщества это некий новый «Левиафан» Т. Гоббса, «белокурая бестия» Ф. Ницше. Члены научного сообщества – безжалостные, хищные эксплуататоры, преследующие истину как хищные звери добычу, не останавливаясь ни перед чем, и в итоге создавая угрозу уничтожения всему обществу¹⁸.

Антисциентизм указывает на принципиальную невозможность понять с помощью научной рациональности феномен человеческой свободы, творчества, индивидуальности и т.д. Антисциентизм выступает против рассмотрения научно-технического прогресса как определяющего начала в социальной жизни, призывает к возврату к традиционным ценностям, к индивидуально-групповым формам общения, резко возражает против универсализации социальных связей.

Позиционирование сциентизма и антисциентизма окончательно сложилось в XX веке во многом под влиянием теоретической и практической деятельности технократов. Сторонниками сциентизма традиционно являлись неопозитивисты, авторы концепций индустриального и постиндустриального обществ, причем нередко их взгляды приобретали тотальный сциентистский характер. Антисциентистская ориентация нашла свое воплощение в теоретических рассуждениях экзистенциализма, философии Франкфуртской школы и во многом была ответной реакцией на деятельность технократии.

Технократический стиль мышления основывается на принципах рационализма, изоморфизма, функциональности, прагматизма и глобализма¹⁹. Принцип рационализма понимался, прежде всего, как тотальная рационализация деятельности человека в соответствии с определяемой технократами целесообразностью. Во многом подобное понимание рационализма было напрямую связано с масштабной компьютеризацией общества. Для технократа характерно предельно широкое толкование рациональности посредством расширения области применения «научного разума». Обыденное познание, искусство, философия и тому подобное не соответствуют критериям технократической рациональности, поэтому их необходимо подтягивать к эталону и «онаучивать». Технократы забывают, что рациональность, несомненно, является одним из важнейших способов познания окружающего мира, но далеко не единственным. Не следует забывать, а тем более игнорировать и другие способы познания: аксиологический, интуитивный, чувственный.

Изоморфизм как принцип технократического стиля мышления означал соответствие между объектами и процессами различной природы. Параллели изоморфного типа обеспечили успех в создании и распространении информационных технологий, которые можно представить как систему изоморфов, простирающихся от интеллектуальной деятельности человека до намагничиваний и размагничиваний в элементах компьютера. Действительно, в мире достаточно много изоморфных связей, однако технократам свойственно игнорирование того, что изоморфизм, соответствие между объектами и процессами различной природы, не

означает их тождественности и неизбежно содержит в себе определенные допуски и упрощения. Поэтому бесконечное уподобление одних процессов (объектов) другим, а тех, в свою очередь, третьим, четвертым и так далее, неизбежно ведет к огрублению, искажению понимания сути исходного процесса (объекта). Так, например, что нередко для технократов, народ постепенно трансформируется в понятие «народ», затем в понятие «население», а потом и в «электорат» со всеми вытекающими из этого для народа последствиями. Кроме того, не следует забывать, что далеко не все процессы подвержены изоморфизму.

Функциональность как принцип технократического стиля мышления основана на том, что нравственность утратила свою способность быть критерием оценки социальной жизни. Нравственность должна быть заменена, по мнению технократов, функциональностью, так как реальная жизнь общества подчиняется действию законов, основанных не на морали, а на функциональных взаимоотношениях. Общество существует благодаря действию не просто человека, а человека-функционера, выполняющего конкретные, строго очерченные функциональные обязанности. Для человека традиционной цивилизации принцип функционализма был не приемлем, так как человек воспринимал себя неотъемлемой частицей мира и осознавал свою ответственность, главным образом нравственную, за сохранение этого мира, и лишь затем человек рассматривал себя в качестве функционера. Цельность традиционного общества держалась на том, что есть люди, способные вести за собой, и те, кто должны следовать за ними, при безусловном первенстве высших нравственных ценностей. Распространение этой истины в народных массах было одной из главных задач элиты. Технократическая идеология тотального сциентизма и техноцентризма через абсолютизацию функциональности в ущерб нравственности неизбежно ведет к антагонистическому противопоставлению элиты и народных масс. Технократы отводят массам, в соответствии с функциональностью, незавидную роль – слепо следовать за поводами.

Прагматизм как принцип технократического стиля мышления опирается на убеждение о том, что возможно и необходимо точно подсчитать «полезный эффект» как поступка, так и любого вида деятельности. Главная цель – не поиск некой абстрактной истины в философском понимании сути этого вопроса, а выработка арсенала конкретных средств, способных помочь людям в решении их конкретных, жизненно важных проблем.

Технократы, опираясь на философские идеи основателей прагматизма Ч. Пирса, У. Джемса, а также Д. Дьюи, игнорировали ценности

традиционной философии, сводя ее значение к эмпиризму. Технократы считали необходимым помочь человеку в потоке опыта двигаться по направлению к поставленной цели и достигать ее, для чего было необходимо приобщить его к применению методов «высоких технологий», которые совершили в науке и технике революцию, но которые почти не применяются в управлении обществом, моралью, опытом; совершенствованию мышления через научные методы: если метод способствует достижению цели, то он истинен, если нет, то ложен.

Глобализм как принцип технократического стиля мышления понимается как некая стандартизация и «конвейерность» процессов реорганизации социально-экономической жизни. Яркими примерами подобной глобализации являются сеть быстрого питания Mc Donald's, мебель шведской компании ИКЕА, корпорация Соса-Солa, имеющие сегодня производственные мощности в десятках стран мира. Глобализация рассматривается технократами как качественно новый этап человеческой цивилизации. Речь идет о формировании новой всемирной конфедерации. Люди на земле объединены единой судьбой, что стало возможным благодаря распространению универсальных культурных образцов, а также развитию транспортных, информационных и коммуникационных технологий, мировой торговли и финансовой систем, объединяющих всех людей во взаимосвязанное и взаимозависимое сообщество. Проводниками глобализации являются транснациональные корпорации и банки, капитал которых привлечен от вкладчиков из различных стран.

Выявленные сущностные признаки позволяют дать определение: **технократ – это представитель высшей бюрократии, профессионально владеющий социально значимыми технологиями, действительно реализующий управленческие функции высших социальных структур и руководствующийся в своих действиях идеями тотального сциентизма и техноцентризма.**

Итак, нам удалось дать дефиницию двум основным категориям - «технократия» и «технократ», что позволяет перейти к определению содержания центральной категории исследования – «технократизм».

Технократизм – совокупность концепций, приписывающих научно-техническому прогрессу определяющую роль в социальной жизни, утверждающих, что лишь индустриализация, основанная на тотальном сциентизме и техноцентризме, под руководством высших профессиональных управленцев способна сделать более совершенной жизнь общества и человека. При этом нередко и природа, и человек, и общество рассматривались как экспериментальный поли-

гон индустриализации, где им отводилась роль «рабов техники».

С учетом сказанного следует сделать ряд выводов:

Во-первых, проведенный историко-философский анализ позволил выявить противоречивость социального статуса технократии, обусловленную как социальной неоднородностью (формирование технократии за счет выходцев из высших, средних и даже из низших социальных слоев), так и сложным взаимодействием с другими социальными слоями (бюрократией и т.д.), а также внутрисоциальными противоречиями среды технократов (противоречия между инженерно-техническими работниками и менеджерами; либеральной и радикальной технократией и т.д.).

Технократия не является ни социальным классом, ни социальной группой. В настоящее время технократия находится в наиболее близком к социальной группе состоянии, называемом квазигруппа, т.е. обладает недостаточной социальной организованностью, нечеткой внутренней структурой и т.д.

Технократия – это социальная квазигруппа профессиональных управленцев (технобюрократов и технократов) с противоречивым социальным статусом, напрямую увязывающая социальный прогресс с научно-техническим прогрессом, тотальным сциентизмом и техноцентризмом.

Во-вторых, в данном исследовании удалось выявить существенные признаки, характеризующие понятие «технократ»:

а) технократ обязательно является носителем на профессиональном уровне некой социально значимой современной технологии в какой-либо области жизнедеятельности социума; б) технократ не владеет, а управляет собственностью, причем речь идет о высших сферах управления обществом; в) технократ проповедует тотальный сциентизм и техноцентризм, которые являются содержанием его стиля мышления.

Технократ – это представитель высшей бюрократии, профессионально владеющий социально значимыми технологиями, действительно реализующий управленческие функции высших социальных структур и руководствующийся идеями тотального сциентизма и техноцентризма. Данное определение позволяет отличить технократов от технобюрократов, техницистов и технопользователей.

В-третьих, центральной категорией данного исследования является «технократизм», под которым понимается совокупность концепций, приписывающих научно-техническому прогрессу определяющую роль в социальной жизни, утверждающих, что лишь индустриализация, основанная на тотальном сциентизме и техноцентризме, под руководством

высших профессиональных управленцев способна сделать более совершенной жизнь общества и человека.

В-четвертых, технократическая праксиология – это практическая реализация теоретических положений технократии во имя научно-технического прогресса, стремления достичь благоденствия общества посредством индустриального переворота в экономике и совершенствования механизма управления.

Понятия «технократ», «технократия», «технократизм», «технократическая праксиология» являются необходимым методологическим инструментарием для рассмотрения становления и эволюции технократических идей.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. В чем суть комплиментарных и критически-негативных аргументов в адрес технократов?
2. Дайте определение категории “технократия”.
3. Назовите существенные признаки категории “технократ”.
4. Дайте определение категории “технократизм”
5. В чем суть категории “технократическая праксиология”?
6. Определите социальный статус технократии. Является ли технократия социальным классом или социальной группой?

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 См.: Морозов Ю.А. Технократия. СПб., 2000.
- 2 Фролова М.А. Политическая стратификация. М., 1995. С. 51–52; Ашин Г.К., Понделков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии. М., 1999. С. 120–122.
- 3 См.: Абабков Ю.Н. Классовая сущность западно-германского техницизма. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980; Квициани Д.М. и др. Техника, общество, человек: критика буржуазных концепций «философии техники». М.: Знание, 1981; Графский В.Г. Государство и технократия: историко-критическое исследование. М.: Наука, 1981; Деменчук Э.В. Современная технократическая идеология в США. М.: Наука, 1984 и др.
- 4 См.: Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: Пер. с фр. М., 2000. С. 51–52
- 5 См.: Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 64.
- 6 Ленк Х. Размышления о современной технике. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 42–43.
- 7 См.: Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 1. С. 61–62
- 8 См.: Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа. 1995. С. 293.
- 9 Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 65.
- 10 Во многом это определяется тем, что в русском языке слово «власть» является однокоренным со словом «владеть» (властитель, владыка, владычествовать), основание которого имеет значение «собственник», «хозяин». Этимология подчеркивает экономическое основание, определяющее другие уровни властвования
- 11 Современный философский словарь. М.: Академический проект, 2004. С. 110
- 12 Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 4. С. 144.
- 13 Современный философский словарь. М.: Академический проект, 2004. С. 110–111.

14 О. Розеншток-Хюсси. Раса мыслителей или Голгофа веры // О. Розеншток-Хюсси. Язык рода человеческого. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 234.

15 Кара-Мурза С.Г. Наука и кризис цивилизации. Вопросы философии. 1990. № 9. С. 6.

16 При определении понятия «технократический стиль мышления» был использован подход, предложенный А.А. Кокориным. См.: Кокорин А.А. Анализ: аксиоматическое эссе. М.: Изд-во МГОУ, 2003. С. 252.

17 Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. М.: 1991. С. 48.

18 См. Яковлев В.А. Бинарность ценных ориентаций науки // Вопросы философии. 2001. №12. С. 7–9

19 Об эклектичности стиля мышления, выработанного «отцами» технократизма, в частности Т. Вебленом, см.: Юлина Н.С. Очерки по философии в США. XX век. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 26, 118–121.

ЛИТЕРАТУРА:

Графский В.Г. Государство и технократия. - М.: Наука, 1981.

Сидорина Т.Ю. Горизонты технократии// Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. - М.: Флинта: Наука, 2003. С. 213-237.

Суркова Л.В. Технократизм - социокультурный феномен. - М.: Б.н., 1992

Шельски Г. Человек в научной цивилизации// Политическая философия в Германии. - М., 2005.

Лекция 2.

ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И ПРАКТИКА В ДОКЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

Рассмотрим эволюцию технократических воззрений. Во-первых, технократические идеи возникли не спонтанно, а имели солидную многовековую предысторию, отражавшую реальные изменения, происходившие в социуме под воздействием науки и техники. Эволюция технократических воззрений в контексте истории философской мысли носила перманентный характер и прошла две стадии: формирование самой технократической идеи как таковой и развитие собственно технократических концепций. Историко-философский анализ позволил сформулировать гипотезу о четырех этапах развития технократических идей: доклассический, который будет рассмотрен в этой главе, а также классический, неоклассический и постнеоклассический, исследованию которых будут посвящены последующие главы данного исследования. В более развернутом виде данную гипотезу можно представить следующим образом.

Доклассический этап, характеризовавшийся: зарождением и эволюцией от разрозненных технократических высказываний до создания технократических утопий; осознанием отдельных теоретических оснований технократизма; формулированием системы предпосылок, первых понятий и исследовательских подходов, представлений о технике вообще, о ее роли в социальном развитии с позиций технического оптимизма. Носителей идей этого этапа в философской литературе чаще всего называют «пророками», «предтечами», «оракулами» технократизма.

Классический этап, на котором складывается общий концептуальный замысел, на многие годы (XIX – середина XX века) определивший суть и «дух» технократизма как такового; разрабатываются его основные содержательные части. Центральной выступает идея власти в обществе, опирающейся на профессиональные знания и компетенцию, стремление заменить политическое решение техническим. Носители идей этого этапа, собственно, и получили название «технократы».

Неоклассический этап, в ходе которого технократические концепции напрямую увязываются с практикой развития индустриальных государств путем их теоретического достраивания и заполнения «белых пятен». С середины XX века технократы уже воспринимаются как новая социальная реальность, так как они прочно обосновались в различных управленческих сферах и заняли в них ведущие позиции. Их теорети-

ческий идеал – создание развитого индустриального общества благоденствия на основе массового внедрения эффективных технологий и научной рациональности во все сферы социальной жизнедеятельности. Носителей идей этого этапа называют «неотехнократы».

Постнеоклассический этап возник в конце XX – начале XXI века в связи с открывшимися после компьютерной революции социальными, экономическими, техническими перспективами. На этом этапе технократические концепции осуществляют корректировку своих теоретических положений в соответствии с постиндустриальной реальностью. Теоретические знания, мощные информационные технологии, функционирующие на основе персонального компьютера, техно- и инфосферы рассматриваются в качестве главных доминант, производящих и распределяющих блага общества, влияющих на все сферы общественной жизни, в том числе и на сферу власти. Технократические идеи соотносятся с такими ключевыми понятиями, как «цивилизация», «культура», «прогресс», «ценность». Сторонники этих идей представляли собой новую разновидность технократов, называемую «посттехнократы».

Во-вторых, технократические воззрения не принадлежат какой-либо одной стране, философской школе, а изначально формируются как интернациональные, как сплав достижений общечеловеческой мысли. Особенно наглядно эта тенденция просматривается на доклассическом этапе при зарождении и формировании самой технократической идеи.

По существу доклассический этап развития технократической мысли представлял собой теоретически выраженное прогностическое стремление человека традиционного общества заглянуть за обозримые горизонты социального развития. Сложность такого замысла обусловила важность и значимость не столько хронологической последовательности возникновения идей, оказавших решающее воздействие на технократические воззрения, сколько содержание этих идей.

Историко-философский анализ позволил рассмотреть эволюцию содержания идей, определивших возникновение и генезис концептуального технократизма. Социально-философской идейной составляющей идеи технократизма была эволюция мысли от идеального государства (государства разума) через индустриальное (государство промышленное) к технократическому; о сущности, значении техники в ее влиянии на социум.

Прежде чем перейти к рассмотрению их содержания, необходимо отметить, в-третьих, что эти, сами по себе прогрессивные идеи, рассматривались чаще всего сугубо рационально либо в отрыве, либо в противопоставлении гуманистической составляющей, что привело впослед-

твии к весьма негативным результатам. Ведь речь шла не о человеке как таковом, он изначально воспринимался как слабое звено, недостойное будущего. «Пророков» технократизма интересовал человек будущего общества, который чаще всего понимался как «человек рациональный», «человек политический», «человек технический», «человек экономический» и т.д. С учетом сказанного рассмотрим идеи, эволюция которых привела к возникновению собственно технократизма.

Значимым намеком на будущие технократические замыслы следует считать идею Платона о совершенном государстве (государстве разума), управляемом специальным образом подготовленными носителями истинных знаний (философами), а не наследными сановниками. Носители истинных знаний, по Платону, как раз и обладали необходимыми социальными технологиями, применение которых позволяло построить «идеальное государство».

Отзвук этих характеристик можно найти во всех современных технократических концепциях. Не противоречит большинству этих концепций и мысль Платона о том, что совершенное государство (государство разума) должно лишь функционировать, но не развиваться.

Рассуждения Платона чрезвычайно важны для понимания того, что его совершенное государство (государство разума), которое современные исследователи, не без основания, считают тоталитарным, в значительной степени обременено признаками технократичности. Если вспомнить, что в переводе с греческого слово «techne» – означало «искусственный» и в первоначальном смысле употреблялось для противопоставления «естественного» и «искусственного», то эта мысль уже не кажется невероятной.

Однозначного ответа на вопрос, был ли Платон технократом-утопистом, – нет. Скорее всего, правильный ответ будет содержать в себе и утверждение, и отрицание. Ведь, как отмечал Карл Поппер, «чары Платона» оказались настолько сильны, что отголоски его учения об идеальном государстве можно обнаружить и во многих современных концепциях, социальных утопиях, политических программах, в том числе и технократических. В известной степени рассуждения об идеальном государстве повлияли и на представления об индустриальном государстве (промышленном государстве).

Формирование социальной потребности в техническом совершенствовании общества и отражение ее в общественном сознании позволяют более определенно выявить механизм эволюции идеи идеального государства (государства разума) в идею индустриального государства (государства промышленного). Так, например, древние греки «уже владе-

ли техническими знаниями и научным пониманием, достаточными для того, чтобы создать индустриальные машины и предвосхитить XVIII век, – утверждает известный историк науки М. Льюэли. – А вместо этого придумывали механические фокусы и конструировали игрушки для развлечения во время праздников»¹. Аристотель также считал, что изобретения «для удовлетворения необходимых потребностей» есть нечто куда менее достойное, чем «изобретения для препровождения времени». Но, видимо, преобладание труда «говорящих» орудий, являлось серьезным тормозом в развитии техники и технократических идей в частности. Именно поэтому государство техники (индустриального общества) долгое время было в зачаточном состоянии, в тени идеального государства разумного управления.

Отношение цехового ремесленника к своему изделию также было в высшей степени специфично: в изделии ремесленник видел самого себя, его работа содержала моральную оценку, так как членом цеха мог быть лишь добросовестный работник, честно трудившийся и дававший только высококачественную продукцию. Забота о качестве каждого изготавливаемого ремесленниками изделия – свидетельство отсутствия массового производства, ограниченности рынка, на который они работали. Все это также сковывало интерес к технократическим воззрениям по причине ненадобности.

Однако было бы неправомерным считать Средние века застоєм технических достижений и отсутствием технократических воззрений. Речь идет о средневековой «технологической революции», которая стала возможной благодаря двум выдающимся изобретениям: первое – это кривошип, позволяющий преобразовывать вращательное движение в возвратно-поступательное и наоборот; другое – маховик, позволяющий выравнять неравномерное усилие двигателя, придавая равномерность вращению. В результате люди научились использовать силу ветра и воды, а ветряные и водяные мельницы стали неотъемлемой частью сельского пейзажа средневековой Европы, также как и использование воды в валяльных, кузнечных и других трудовых процессах.

Следует отметить, что технические идеи не противоречили христианству, так как «согласно христианским заповедям, совершенство Бога состоит и в том, что Он создал природу в соответствии с определенными законами, а в человека вселил естественный свет разума и способность их постигать. Отсюда проистекала весьма характерная для мыслителей того времени мысль о том, что познание мира – богоугодное дело, ибо, постигая природу, мы постигаем Бога и приближаемся к Нему»².

Новая волна интереса к технической проблематике стала просле-

живаться в философии эпохи Возрождения и Нового времени. В общественном сознании формируется идеал энциклопедически развитой личности ученого и инженера, равным образом хорошо знающего и умелого в самых различных областях науки и техники, а также разрабатывается идеал науки, в том числе и технической, основанной на экспериментальных и математических средствах доказательства.

В эпоху Возрождения создается новая социальная среда, в большой степени способствующая практической реализации достижений научной мысли и расцвету техники. Появляются инженеры-самоучки (ученые, обратившиеся к технике, или ремесленники, самостоятельно приобщившиеся к науке), конструирующие и обслуживающие ветряные и водяные мельницы, насосы, фонтаны и т.д. Со временем фигура «инженера», «техника» становится одной из основных, что обусловлено развитием гражданских и военных технических сооружений, образцов техники.

Именно поэтому Леонардо да Винчи во фрагменте «О заблуждении тех, кто пользуется практикой без науки» писал: «Те, кто влюбляется в практику без науки, подобны кормчим, выходящим в плавание без руля и компаса... Практика всегда должна быть поставлена на хорошей теории, для которой перспектива – руководитель и вход, без нее ничто не может быть сделано хорошо в случаях живописи»³. Для художников эпохи Возрождения живопись стала сложной наукой. Да и сами художники стремились быть одновременно и инженерами, и учеными. По мнению Леонардо, «живопись распространяется на философию природы», она «состоит из тончайших умозрений»⁴. Чертеж, рисунок, набросок – основа не только живописи, но и архитектуры, техники, в нем воплощается замысел художника.

Значение и роль техники значительно возросли, но лишь в семнадцатом веке технократические идеи использования научных знаний для управления обществом получили свое дальнейшее развитие. Духовным вдохновителем идей индустриального общества (промышленного государства) стал «отец» промышленной революции Ф. Бэкон, который не только рассматривал технику как средство облегчения условий человеческого бытия, но и «предвидел новую эпоху, эпоху технологии и науки. Новая религия науки принесла обещание рая на земле, лучшего мира, который люди могут создать сами, благодаря знанию»⁵.

Провозглашенный им призыв преодолеть природу нашел горячий отклик как в сердцах технократов (эксплуатация природы через некую техническую хитрость), так и в сердцах их оппонентов (подчинение природы следовало понимать как ответственность перед природой). И,

что очень характерно для формирующейся технократической идеи, в Новое время отношение «человек–природа» трансформируется в отношение «субъект–объект». Теперь человек представляется как познающее и действующее начало (субъект), а природа – как объект, подлежащий познанию и использованию. Причем субъект и объект одновременно и разделены, и связаны посредством инструментальной деятельности. Природа постепенно утрачивает образ прародительницы человеческой цивилизации, трепетное отношение (обоожествление) к природе постепенно сменяется технократическим прищуром, превращающим природу в объект воздействия, природный ресурс. Технический и социальный оптимизм Ф. Бэкона оказал большое влияние на дальнейшее развитие различных, часто взаимоисключающих направлений философской мысли, привел к возникновению «новой интеллектуальной атмосферы», основной пафос которой состоял в признании необходимости замены естественного порядка техническим.

Суть индустриального общества (промышленного государства) была изложена Ф. Бэконом в работе «Новая Атлантида». «Новая Атлантида», посвященная описанию государства техники, являющаяся первой собственно технократической утопией, появилась в 1623–1624 годах одновременно с «Городом Солнца» Т. Кампанеллы. Написанная в жанре путешествия, весьма распространенном в Англии в XVI и последующих веках, «Новая Атлантида» содержит описание острова Бенсалем, находящегося в строгой изоляции от внешнего мира. Впрочем, изоляция эта носит односторонний характер: тайные посланники Бенсалема регулярно посещают страны внешнего мира, и жители острова хорошо осведомлены о происходящих там событиях и, особенно, обо всех научных достижениях и открытиях. На острове существует некий Орден, или Общество, называемый дом Соломона, учреждение, служащее Бенсалему «путеводным светочем» и посвященное изучению творений Господних. Следует отметить, что не церковь, а дом Соломона, т.е. научное учреждение, рассматривается в качестве центрального института Новой Атлантиды, и не служители религиозного культа, а ученые-исследователи становятся главной действующей фигурой этого общества. Целью этого социума является познание причин и скрытых сил всех вещей и тем самым расширение власти человека над природой, пока все не станет для него возможным. Такое понимание цели очень близко технократам. Использовать науку и технику для расширения власти над природой и людьми – сокровенная мечта технократов во все времена.

Как отмечал К. Поппер, Ф. Бэкон «...стал вдохновителем промышленной революции. Он предвидел новую эпоху, эпоху технологии и

науки. Новая религия науки принесла обещание рая на земле, лучшего мира, который люди могут создать сами, благодаря знанию». В то же время не следует забывать, что уже на ранних стадиях Промышленной революции луддиты испытывали страх перед машинами, видя в них угрозу труду, посредством которого рабочие зарабатывали себе на жизнь. Таким образом, они предвосхитили социальное зло, ставшее бичом позднее индустриального общества, – массовую безработицу»⁶.

Известный вклад в эволюцию технократической идеи от идеального государства к государству промышленному внесли и другие философы Нового времени – Р. Декарт, Т. Гоббс, Б. Спиноза, Д. Локк, Г. Лейбниц, Д. Юм. Суть их подхода заключалась в следующем: «Неизменный разум господствует над неизменной природой согласно неизменным принципам. Реальным был лишь вопрос, каковы эти неизменные принципы», и как, каким образом заставить их работать на благо посвященных ученых и технических специалистов, а через них и на все общество?»⁷

Французские и немецкие просветители Ш. Монтескье, Э. Кондильяк, Д. Дидро, Вольтер, К. Гельвеций, И. Гербер, П. Гольбах, Г. Лессинг также обращали внимание на ремесла, описали многие технические нововведения и изобретения, считали, что научный и технический прогресс способствует культурному развитию формирующегося индустриального общества, соединяя в себе материальное благосостояние с добродетелью. Именно в это время формируются классические представления, отождествляющие рациональность с логической истинностью и научностью: рационально все то, что истинно, а поисками истины занимается наука. Бурное развитие науки в индустриальном обществе привело к распространению веры в безграничные возможности как науки, так и промышленного государства. Вера в науку индустриального общества постепенно становится сродни вере в Бога, так как полагалось, что наука способна дать ответы на все вопросы человеческого бытия и устройства мира. Человек сам творит историю, без вмешательства Бога в людские дела. Исторический прогресс достигался прогрессом человеческого разума, борьбой мнений и действием, в том числе и техническим. По существу, к слову «техника» стали прислушиваться только тогда, когда его произносил техник»⁸.

Контуры первой, относительно завершенной теоретической конструкции технократического государства, в которой детально рассматривались вопросы о влиянии науки, производства и технических специалистов на социально-политические процессы предложил А. Сен-Симон. Приход к власти носителей научного и технического знания (технократов) рассматривался им как закономерный результат общественного

развития. С этой целью он для характеристики будущего технократического государства вводит термин «промышленно-научная система».

А. Сен-Симон системой своих взглядов, которая весьма условно названа государством техники, опередил свое время, так как для возникновения реального технократического государства необходимо было, прежде все, возникновение достаточно многочисленного слоя научно-технических специалистов. Это произошло значительно позже, лишь в XX веке с завершением промышленной революции в передовых странах, когда началось массовое применение машин в производстве, а затем и в других сферах общественной жизнедеятельности. Машинная техника радикально изменила повседневную жизнь человека, превратив его существование в действие некоего механизма. Технизация все шире распространялась в промышленном государстве: от подчинения природы до подчинения всей жизни самого человека. Результатом стало формирование устойчивого набора массовых технократических ценностных ориентаций, нашедших свое оформление в философских воззрениях А. Сен-Симона.

По мнению Д. Белла, «для А. Сен-Симона индустриальное общество, основой которого служил хорошо организованный выпуск товаров, являлось противоположностью военному обществу, предназначенному для грабежей, расточительства и хвастовства. Он отмечал четыре признака индустриального общества: забота о производстве; превалирование порядка, уверенности и четкости; оно организовано «новыми людьми» – инженерами, промышленниками, проектировщиками; оно опирается на знания»⁹. Знания, по мнению А. Сен-Симона, носят объективный характер, ни у кого не может быть «мнений» в области химии или математики; человек либо имеет знания, либо нет. Организацию индустриального общества производит высокообразованная элита: промышленники, ученые, и оно сводится не к господству над людьми, а к управлению вещами¹⁰.

Технократическая идея подчинения политики науке была чрезвычайно важна для А. Сен-Симона, так как именно этим и отличается технократическое государство от государства идеального и промышленного. «Прогресс человеческого ума, – утверждал он, – дошел до того, что наиболее важные рассуждения о политике могут и должны быть непосредственно выведены из познаний, приобретенных в высших науках и в области физики»¹¹.

Важным постулатом для А. Сен-Симона явились рассуждения о необходимости управления обществом (технократическим государством) на научных основах. По А. Сен-Симону, «улучшить судьбу человечес-

тва», создать новую общественную организацию возможно лишь на научных основах, которые должны были возникнуть под воздействием философского позитивизма, и тогда «сила ученых Европы, объединенных в одну общую корпорацию и имеющих своей связью философию... будет неизмерима»¹².

Важную для технократов идею о торжестве разума, главенствовании знаний, необходимости профессионализма на этапе индустриального государства высказывал и О. Конт. По его мнению индустриальное общество возникает на позитивной стадии познания. Соответственно пришло время для осмысления и создания нового мировоззрения, способного решить стоящие перед индустриальным обществом задачи. На смену теологам и военачальникам приходят, как считал О. Конт, промышленники и ученые. С ними он и связывал свои надежды на социальный прогресс. А позитивная наука (позитивное знание) являлось путеводной нитью в решении этой сложной социальной задачи.

Накопившиеся «позитивные элементы» приводят общество к новому качеству, новому социальному порядку. Главные социальные силы – промышленники и ученые – берут на себя переустройство общества в соответствии с позитивистским планом реорганизации социальной жизни.

Не оставили без внимания вопросы индустриального общества (государства техники) и представители немецкой классической философии. Так, Г.В.Ф. Гегель в работах «Реальная философия», «Философия права» связал возникновение машин с разделением труда, дал первый философский анализ орудийного отношения человека к природе. Вслед за Аристотелем Г. Гегель называл руку «орудием орудий». «В своих орудиях, – писал он, – человек обладает властью над внешней природой, хотя по своим целям он скорее подчинен ей»¹³.

Важное влияние на формирование теоретических взглядов технократов оказали представления о природе коопераций, изложенные в работах Эмиля Дюркгейма, выделившего два типа обществ. «Тип простого общества», основан на кровном родстве, сцементирован общими идеями, оценками и опытом так, словно у общины одно сердце и один ум. Такого рода солидарность он называл механической. В этом типе общества технократические идеи носят утопический характер, они разрознены и не системны. Вторичный социальный тип – это общество, основанное на разделении и специализации функций, это солидарность современного индустриального общества. Здесь субъекты разделены по профессионально-образовательному признаку, семейному и социальному состоянию; представители этого общества все вместе составляют

социальную базу разделения труда и возникновения технократии.

Второй важной составляющей технократической идеи явилась эволюция от человека разумного («общественного животного») через индивидуального человека к человеку технократическому.

Человек как «общественное животное». Данное понимание для технократов являлось более предпочтительным, чем стремление отдельных философов рассматривать человека как часть космоса (микрокосмос), подчиняющуюся действию космических законов, которые и определяют его жизнь (судьбу), как, впрочем, и всех других существ и явлений мира. Такая фатальная предопределенность жизни человека превращала его в пассивного созерцателя, лишала творческой, преобразующей активности, и потому для технократов была неприемлема. Технократам импонировала мысль о том, что человек – главное действующее лицо в этом мире, выполняющее некое особое божественное предназначение.

Человек, по мнению Аристотеля, выше всех животных, так как наделен разумной душой. Разум отличает человека от животного и присущ только человеку. «Человек, – утверждает он, – есть, в первую очередь, ум»¹⁴. Другой, не менее важной отличительной чертой человека, является его социальность. Общество – необходимое условие для реализации наилучших способностей человека. Самодостаточным является полис, а не индивид. Такое понимание человека позволило Аристотелю сформулировать еще одну очень важную для будущих технократов мысль о том, что «человек есть существо политическое». Это положение способствовало последующему объяснению как необходимости близости технократов различных поколений к властным структурам, так и стремлению обладать этой политической властью.

Важной чертой концепции человека как «общественного животного» являлась деятельностная сущность индивида, так как добродетельная жизнь может проявиться только в деятельности человека, в способности самореализации. Добрые качества и благие намерения в бездействии не проявляются «подобно тому, как на олимпийских состязаниях венки получают не самые красивые и сильные, а те, кто участвует в состязании»¹⁵.

Таким образом, уже на этапе рассмотрения человека как «общественного животного» можно найти базовые для технократизма идеи: о разумной социальной (политической), преобразующей сущности человека, о разделении труда и возникающей на этой основе профессионализации, о необходимости познания, а также рационального образования и воспитания.

Второй важный для будущих технократов этап понимания человека

как индивидуальности формировался в размежевании как с религиозными представлениями о человеке, так и с античными философскими концепциями. Общеизвестно, что христианство сформулировало суть своих представлений о человеке как об образе и подобии Бога, из чего следовало, что человек как представитель тварного мира возвышается над природой (царь природы, венец божественного творения); он наделен свободой воли и разума, направленных на совершенствования мира. Следует отметить, что такое понимание не противоречило технократическому мировоззрению, но и не стимулировало его, так как ограничивало активную деятельность человека божественным провидением. Отсюда и ценность понимания человека как индивида, способного самостоятельно определять свою судьбу, творить свое «Я» в соответствии с человеческой рациональностью и волей. Это была принципиально новая система взглядов на деятельность человека.

Кульминацией философских представлений об индивидуальном (автономном) человеке явилось философское творчество Т. Гоббса, по мнению которого, каждый человек индивидуален и старается обособиться от других людей («человек – атом эгоизма»). Он считал, что в естественном, догосударственном положении люди находились в состоянии беспредельной злобы и эгоизма, так как их интересы постоянно сталкивались, насилие было нормой, шла борьба всех против всех. Каждый имел право на все – «человек человеку волк». Изменить ситуацию было возможно только через рационализацию эгоизма посредством соблюдения человеком «естественных» законов: следует искать мира и следовать ему, при этом защищать себя всеми возможными средствами; отказаться от права на все; выполнять заключенные соглашения; возвращать полученные блага; приспособливаться к другим; прощать всех тех, кто раскаялся, просить прощения и т.д. Однако самих по себе этих законов недостаточно, необходима еще и власть, способная контролировать и заставлять соблюдать эти законы. Власть одного человека или ассамблеи должны избирать все люди, а правитель должен оставаться за рамками договора, являясь гарантом прав и свобод избравших его подданных, его власть абсолютна и неделима. Таким образом, концепции индивидуализации человека сохраняли важные для технократического мировоззрения идеи: о рациональной иерархии власти, о возможности организовать на рациональных основах взаимодействие между Человеком и Обществом, о способности построить рациональное государство и воспитать разумных граждан, о власти как главном рычаге социального преобразования и т.д. Важным для технократического мировоззрения новым элементом явилось признание господства

эгоистического начала. Весь мир рассматривался как необъятное поле реализации почти необузданного эгоизма человека. Понимание эгоизма, основанного на рациональности, на последних достижениях науки и техники, стало сутью технократического мировоззрения.

Расцвет техники, технических знаний и технологии привел к тому, что и на человека стали смотреть как на своеобразную «техническую функцию». «Технократический человек» превращался в свод абстрактных принципов, из которых впоследствии выводились все необходимые политические, социально-экономические и прочие отношения.

Научный и технический подходы распространялся на все стороны жизнедеятельности «технократического» человека, в том числе, и на науку о самом человеке.

«Технократический человек», по мнению А. Сен-Симона, это обязательно профессионал. Идея о разумных лидерах, способных управлять государством, высказывалась и раньше, но это всегда, по существу, был разговор о разумных героях-одиночках и более или менее невежественной массе сограждан. Рост индустриального производства уже во времена А. Сен-Симона показал, что успех общественного развития напрямую зависит от научно-технических специалистов, приход которых к власти есть закономерный результат «прогресса разума». «Я думаю, что всем классам общества будет хорошо при таком устройстве: духовная власть в руках ученых, светская – в руках собственников; власть выбирать людей для выполнения обязанностей великих вождей человечества – в руках всего народа»¹⁶.

Идея социального равенства также была значима для понимания сути «технократического человека». Она состояла в том, что различное социальное положение, как считал А. Сен-Симон, будет определяться не наследственными правами и привилегиями, а исключительно собственными способностями и талантами людей¹⁷.

«Технократический человек» как работник еще более был отделен от семейных уз и домашнего очага, на смену нормам традиционного «коллективного сознания» пришли нормы профессиональной этики¹⁸.

Третьей важной составляющей, раскрывающей генезис технократической идеи, являлась эволюция представлений о соотношении разума и рассудка через рациональность к сциентизму.

Общеизвестно, что уже в античной философии (Платон, Аристотель) активно исследовалась проблема разума и рассудка как двух «способностях» души: рассудок в состоянии познать все относительное, земное, конечное, удел же разума познание абсолютного, божественного, бесконечного. Впоследствии над этой проблемой активно трудились

Н. Кузанский, Д. Бруно, а своего исследовательского пика эта проблема достигла в философских исканиях И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. Для И. Канта рассудок – это низший уровень мыслительной деятельности, наиболее близкий к априорным условиям чувственности. Он ограничен пространственно-временными рамками и, в силу этого, способен лишь систематизировать материал, заданный чувственностью и формулировать некоторые правила. Собственно разум – это и есть мышление, стремящееся выйти за пределы опыта, найти бесконечное, безусловное. Достичь абсолюта невозможно, поэтому разум впадает в неразрешимые противоречия – антиномии. У Г. Гегеля рассудочная также противопоставляется разуму. Рассудок ориентирован на некую заданность, а созданный с его помощью конструкт имеет ограниченную область применения. В высших сферах познания рассудок демонстрирует свою интеллектуальную неспособность и даже несостоятельность. Так, например, в философии это находит выражение в «метафизическом методе». Разум максимально реализует интеллектуальные возможности человека, спонтанную активность духа, проявляющуюся в диалектике.

В философии Нового времени формируется новое видение всеобщего человеческого разума в виде рациональности и рационализма, который, как известно, противопоставлялся сенсуализму и эмоционально-волевому началу. Рациональность воспринимается как показатель разумности человека, как определенная совокупность правил, норм, исходящих из разума, и посредством которых мир становится доступным пониманию разума. Большой вклад в разработку теории рациональности внесли Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц – представители рационалистического философского направления, признающего разум основой человеческого поведения и познания. Абсолютизация познавательных возможностей разума, превращение разума в единственный источник научного познания привело к заключению о существовании врожденных идей (Р. Декарт), о предрасположенности, задатках разума, независимых от чувств (Г. Лейбниц), о способности разума познать мир явлений, но не «вещь в себе» (И. Кант).

Идея рациональности импонировала технократам и, как правильно заметил М. Вебер, «в основе западного общества лежала рационализация, проникновение в право, экономику, бухгалтерский учет, технологию, а также организацию жизни в духе функциональной эффективности и нормирования, «экономичного» отношения (максимизация прибыли, оптимизация, наименьшие издержки производства) не только к материальным ресурсам, но и к бытию в целом»¹⁹.

Технократы полагали, что усиление рациональности неизбежно,

так как идет процесс распространения технических знаний, усиливается профессионализация и бюрократизация государственного аппарата, что ведет к внедрению рациональности во все сферы жизни социума. Следует отметить, что рациональность не обязательно должна привести и приводит к сциентизму, это всего лишь один, но вполне реальный путь эволюции данной идеи: сущность рациональности сводится только к научной деятельности, профессионализму и специализации.

Четвертой важной генетической составляющей, оказавшей существенное влияние на формирование технократической идеи, явились представления о сущности и значении техники и ее влиянии на социум, развивавшиеся в рамках философии техники.

Один из «отцов» философии техники Э. Капп попытался сформулировать концептуальный взгляд на взаимосвязь технических знаний и жизни социума. Он начинает с исследования проблемы взаимодействия между техническими орудиями и органами человека, так как именно здесь, по его мнению, возникают скорее бессознательные открытия, чем сознательные изобретения. Это проявляется в том, что в техническом «орудии человек систематически воспроизводит себя самого, и если контролирующим фактором является человеческий орган, полезность и силу которого необходимо увеличить, то собственная форма орудия должна исходить из формы этого органа. Именно этим объясняется, что множество творений тесно связано с функционированием руки, кисти, зубов человека. Изогнутый палец становится прообразом крючка, горсть руки – чашей; в мече, копье, весле, совке, граблях, плуге и лопате нетрудно разглядеть различные позиции и положения руки, кисти, пальцев, приспособление которых к рыбной ловле и охоте, садоводству и использованию полезных орудий достаточно очевидно»²⁰. Он говорит о необходимости создания новой технократической науки – теоретической инженерии, ее философского осмысления, особенно в методологическом и этическом измерении. Особо подчеркивается роль техники в социальном прогрессе и значение для общества людей, создающих технику и управляющих ею.

В 1913 году немецкий инженер-химик Эберхард Чиммер издал небольшую книгу под названием «Философия техники», в которой изложил технократическую мысль о том, что главная цель техники – это «материальная свобода» человека, достигаемая посредством технического преодоления природы и снятия ограничений, налагаемых ею²¹.

Историко-философский анализ позволяет разделить концепции философии техники на две группы: инженерно-технократические и антропо-технократические. Группа инженерно-технократических концепций философии техники исторически возникла раньше. Для них характер-

но признание в системе «человек – техника» слабым звеном человека. Человек способен быстро уставать, психологически неадекватно реагировать на возникающие ситуации, быть некомпетентным, просто лениться и т.д. Техника в этих вопросах имеет явное преимущество.

Кратко охарактеризуем некоторые инженерно-технократические концепции философии техники.

«Механическая» философия основана на том, что «натуральная» философия использует принципы механики для объяснения мира. И. Ньютон считал ошибочным замыкать «механику» лишь на изделия человеческих рук, так как он был искренне уверен в способности вывести все явления природы логически, исходя из принципов механики. Природу представители этого направления философии техники воспринимали лишь как «мощную машину». Считалось, что механистическая философия есть верное средство эмансипации человеческого духа как в сфере мысли, так и на практике, источник демократических свобод.

«Философия производства», – под таким названием шотландский инженер-химик Э. Юр – фанатичный апологет фабричной системы производства сформулировал ряд технократических принципов относительно индустрии, использующей самодействующие машины, показал различия между ремесленным и фабричным производством, между механическими и химическими процессами, дал классификацию машин, разработал правила для изобретателя и т.д.

«Концепция техники как сопричастность божественному творению», или «философия изобретения». Ее основатель – немецкий предприниматель, доктор прикладной физики, известный философ техники Ф. Дессаур. Он считал, что природные законы и цели важны, но недостаточны для благополучного существования общества и человека, природу способна дополнить техника, сущность которой заключена в самом акте творчества. Развитие техники, по его мнению, есть продолжение божественного акта творения, так как изобретатель всего лишь воплощает божественную идею творения и использует создаваемые верховным существом природные закономерности. Он не изобретает, а находит. Чтобы выполнить возложенную демиургом задачу, человек-изобретатель должен иметь определенные технические знания, однако избежать заблуждений и самообманов он не может, так как круг предметов его познания сильно ограничен. Лишь определенная степень достоверности может найти свое воплощение в форме технического знания.

Ф. Дессаур различал понятие «истинности» и «правильности». Первое он связывал с божественным откровением, второе – с техническими науками. «Правильность» – истина относительная, «истинность»

– абсолютная истина. Техническое знание стремится к абсолютной истине, но не способно ее достичь. Практика является критерием «правильности» технических наук.

Группа антропо-технократических концепций философии техники основывается на признании в системе «человек – техника» определяющей роли за человеком, так как предусмотреть все возможные экстремальные ситуации и обучить этому технику невозможно, и это представляет опасность для общества. А профессионально хорошо подготовленный человек может не только справиться с экстремальной ситуацией, но, что чрезвычайно важно, избежать ее возникновения. Особенность антропо-технократических концепций состоит в том, что, признавая роль техники и технократов, представители этих концепций часто выступали против их примитивизации.

В эту группу входит концепция Л. Мэмфорда, изложенная в работе «Миф о машине»²². В ней утверждается, что человек действительно тесно связан с земной, практической деятельностью, но его следует воспринимать не как *homo faber* (человек-мастер), а как *homo sapiens* (человек знающий, понимающий, «разумный»). Человек – не «делашее», а «мыслящее» существо, потому его отличает не делание, а мышление, не орудие, а дух, являющийся основой самой «человечности» человека. Сущность человека – не делание, не материальная созидательность, а открытие и интерпретация, так как если бы внезапно исчезли все механические (технические) изобретения последних пяти тысячелетий, это было бы катастрофической потерей для жизни, человек остался бы человеческим существом. Но если бы у человека была отнята способность интерпретации, то все, что мы имеем на белом свете, угасло бы и исчезло, а человек очутился бы в более беспомощном и диком состоянии, чем любое другое животное.

Л. Мэмфорд на основе своей антропологии устанавливает различие между основными типами техники: политехникой и монотехникой. Политехника, или биотехника – это первоначальная форма делания. Это тот вид техники, который находится в гармонии с многообразными потребностями и устремлениями жизни и функционирует как бы в демократической манере при реализации самых разнообразных человеческих потенций. В противоположность этому виду монотехника, или авторитарная техника, базируется на научной интеллигенции и ориентирована, главным образом, на экономическую экспансию, материальное насыщение и военное превосходство, короче говоря – на власть. Ее корни восходят к пяти тысячелетней древности, к тому времени, когда человек открыл то, что Л. Мэмфорд называет «мегамашиной», т.е. строгую иерархическую социальную органи-

зацию. Стандартными примерами мегамашин являются крупные армии, объединения работников в группы, такие, как, например, те, которые строили египетские пирамиды или Великую Китайскую стену. Мегамшины часто приводят к поразительному увеличению количества материальных благ, ценою, однако, ограничения возможностей и сфер человеческой деятельности и стремлений, что ведет к дегуманизации. Результатом этого оказывается «миф о машине», или представление о том, что мегатехника неустранима из нашей жизни и в высшей степени полезна. Это миф, а не реальность, ибо мегатехника может быть устранена, ей вполне можно противодействовать.

В целом все научное творчество Л. Мэмфорда является попыткой демифологизации и раскрытия сути мегатехники с тем, чтобы положить начало фундаментальной реориентации духовных установок общества, что, по его мнению, должно привести к преобразованию монотехнической цивилизации. Очень важно подчеркнуть мысль о том, что Л. Мэмфорд не является сторонником простого отвержения техники. Он ставит перед собой цель провести разумное разграничение между двумя видами техники, один из которых находится в гармонии и согласии с человеческой природой, а другой – нет. Технику поэтому следует поощрять лишь в том случае, если она способствует усилению того аспекта человеческого бытия, который Л. Мэмфорд называет «личным», но не ограничивает и не сужает человеческую жизнь рамками власти и силы.

Концепция философии техники Х. Ортеги-и-Гассета также содержит в себе ряд технократических идей, но в целом антитехнократична и опирается на несколько фундаментальных положений. Во-первых, утверждает он, техника имманентно присуща всякому человеческому началу. Во-вторых, человеческая жизнь взаимодействует с окружающими условиями не пассивно, а активно. «Я есть я и окружающие меня условия»²³, – в этом выражении «Я» рассматривается не как нечто, тождественное с самостью (идеализм), или как нечто, тождественное с окружающими условиями (материалистический эмпиризм); «Я» тождественно как с одним, так и с другим, а также с их взаимодействием.

Человеческая природа, в отличие, например, от камня, дерева или животного, не является чем-то, данным одним лишь фактом ее существования. Эта природа, скорее, есть некий материал для дальнейшего творчества, поскольку человек проектирует жизнь сам, перешагивая за пределы своих природных свойств. Эта самоинтерпретативная, самотворящая форма активности осуществляется через определенные стадии. Первая стадия – создание посредством творческого воображения некоего проекта или установки по отношению к миру, которые личность стремится реализовать.

Вторая стадия – материальная реализация этого проекта.

Согласно концепции Ортеги-и-Гассета, человека можно определить как *Homo faber*, при этом значение термина «*faber*» не сводится лишь к изготовлению материальных объектов, но включает в себе также духовное творчество. Человек является не частью природы, а обладателем определенной идеи, способности интерпретировать, объяснять природу. Внутреннее творение создает базу для внешнего изобретения. Техника, следовательно, может рассматриваться как известный вид человеческого проектирования, но только не на строго естественных или органических основах (как у Эрнста Каппа). Человек вложил в технику столько веры, что просто забыл, замечает Ортега-и-Гассет, что быть техником означает способность быть всем, а следовательно, быть ничем. В руках одних лишь техников, т.е. личностей, лишенных способности воображения, техника «есть лишь пустая форма – подобно всем формализованным логикам; такая техника неспособна определять содержание и смысл жизни»²⁴.

Концепция философии техники М. Хайдеггера базируется на онтологическом подходе, однако, при этом следует учесть, что он, скорее, ставит вопросы, чем отвечает на них, видя в этом в большой степени истинное занятие философии.

Современная техника, по М. Хайдеггеру, является откровением, при котором человек, с одной стороны, использует природу, не нарушая ее естественного состояния, с другой – бросает ей вызов тем, что из природного материала производит тот или иной вид энергии.

Характеризуя современную технику как «откровенную», обладающую возможностью «полагания», «вызова», Хайдеггер сопоставляет традиционную ветряную мельницу и электростанцию. Каждое из технических сооружений как бы обуздывает природную энергию. Однако ветряная мельница находится в таком отношении с природой, которое дает основание сравнивать ее с произведением искусства, замечает он, приспособленным к ландшафту, использующим его особенности. Тогда как электростанция не передает никакого движения, а преобразовывает или высвобождает движение, затем трансформируя его. «Высвобождение, преобразование, накопление, распределение и коммутирование (переключение) – таковы пути технических открытий»²⁵.

М. Хайдеггер утверждает, что если реальность «позволяет» человеку манипулировать ею с помощью технических средств, то это означает, что сама реальность поощряет человека к такого рода действиям. Реальность поэтому должна нести определенную ответственность за ее же эксплуатацию человеком. В воззрениях Хайдеггера современная

техника предстает как овеществленный догматизм. Она не способна познать саму себя. Признавая значимость технократических идей, он всячески предостерегает от их абсолютизации.

Особняком от названных групп находятся труды К. Маркса. Проведенный им глубокий экономический и социально-философский анализ капиталистического (машинного) способа производства, показ разрушительной роли воздействия машины на рабочего, рассуждения о настоящем и будущем значении техники в жизнедеятельности социума стали мощным толчком к формированию технократических воззрений как самостоятельной области философской рефлексии.

У К. Маркса не было специальных работ по философии техники²⁶, но в известном смысле его можно рассматривать как историческую и теоретическую предтечу философии техники. Для него техника – один из основных элементов производительных сил, прежде всего средств труда.

Следует отметить, что по К. Марксу машина обязательно имеет три составляющие части (двигатель, передаточный механизм, орудие). Однако в наше время представления о машине меняются, так как появились машины без передаточного механизма (реактивный самолет, поезд на электромагнитной подушке и т.д.), и как часть материально-технической базы общества оказывает решающее воздействие на социально-экономическое развитие последнего. К. Маркс подчеркивал, что экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда²⁷. В свою очередь, он выступал против технократов, доказывая, что развитие техники зависит от системы общественного производства, обусловлено социально-экономическими факторами, степенью соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил.

Подведем итоги:

Содержательно технократическая идея в истории философской мысли сформировалась под воздействием следующих взаимосвязанных генетических составляющих:

– эволюция идеи идеального государства («государства разума») через идею индустриального государства (промышленное общество) к идее технократического государства;

– развитие от идеи человека разумного («человек как общественное животное») через идею индивидуального (автономного, эгоистичного, экономического) человека к идее человека технократического;

– изменение представлений о разуме: от идеи соотношения разума и рассудка через идею рациональности к идее сциентизма;

– рассмотрение изменяющегося видения сущности, значения техники в ее усиливающемся влиянии на социум.

Технократические воззрения в истории социально-философской мысли прослеживаются давно. Проведенный генетический анализ дает основания утверждать о наличии двух основных направлений формирования философии технократизма: социально-техническом, представленном идеями Платона, Ф. Бэкона, А. Сен-Симона, О. Конта и других ученых, а также философско-техническом, основными разработчиками которого являлись Э. Капп, Ф. Дессауэр, Л. Мэмфорд и другие.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Назовите этапы эволюции технократических воззрений.
2. Кого из “пророков” технократизма Вы знаете? Охарактеризуйте их взгляды.
3. Какие конкретно теоретические идеи стали основой развития технократических концепций?
4. Перечислите четыре идейных составляющих, взаимное развитие которых породило идею технократизма.
5. Охарактеризуйте социально-философскую эволюцию идеи технократизма: от идеального государства (“государства разума”) через индустриальное (“государство промышленное”) к технократическому социальному порядку.
6. Раскройте содержание антропологической эволюции идеи технократизма: от человека разумного (“общественного животного”) через индивидуально-го человека (“атом эгоизма”) к человеку технократическому (“человеку-функции”)
7. В чем смысл гносеологической эволюции идей технократизма: от соотношения разума и рассудка через рациональность к сциентизму?
8. Назовите основные положения философско-технической составляющей эволюции идеи технократизма.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Льюиси М. История физики. М.: Наука, 1970. С. 19–20.
- 2 Юревич А.В. Культурно-психологические основания научного знания // Проблема знания в истории науки и культуры. СПб., 2001. С. 158.
- 3 Эстетика Ренессанса. М.: Искусство, 1981. Т. 1. С. 363–367.
- 4 Чуковский М.А. Механика Леонардо да Винчи. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 315
- 5 Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Новое время. ТОО ТК «Петрополис», 1996. Т. 3. С. 181–182.
- 6 Фон Вригт Г.Х. Философия техники Николая Бердяева // Вопросы философии. 1995. № 4. С. 70.
- 7 Тулмин Ст. Человеческое понимание. Благовещенск: Изд-во БГК, 1998. С. 16.
- 8 Блюменберг Х. Жизненный мир и технизация с точки зрения феноменологии // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 70.
- 9 Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 2004. С. 101–102
- 10 Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования.

ния. М.: Academia. 2004. С. 101–102.

11 Сен-Симон А. Труд о всемирном тяготении // Утопический социализм: Хрестоматия. М.: Политиздат. 1982. С. 220.

12 Сен-Симон А. Труд о всемирном тяготении // Утопический социализм: Хрестоматия. М.: Политиздат. 1982. С. 221.

13 Гегель Г. Соч. Т. 6. М., 1939. С. 205

14 Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 283.

15 Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 67.

16 Сен-Симон А. Избр. соч. М.; Л. 1948. Т. 1. С. 216.

17 Там же. С. 316.

18 Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 2004. С. 99.

19 Цит. по: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 2004. С. 88.

20 Kapp E. Grundlinien einer Philosophie der Technik 1877. P. 44–45.

21 См.: Ленк Х. Размышления о современной технике. М.: Аспект Пресс, 1996; Митчел К. Что такое философия техники? М.: Аспект Пресс, 1995 и др.

22 Мэмфорд Л. Миф о машине: техника и развитие человечества. М.: Логос, 2001.

23 Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Вопросы философии, № 10, 1993. С. 37.

24 Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Вопросы философии, № 10, 1993. С. 44.

25 Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С. 131.

26 При этом следует отметить, что «...марксистская традиция не только избегает использовать термин «философия техники», более того... подчеркивается, что объектом критики является не собственно техника, а ее социальные связи. Иными словами, вопросы возникают не по поводу техники, а в отношении социального контекста, в котором она существует.» Митчел К. Что такое философия техники? М.: Аспект Пресс, 1995. С. 58.

27 См.: Маркс К. Капитал. Т.1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2- изд. Т. 23. С. 191.

ЛИТЕРАТУРА:

Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления/ Ф.Бэкон. - М.: Акад. наук, 1954.

Бэкон Ф. Новый органон. - Рига: Звайгзне, 1989.

Мор Т. Утопия. - Киев: Днипро, 1988.

Мамфорд Л. Мир машины: Техника и развитие человечества. - М.: Логос, 2001

Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике// Вопросы философии. - М., 1993. №10. С. 32-69.

Плитон. Государство. - Рига: Звайгзне, 1982

Сен-Симон А. Избранные сочинения: в 2-х тт. - М; Л., 1948. Т.1.

Вригг фон Г.Х. Философия техники Н. Бердяева// Вопросы философии. - М., 1995. - №4. - С. 69-78.

Шаповалов В.Ф. Философия науки и техники. - М.: Фапр-Пресс, 2004.

Лекция 3.

КЛАССИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И ПРАКСИОЛОГИЯ ТЕХНОКРАТИЗМА

Появление классических концепций технократизма, созданных главным образом интеллектуальными усилиями Т. Веблена и Дж. Бернхема, было обусловлено не только достаточной индустриальной зрелостью общества, но и наличием объективных предпосылок к реальному объединению технических практиков (техников, инженеров, изобретателей), работодателей (предпринимателей, промышленников) и теоретиков (философов, экономистов, социологов и др.), что выразилось в конечном счете, в образовании как технократической элиты, так и технократической социальной массы, разделяющей технократические воззрения.

Проведенное историко-философское исследование позволяет утверждать о классическом характере технократических теорий Т. Веблена и Дж. Бернхема, потому что именно там был провозглашен своеобразный «манифест технократизма», обнародовавший стратегические цели технократии как зарождающейся социальной группы, осуществляющей теоретический прорыв, связанный с переходом от отдельных, разрозненных технократических высказываний к зрелой технократической теории, включающей в себя как экономические, социально-политические разделы, так и программу технократической прaksiологии, т.е. системы практических действий по реализации поставленных теоретических задач. В их трудах были сформулированы базовые ценности технократии, оставшиеся практически неизменными на всех последующих этапах эволюции технократических концепций; «построена» своего рода метатеория технократизма, без понимания которой смысл всех последующих теорий технократизма остается неясным и будет понят весьма условно и приблизительно; создана теория, оказавшая серьезное влияние на развитие теоретических социальных воззрений.

Рассмотрим содержание перечисленных утверждений более обстоятельно.

Данные концепции технократизма можно назвать классическими, так как именно они впервые в теоретической целостности сформулировали и провозгласили стратегические цели технократизма, явились своеобразным «манифестом технократии».

Суть стратегических целей технократизма состояла в теоретическом осмыслении своего политического, экономического, социального стату-

са и вытекающей из этого необходимости борьбы технократии как социальной группы за экономическую и политическую власть. Произошло теоретическое оформление мысли о том, что техника – орудие власти над другими людьми, над природой, над пространством и временем, жизнью и смертью. В более развернутом виде это понимание было сформулировано Т. Вебленом и Дж. Бернхемом как идея о возможности эффективного функционирования власти, основанной на научной компетенции, о возможности замены политического субъективного решения решением рациональным и объективным. В основе такой серьезной социальной проекции находились следующие аргументы: во-первых, все возрастающая роль специальных, главным образом технических знаний для эффективного управления не только производственными, но и социально-политическими процессами. Во-вторых, высокая степень научной компетенции технократов, способных с высокой степенью оптимальности применить специализированные знания, и обладание ими методиками принятия эффективных управленческих решений. В-третьих, все возрастающая роль научно-технического прогресса для развития современного западного общества в целом.

Так, например, в работе Т. Веблена «Инженеры и система цен» (1921 г.) утверждалось, что технические специалисты являются служителями промышленного и социального прогресса, они обязаны во имя общей пользы сменить в деле социального управления буржуазию и финансистов. Другой классик технократических концепций Дж. Бернхем отталкивается от известной марксистской мысли о том, что экономически господствующий класс также держит бразды правления в политической власти. Правящей он называет группу, которая, «по сравнению с остальным обществом, в большей степени контролирует доступ к средствам производства и распоряжается распределением товаров»¹; «самый легкий путь увидеть, что есть правящая группа в любом обществе – это посмотреть, какая группа получает наибольшие доходы»². Он утверждал, что под воздействием «технологической революции» капитализм сменяется не социализмом, как это утверждал К. Маркс, а «обществом управляющих», так как технократия в лице менеджеров (управляющих) стала политической реальностью в ведущих странах мира. Менеджеры, выпадающие из классовой структуры буржуазного общества, берут на себя роль экономического и политически господствующего класса. Дж. Бернхем противопоставлял менеджеров-технократов бюрократам. «Именно менеджеры, а не бюрократы, являются ведущим звеном нового правящего класса», потому что у бюрократов нет экономической базы. Собственность означает контроль, а без контроля невозможна и

собственность. Таким образом, собственность переходит в руки осуществляющих контроль, т.е. менеджеров³.

Дж. Бэрнхем в книге «Революция менеджеров» заявил, что технократия в лице менеджеров (управляющих) стала политической реальностью в ряде стран мира, и что под воздействием «технологической революции» капитализм сменяется не социализмом, а «обществом управляющих». Собственность означает контроль, считал Дж. Бэрнхем, и если нет контроля, то нет и собственности. А так как собственность и контроль в корпорации и государстве не отделены друг от друга, то собственность переходит в руки осуществляющих контроль, в данном случае – менеджеров. Со временем эти новые собственники создадут и упрочат необходимые им политические структуры и институты, станут политической силой, что и наблюдается в ряде стран.

Следует отметить, что в дальнейшем создавалось немало технократических концепций, которые, отличаясь друг от друга, были едины в одном – в претензии существенно влиять на социальную жизнь через политическую власть в худшем случае, а при лучшем раскладе – через непосредственное обладание политической властью. Необходимость превращения технократии в ведущую политическую силу общества вытекала из теоретического понимания экономического, политического, социального статусов технократии, сформулированных Т. Вебленом и Дж. Бэрнхемом. Это понимание стратегических целей превращало технического специалиста в технократа. Технократом мог быть лишь тот, кто распространяет технократическую идею до завоевания политической власти. Этот вердикт разделяли многие последователи «отцов технократизма», их последователи А. Берл, А. Фриш и др. Рассматриваемые концепции обладают классическим характером еще и потому, что именно с их помощью был осуществлен переход от отдельных, разрозненных технократических воззрений к цельной системе теоретических взглядов, включавших в себя не только экономические и социально-политические разделы, но и программу практической реализации заявленных теоретических задач (технократическую праксиологию).

Рассмотрим содержание классических технократических концепций подробнее, с учетом того, что они были неоднородны.

«Отцом технократизма» обычно называют Т. Веблена (1857–1929) – известного американского экономиста, социолога, философа, основоположника одного из главных направлений современной западной экономической мысли – институционализма⁴. Суть концепции он изложил в принесшей ему мировую славу и известность книге «Теория праздного класса. Экономическое исследование института» (1899 г.), а также

в последующих трудах «Теория делового предпринимательства» (1904 г.), «Инстинкт мастерства и уровень развития технологии производства» (1914 г.), «Крупные предприниматели и простой человек» (1919 г.), «Инженеры и система ценностей» (1921 г.), «Абсентеистская собственность и предпринимательство в Новое время» (1923 г.).

В основу технократической концепции он положил исследование причин возникновения и истории выделения праздного класса, его сущности на современном этапе и предвидения социальных перспектив. Подобный ход мыслей позволил ему осознать теоретическое и практическое значение технократии.

Важным теоретическим шагом его концепции являлась необходимость обоснования прогрессивной социальной роли технократов в сравнении с праздным классом. Обоснование этого важнейшего теоретического положения он начал с анализа процесса возникновения праздного класса, появление которого, вне всякого сомнения, было связано с возникновением частной собственности.

Потребление праздного класса вступило в противоречие с интересами общества в целом.

Т Веблен выделил важнейшие свойства праздного класса: праздный образ жизни и «демонстративное потребление». Потребление праздного класса он обозначал также термином «расточительное потребление».

Укрепление института частной собственности, растущая власть денег привели к возникновению «денежной цивилизации», и развитие человеческого общества, по мнению Т. Веблена, пошло по ложному пути. «Денежная цивилизация» породила бесполезный для общества класс собственников денежных богатств, не участвующих в создании материальных ценностей, а проявляющих ненужное расточительство материальных благ во имя ложно понимаемого престижа, демонстрацию богатства, «денежной силы».

После этого очевиден важнейший для его технократической концепции вопрос: кто же придет на смену существующим социальным институтам? Т. Веблен был уверен в том, что рабочие не представляют самостоятельной общественной силы и даже более того, он был уверен, что низшие классы столь же консервативны, как и высшие. Силы нищих людей поглощает постоянная борьба за пропитание, и они консервативны уже потому, что не могут позволить себе позаботиться о послезавтрашнем дне. Очевидно принципиальное расхождение с марксизмом, утверждавшим, что пролетариям «нечего терять, кроме своих цепей, а приобретут они весь мир».

«Нищим пролетариям» он противопоставлял технократов, с ко-

торами и связывал все свои революционные надежды на социальное преобразование общества. В условиях широкого применения машинной техники углубляется общественное разделение труда, неизбежно формируется «единая индустриальная система», усложняются технологические процессы, усиливаются взаимосвязи между предпринимателями, а в пределах индустриальной системы процедура управления производством поднимается на новый уровень. Только инженерно-технические специалисты, обладающие необходимыми знаниями и умениями, способны устранить производственный хаос, расточительство, техническую отсталость. Будущее – за технократами – вот та социальная группа, которая способна стать революционным носителем нового. Их преобразующие социальные возможности заложены в их уникальной роли в индустриальном производстве, постоянном росте их численности, совершенствовании природного «инстинкта мастерства».

Технократическая концепция Т. Веблена являлась важнейшей частью его экономической теории. Он был уверен, что взаимодействие технических, экономических, биологических, психологических и других элементов имеет место всегда, но по мере развития капитализма техника оказывается главным фактором социально-экономического развития. Крупное машинное производство становится центральным звеном экономической структуры общества, оно не только способно создавать экономические и социальные блага, но и навязывать своим участникам особый способ мышления. Т. Веблен считал, что работники крупного машинного производства оказываются автоматически заинтересованными в его лучшем функционировании и технической оснащенности, что заставляет их действовать в интересах социального прогресса. Интересы технократов, таким образом, совпадают с общественными интересами. Признавая факт существования классовой борьбы в условиях капитализма, он был убежден, что ведется она не между капиталистами и пролетариями, а между бизнесменами и инженерами.

Т. Веблен противопоставлял инженеров бизнесменам: по мере развития капитализма «производительные функции» переходят к инженерам, а капиталисты занимаются лишь финансовой деятельностью и не выполняют полезной работы. Главным источником противоречий между инженерами и бизнесменами является несоответствие целей и методов, применяемых теми и другими в своей деятельности. Основная цель инженеров – наилучшая работа промышленности, а не прибыль, как для бизнесмена, который становится лишним звеном экономической организации. Пролетариат также задействован в промышленном производстве, но он слишком занят вопросами собственного выживания, поэтому

единственными носителями прогресса Т. Веблен считал «специалистов-экспертов», инженерно-техническую интеллигенцию.

Каким же видится Т. Веблену механизм прихода технократов к власти?

В прогностическом сценарии у Т. Веблена предполагается забастовка инженеров, которая и должна привести к установлению «нового порядка». Революция в XX столетии, утверждает он, могла бы быть только «индустриальным переворотом», и, если бы такая произошла в США, то ее возглавила бы отнюдь не второстепенная политическая партия, как в России, которая была раздробленным и отсталым в промышленном отношении регионом, и не профсоюзы, «хранящие верность лишь ложке и тарелке», а специалисты по организации производства, выступающие в качестве необходимого «генерального штаба» индустриальной системы.⁵ «Без их непосредственного и неослабного руководства, и постоянного вмешательства – считает он, – индустриальная система не сможет работать. Инженеры создают, налаживают и поддерживают механически организованную структуру технических процессов. Без них и без их постоянного внимания все производственное оборудование, все механические устройства превратятся в груды мусора»⁶. Вся индустриальная система настолько зависит от деятельности технократов, что «забастовка инженеров» неизбежно вызовет «паралич старого порядка» и заставит промышленников отказаться от своих руководящих позиций в производстве, а затем и от политической власти. Для решения этой задачи, считал он, будет достаточно объединить лишь 1% всех инженеров и техников. Затем необходимо будет создать самостоятельную организацию, «совет технических специалистов» для решения вопросов хозяйственной жизни. Формироваться этот совет будет путем самоотбора из состава технократической элиты. По существу, Т. Веблен первым среди экономистов выдвинул идею социального контроля над экономикой в интересах общества, для чего необходимо ликвидировать собственность финансовой олигархии, именно этим и должен заниматься «совет технических специалистов», которому будет подчиняться все производство в стране.

Сформированный из ведущих специалистов промышленности, транспорта и сферы услуг совет будет действовать, по мнению Т. Веблена, опираясь на принципы производственной эффективности, экономного использования природных ресурсов и справедливого распределения потребляемой продукции. Следует отметить, что в технократической концепции Т. Веблена не разработан вопрос о роли и назначении ученых. С одной стороны, наука и возникающая на ее базе техника, на-

учно-технические знания всячески приветствуются и восхваляются, а с другой, в отличие от А. Сен-Симона – он не придавал существенного значения роли ученых и оценивал их скорее как консервативную силу. Также необходимо заметить, что предлагаемая Т. Вебленом технократическая концепция, подвергнув справедливой критике праздный класс, безумную «фетишизацию доллара», не отрицает капитализм и является своеобразным вариантом защиты капитализма, применяя технократический подход для сглаживания антагонизмов.

Практическая невыполнимость реализации концепции «бунта инженеров» не означала, однако, упадка идей технократизма. Напротив, идеи о переходе власти к техническим специалистам все шире распространялись в западном обществе, хотя и не в столь радикальной форме как у Т. Веблена. Основу новой формы классической концепции технократии составили теории Дж. Бернхема.

Еще в 1933 году во время Великой депрессии, поразившей Америку, Говард Скотт во «Введении в технократию» настоятельно рекомендовал использовать ученых-физиков для решения социально-экономических проблем. А в 1947 году Т. Свонн Гардинг в статье «Место науки в демократическом правительстве» потребовал предоставления ученым и инженерам решающей роли в формировании политики: отныне решения должны были приниматься на базе научно установленных фактов, истолкованных специалистами⁷. В этот период речь идет уже о «революции менеджеров», в ходе которой власть переходит от собственников к технократам, но не непосредственно к инженерам, а к слою профессиональных управляющих – менеджеров.

Американский социолог Дж. Бернхем в 1941 году в работе «Революция управляющих» (The managerial revolution) выдвинул теорию «общества управляющих», где, в отличие от Т. Веблена, утверждал, что будущими господами общества следует считать не техников и инженеров, а высших администраторов, организаторов, управляющих. Бернхемовская «революция управляющих», считает Д. Белл, имела серьезное влияние на протяжении тридцати лет, прошедших со времени опубликования его работы. Главная идея состояла в том, что функция, а не собственность, является важнейшей основой власти в обществе, где сильны технические начала. Механизм смены классов, по Дж. Бернхему, состоит в следующем: как не угнетенное крестьянство пришло на смену деспотичным феодалам, а их обоих вытеснил совершенно иной класс – буржуазия, перестроившая общества по собственному образу и подобию, так и пролетариат не приходит на смену капиталистам, а оба этих класса будут заменены «управляющими», которые станут новой

правлящей элитой, завладев властью на основе своего технического превосходства⁸.

Следует согласиться с мнением Д. Белла, который не без оснований утверждал, что выводы Дж. Бернхема о «революции управляющих», не смотря на широкий общественный резонанс, были неубедительны, так как ключевые понятия были определены небрежно. Так, неясно содержание ключевой категории его технократической концепции – «управляющие». Под «управляющими» Дж. Бернхем имел в виду руководителей производства, инженеров-администраторов, «осуществляющих контрольные функции технических специалистов», но не финансистов; такая дифференциация являлась искаженным вариантом разграничения, проводимого Т. Вебленом между промышленностью и бизнесом. Однако управляющие имеются также и в правительстве, где они занимают должности администраторов, членов комиссий, возглавляют отделы и т.д. По-видимому, существовала общность интересов тех, кто работал на предприятиях, и в производстве, и в правительстве.

Д. Белл также был не согласен с прогнозами Дж. Бернхема относительно прихода управляющих к власти. Он сомневался относительно правильности понимания механизма прихода к власти управляющих. Управляющие, по Дж. Бернхему, будут осуществлять власть над средствами производства через контроль над государством, которое, в свою очередь, и будет владельцем средств производства. «Опыт показывает, что не существует ни малейшего шанса избавить капитализм от массовой безработицы... Размер государственного и частного долгов достиг отметки, после которой ими больше не возможно управлять... Во всех крупных капиталистических странах продолжается постоянная сельскохозяйственная депрессия... Капитализм больше не в состоянии найти применение имеющимся в наличии инвестиционным фондам, которые лежат без движения на счетах банков. Массовое не использование частных средств вряд ли является менее наглядным показателем гибели капитализма, чем массовая безработица»⁹.

Сдвиг от капитализма к обществу управляющих уже заметен, по мнению Дж. Бернхема, в Германии и Италии, в Советском Союзе возникло государство, наиболее приближенное к структуре, возглавляемой управляющими. Исходя из этого, он пишет: «Сейчас мы в состоянии понять главный исторический смысл первых двух мировых войн двадцатого столетия... Война 1914 года была последней великой войной капиталистического общества; война 1939 года является первой великой войной общества управляющих... Общий исход второй войны предопределен, так как не зависит от военной победы Германии, которая

представляется вполне вероятной. Итогом будет крах капитализма, консолидация Европы (дни Европы, раздробленной на два десятка суверенных государств, закончились) и торжество общества «управляющих»¹⁰.

С этой позицией были не согласны не только Д. Белл, но и многие другие. Так, в сравнительном исследовании менеджмента К. Керр, Ф. Харбисон, Дж. Данлоп и Ч. Майерс делают вывод, противоречащий утверждениям Дж. Бернхема. Хозяйственные менеджеры и государственная бюрократия, утверждают они, нередко отличаются друг от друга и часто не ладят между собой. Во всех промышленно развивающихся обществах класс управляющих не имеет ни возможности, ни желания стать единственной правящей группой. Менеджеры по своей сути являются доверенными лицами акционеров, государственных органов, а иногда даже советов рабочих. Поскольку они заняты внутренними делами предприятий, которые постоянно усложняются, представители класса управляющих имеют склонность скорее становиться конформистами, чем лидерами в масштабах общества¹¹.

Предвидя подобного рода возражения, Дж. Бернхем в 1943 году в книге «Макиавеллианцы – защитники свободы» указывал на необходимые условия существования любого государства: политическую власть, отношения господства и подчинения. Он утверждал о наличии разрыва между собственником капитала и действительным руководством предприятия. Реальная власть переходит от собственника или акционера к менеджерам, которые представляют собой единственную силу, способную получать и анализировать необходимую информацию. Для человека, не входящего в эту группу и, следовательно, недостаточно информированного, становится все труднее и труднее реально участвовать в процессе принятия решений. Так, например, на крупных предприятиях власть менеджеров является абсолютной. Представители собрания акционеров в административном совете имеют скорее иллюзию власти, чем саму власть. По существу, их собрания – всего лишь церемонии для ратификации решений технократов.

Таким образом, по мнению Дж. Бернхема, осуществляется видимость реальной власти. Кажется, что наиболее одаренные из «низов» поднимаются «наверх», а деградирующие члены «элиты» опускаются «вниз», но на самом деле это только видимость. Менеджеры (технократы) лишь обеспечивают себе реальную власть, используют ее в своих собственных целях, гарантируют получение минимума прибыли, чтобы удовлетворить акционеров и сохранить свою независимость, но, отталкиваясь от этого, стратегически предусматривают не столько увеличение прибыли, причитающейся акционерам, сколько обеспечивают

расширение предприятия, развитие которого увеличивает их оклады и повышает их статус.

Рассматриваемые концепции обладают классическим характером еще и потому, что именно в них впервые были сформулированы основные ценности технократизма, оставшиеся, по существу, неизменными на всех последующих этапах эволюции технократической теоретической мысли.

Т. Веблен и Дж. Бернхем в своих работах уделяет большое внимание проблеме, которую условно можно назвать культурой властвования. Анализируя качество политических институтов власти и управления, способов функционирования властных отношений, они подчеркивали двуединый характер культуры властвования: с одной стороны, это «должное», т.е. совокупность объективированных в ней ценностей и основанных на них правовых норм, определяющих характер и границы власти, а с другой – это «сущее», т.е. уровень соответствия фактического функционирования власти нормативному, «должному». Задача высших администраторов, организаторов, управляющих состоит в максимальном сохранении господствующей системы управления через гармонизацию «должного» и «сущего» на основе технократических ценностей. С известной долей условности технократические ценности можно подразделить на две группы: социально-экономические и методологические. Социально-экономические ценности технократизма были сформулированы довольно четко. Важнейшие из этих ценностей провозгласил Т. Веблен как противопоставление особенностям праздного класса, признание технического прогресса ведущей силой развития общества, уверенность в том, что формирующаяся техническая инженерная интеллигенция есть новый, «духовно здоровый» слой общества, способный во имя общей пользы сменить буржуазию и финансистов. В настоящее время эти ценности звучали бы следующим образом: 1. Технократ обязан участвовать в полезном труде, создании материальных ценностей. В этом его принципиальное отличие от представителей праздного класса, которые оказываются привилегированной группой и стоят во главе общественной иерархии лишь по причине обладания собственностью на средства производства, благодаря «факту собственности». По Т. Веблену, праздность позорна и невозможна для технократов. 2. Технократ отрицает свойственное представителям праздного класса чрезмерные, не обусловленные человеческими потребностями размеры потребления. Чрезмерное потребление противоречит интересам общества в целом и возможно лишь благодаря собственности, с помощью которой праздный класс присваивает себе большую часть созданного обществом продукта.

3. Технократ обладает необходимыми знаниями, навыками, умениями, позволяющими ему эффективно управлять производством.

Ценности технократии методологического характера выражены менее отчетливо, но при внимательном прочтении могут быть выявлены и они. В числе важнейших из них следует назвать тотальный сциентизм и техноцентризм.

Относительно тотального сциентизма следует отметить, что в современной философской мысли сложились три теоретических взгляда на науку в ее связи с жизнью человека: наука – продукт, созданный человеком (К. Ясперс); наука – продукт бытия, открываемый через человека (М. Хайдеггер); наука не только изучает мир и его эволюцию, но и сама является продуктом эволюции, составляя вслед за природой и человеком, особый, «третий» мир – мир знаний и навыков (К. Поппер). Т. Веблен и Дж. Бернхем явно тяготели к тому, что впоследствии в попперовской концепции будет сформулировано как «третий мир». Они неоднократно подчеркивали непосредственную пользу науки для общественного производства и благосостояния людей, в известной степени фетишизировали науку, рассматривая ее как кладезь знаний, накопленных человечеством и способных учить людей думать, развивать ум, экономить умственную энергию. В подобного рода рассуждениях нет ничего предосудительного, но при абсолютизации этих идей, распространении их на все сферы жизнедеятельности общества и человека преувеличенные представления о возможностях науки, стремления поставить науку выше культуры, морали – недопустимы. В этом случае мир науки жестко противопоставлялся не только миру физических объектов, но и миру человека.

Тотальный сциентизм рассматривает научный мир как своего рода философский эквивалент «мира идей» Платона или «града Божьего» Августина Блаженного. Для тотального сциентизма как методологической ценности технократов была характерна и абсолютизация стиля, метода «точных» наук, стремление с их помощью исследовать и социально-гуманитарную проблематику без учета ее специфики. Так, Т. Веблен как основоположник институционализма, одного из основных направлений современной теоретической экономики, через анализ двух исходных понятий «институция» – установление, порядок, принятый в обществе, и «институт» – закрепление обычаев и порядков в виде законов или учреждения, реализовал характерное для технократов стремление изучать внеэкономические явления. Т. Веблен, первым из теоретиков технократизма выстраивает теорию технократизма как междисциплинарное исследование, он расширил предмет политической экономии

за счет привлечения многих дисциплин, в том числе, и философии. Впоследствии эта тенденция просматривалась и в технократических концепциях индустриального и постиндустриального общества.

Методологическая парадигма рациональности классической концепции технократизма была традиционной и основывалась на идеях: а) независимости объекта и субъекта, приоритетной значимости выявления «природы» объекта, которая рассматривалась как некая существующая независимо от исследователя системная целостность; б) природа понималась как упорядоченная, закономерно устроенная система, в которой человек разумный, познав ее законы, способен поставить внешний мир под свой контроль; в) идея преобразования мира и подчинения человеком природы на основе научно-технического прогресса становится доминантой технической рациональности¹².

Другой важнейшей методологической ценностью рассматриваемых концепций являлась идея техноцентризма. Технократы выступали как своеобразное «лобби» техноцентризма, убежденное в том, что это единственный путь в будущем для решения всех социальных проблем и поглощения всех нерациональных областей в жизнедеятельности социума. Так, уже у Т. Веблена можно обнаружить явные симпатии к машинному производству, с помощью которого, например, товары содержать в себе меньше дефектов и вообще могут лучше удовлетворять рациональные потребности покупателей. Крупное машинное производство, по его мнению, становится центральным звеном экономической структуры общества, навязывающим его участникам особый способ мышления. В дальнейшем идея техноцентризма активно разрабатывалась в рамках технического детерминизма, где в соответствии с классическими представлениями технократизма воспроизводство всех общественных отношений в социуме рассматривалось по аналогии с машинными технологиями, а техническое мышление распространялось на все виды деятельности.

Данные концепции технократизма можно рассматривать в качестве классических еще и потому, что именно в них была построена своего рода метатеория технократизма. Многие идеи «отцов технократизма» не были реализованы в социальной действительности, однако теоретическая значимость их учения огромна и во многом приобрела очертания метатеории. Традиционно под метатеорией понимают теорию, анализирующую структуру, методы и свойства какой-либо другой, так называемой объектной теории. Как известно, наиболее развитый характер метатеории имеют в логике (металогика) и в математике (метаматематика). Применительно к гуманитарным и социально-экономическим

наукам, как правило, о метатеориях не говорят, ссылаясь на отсутствие необходимых для метатеории признаков, например, невысокая степень формализации, отсутствие метаязыка и т.д. Однако такого рода утверждения не учитывают специфику как гуманитарной, так и социально-экономической природы знания и затушевывают основное предназначение метатеории – исследовать действительность через призму объектных теорий, служить ключом для понимания сути этих объектных теорий, накладывать на эволюцию объектных теорий не только определенные ограничения, но и выступать мощным стимулом для реализации их креативного потенциала.

В качестве примера метатеории в социальном познании можно привести теорию марксизма. Марксизм с его учением о классовой борьбе, смене общественно-экономических формаций и так далее можно рассматривать как метатеорию для трудящихся различных континентов мира, стран с различным уровнем экономического, политического, социального и духовного развития. Марксизм как метатеория обладал способностью объяснить и английскому пролетариату, и российскому крестьянину, и монгольскому скотоводу, и жителю островов Огненная Земля, и многим другим суть происходящего, давал им метаязык, с помощью которого они могли приобщиться к марксизму и на теоретическом уровне понимать друг друга. Кроме того, во многом именно потому, что марксизм обладал чертами метатеории, он стал основой для появления бесчисленного множества концепций марксистского толка. И если марксизм стал своеобразной метатеорией для угнетенных, поработанных и обездоленных, то вполне приемлемо рассматривать классические теории технократизма как основу метатеории для менеджеров, управляющих высокого ранга, т.е. всех тех, кого нередко объединяют одним словом – технократы. Классические теории технократизма можно считать метатеорией еще и потому, что в них были сформулированы социальные интересы и определен социальный статус технократии с учетом их зависимости как от господствующих, так и от управляемых слоев общества. Вполне очевидно предположить, что подобного рода метатеории имеют право на существование.

Классические концепции технократизма как метатеория явились закономерным этапом развития как историко-философской мысли, так и многих других социальных исследований. Их значение заключалось в способности: а) решать проблемы теоретического наследия технократии, исторической преемственности, опыта и традиций технократии различных стран, способных в прямой и косвенной формах влиять на политику и другие стороны социальной жизни; б) выступать как усло-

вие определенной формы теоретической и практической активности, а также как инструмент этих отношений и взаимодействий; в) являться предметом анализа, по крайней мере на трех уровнях социального существования: индивидуально-групповом, в рамках существующей политической системы и в масштабах общества в целом.

Не будет сильным преувеличением утверждение о том, что в явном или неявном виде идеи технократизма как метатеории присутствуют и во многих современных концепциях социального развития. Это обусловлено несколькими обстоятельствами.

Во-первых, технократические концепции как метатеория возникли на этапе перехода передовых социально-технических стран от традиционного общества к техногенному. Этот переход сопровождался увеличением машинного производства, возрастанием размеров техносферы в жизни социума, усилением роли артефактов, способных производить другие артефакты (станки, механизмы и т.д.), различных технологий и технических знаний у конкретного человека, хотя бы и на уровне пользователя в связи со сплошной «технизацией» быта. В работах Т. Веблена особое внимание уделено исследованию современной ему экономической организации или, как он называет, «новой индустриальной системы». Ее характерные черты – машинный процесс и инвестиции ради прибыли. Термины «индустрия» и «индустриальная система» Т. Веблен употребляет как синонимы материальному производству, основанному на машинной технике.

Во-вторых, технократизм как метатеория многолик и пронизывает все сферы жизнедеятельности социума. Идеи технократизма можно отыскать в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизни людей. Во многом это и обусловило междисциплинарный характер технократических исследований.

В-третьих, технократические идеи как метатеория могут исчезнуть только с завершением научно-технического прогресса. Можно сколько угодно говорить об опасности научно-технического прогресса для человечества, его негативных последствиях, но отказаться от благ техногенной цивилизации способны не многие, а то и вовсе единицы. Т. Веблен ответом на вопрос, что ждет человечество в будущем, и что придет на смену современным институтам, посвятил свои поздние работы «Теория делового предпринимательства» и «Инженеры и система ценностей», в которых нашла свое концептуальное оформление стратегическая цель технократии – претензия на политическую власть. Эта претензия реализовывалась поэтапно: вначале влиять на политическую власть, а затем непосредственно обладать ею. Захват власти и восстановление «нового

порядка», по мнению Т. Веблена, возможны через «забастовку инженеров». Достаточно 1% инженеров и техников для парализации «старого порядка» и взятия политической власти, затем необходимо создать «совет технических специалистов» для решения всех вопросов политической и хозяйственной жизни общества. Дж. Бернхем, в свою очередь, утверждал, что будущей элитой общества будут не техники и инженеры, а высшие администраторы, организаторы, управляющие. Следует обратить внимание на готовность «отцов технократии» к революционному захвату власти. Этот путь они считали единственно возможным и нравственно оправданным.

С учетом высказанных рассуждений можно сказать, что технократические концепции как метатеория – это часть теоретической культуры техногенного общества, представляющая собой систему теоретических идей, ценностей, норм, образцов поведения технократов, передаваемых из поколения в поколение, которые являются общепринятыми и служат упорядочиванием их опыта.

Классические концепции технократизма оказали серьезное влияние на другие социальные воззрения. Это хорошо видно на примере исследования концепций «политических элит», которые, как известно, существовали задолго до возникновения концепций технократии. С известной степенью условности, классические концепции технократизма и их последующие модификации следует рассматривать как специфическую, относительно самостоятельную группу. В дальнейшем процесс взаимопроникновения концепций технократизма и политических элит только усиливался. Технократическая мысль оказалась под жестким влиянием элитологии, что, несомненно, сказалось на всей последующей эволюции технократизма, но, в свою очередь, и концепции элитарности во многом испытывали на себе мощное воздействие технократической мысли. Д. Белл в подтверждение этого мнения приводит тот факт, что Дж. Бернхем, автор концепции «революции управляющих», считал предвестником своих идей Г. Моска, объявлявшего, что политический процесс является постоянной «борьбой за превосходство» со стороны решительно настроенных меньшинств, В. Парето, рассматривавшего политическую историю как «движение элит», в ходе которого новые энергичные силы общества овладевают настроениями масс ради достижения власти¹³.

Анализ классических концепций технократизма и концепций элитаризма позволяет выявить общие для них теоретические положения.

Во-первых, особые качества технократов (элиты) непосредственно связаны как с природными дарованиями, так и с воспитанием, проявля-

ющемся в способности к управлению, борьбе за власть. Господствующее привилегированное положение стремятся занять многие люди, обладающие высокими психологическими и моральными качествами, однако никто не хочет добровольно уступать им свои посты и положение, поэтому скрытая или явная борьба неизбежны.

Во-вторых, персональный состав технократов (элиты) изменяется, но ее господствующие отношения к массам в своей основе остаются неизменными. Они выполняют необходимую для социальной системы функцию управления, хотя и не всегда эффективно. Стремление сохранить и передать по наследству свое привилегированное положение неизбежно ведет к деградации, утрате своих выдающихся качеств.

В-третьих, глубокое различие между технократией (элитой) и массой. Выходцы из народа могут войти в элиту, лишь заняв высокие посты в общественной иерархии, однако, реальных шансов у них на это не много. Возможности влияния масс на элиту посредством выборов и других демократических институтов весьма ограничены. С помощью денег, знаний, отработанного механизма манипулирования сознанием властвующая элита управляет массами фактически бесконтрольно. Рекрутирование технократией (элитой) осуществляется преимущественно из своей собственной среды на основе принятия ее социально-политических ценностей. Важнейшими критериями отбора являются обладание ресурсами влияния, а также деловые качества и конформистская социальная позиция.

Технократическую праксиологию, сформировавшуюся и реализуемую на базе рассматриваемых классических концепций, условно можно назвать практикой «технократического романтизма».

Важнейшими особенностями праксиологии «технократического романтизма» были: 1) отсутствие массовой социальной поддержки, существование в виде некоего «интеллектуального изыска»; 2) просветительство, рассматриваемое в качестве главной характеристики мировоззрения технократов этого периода; 3) определенная радикальность предлагаемых в будущем методов завоевания власти. Рассмотрим содержание этих особенностей подробнее.

Во-первых, технократическое движение в начале этого периода не имело массовидного характера и было присуще лишь отдельным индивидам, обладавшим интеллектуальной силой социального предвидения, позволившей им выйти за рамки господствовавших в обществе социальных стереотипов. Практика «технократического романтизма» реализовывалась на этапе утверждения капиталистических производственных отношений, окончательно победивших ремесленничество и

сильно потеснивших аграрный сектор. Это был исторически этап начала трансформации наиболее промышленно развитых стран из традиционных в техногенные. Технократы уловили суть этих изменений и активно способствовали продвижению этого процесса как социально прогрессивного.

Мануфактурная стадия промышленного развития охватывает период XVI–XVIII веков и, как известно, завершается буржуазными революциями, позволившими к уже существовавшей экономической мощи добавить политическую власть. Это позволило провести промышленный переворот, который начался в середине XVIII века в Англии, а затем распространился и на другие страны. Суть его состояла в переходе от мануфактур к крупному промышленному производству, в отделении промышленности от сельского хозяйства, в образовании городов – промышленных центров и т.д. Фабрикант-промышленник превратился в главного выразителя интересов буржуазии. Рост фабричного производства сопровождался резким усилением массовой нищеты, породил массовую безработицу, вызвал усиление степени эксплуатации (замена рабочих – мужчин женщинами и детьми, снижение реальной заработной платы). Следствием всего этого неизбежно стало обострение социальных противоречий, нарастание накала классовой борьбы от слабо организованных протестов луддитов, испытывавших страх перед машинами, видевших в них угрозу труду, посредством которого рабочие зарабатывали себе на жизнь¹⁴, до создания мощных пролетарских организаций (профсоюзов, партий).

Технократическая идея получила популярность в среде инженеров, техников, механиков, части интеллигенции, явилась своего рода реакцией на обострение социальных противоречий и определение путей выхода из сложившейся ситуации. Это был своеобразный «третий путь»: в противовес идеям диктатуры пролетариата и исторической миссии буржуазии, они выдвигали идею исторической миссии технократии. Именно технократы должны были стать главным социальным двигателем, задачи же других социальных классов и групп в лучшем случае рассматривались как второстепенные. Как уже отмечалось, такой подход в историко-философском контексте был не нов и во многом перекликался с мыслями Платона, Ф. Бэкона, А. Сен-Симона, О. Конта и других об обществе, управляемом «философами», «мудрецами» и тому подобной «экспертократией». Период практики «технократического романтизма» характеризовался отсутствием массовидного социального движения технократов, в этот период они существовали лишь в виде отдельных «диссидентов».

Во-вторых, технократическая праксиология этого периода обладала ярко выраженным просветительским характером, суть которого состояла в широком использовании человеческого разума для реализации социально-технического прогресса. «Технократические просветители» Т. Веблен, Дж. Бернхем и многие другие полагали, что процесс социального внедрения их идей будет результатом не только длительного, в значительной мере, морального и интеллектуального совершенствования людей, но и итогом преодоления различных форм социального диктата и тирании.

По существу, технократическая праксиология этого периода представляла собой борьбу социальной традиции и социальной инновации. В обществе того периода безраздельно господствовала традиция, заботливо опекаемая властью, религией, правом, культурным и экономическим укладом, общественной психологией в целом. Суть их аргументации состояла в следующем: верность традиции спасала народы в историческом прошлом, оберегает в настоящем и, соответственно, при бережном к ней отношении способна помочь и в будущем. Традиция формировалась многотысячелетним опытом аграрной цивилизации, что являлось основным доводом, подтверждающим истинность данного суждения. Борьба традиции с инновацией носила ожесточенный характер. Класс промышленников (буржуазии) формировался из купцов, ростовщиков и богатых мастеров-ремесленников. В союзе с королевской властью или ее отдельными представителями промышленники (буржуазия), особенно в период накопления капитала (конец XV–XVIII века), активно проводили политику лишения мелкого производителя, главным образом, крестьянина, средств производства. Посредством чего решались две основные задачи: формировалась крупная капиталистическая собственность и создавался избыток дешевой рабочей силы – лишенные средств существования крестьяне вынуждены были превращаться в наемных рабочих. Важными статьями накопления промышленной буржуазией богатства становились захват и грабеж колоний, работоторговля, государственные займы, государственный протекционизм и т.д. Отсюда становятся ясными и причины неприятия нарождающегося техногенного общества.

С учетом этого на этапе праксиологии «технократического романтизма» с помощью просветительства пытались решить две важнейшие, тесно взаимосвязанные между собой задачи: популяризацию идей технократизма в среде научно-технической интеллигенции для расширения социальной базы своего движения и рекрутирования новых соратников в свои ряды. Для популяризации и привития ценностей техногенного

общества среди населения «технократические просветители» активно разоблачали религиозный фанатизм, нетерпимость, активно боролись с невежеством и социальными предрассудками, всеми способами подчеркивая значимость рационализма, научных и технических знаний.

Технократические лидеры этого периода были главным образом теоретиками и агитаторами (пропагандистами), причем нередко одновременно. Они побуждали людей к действиям во имя блага человечества, посредством союза разума, знания и техники. По существу речь шла о практике «технократического просветительства», которая нередко зарождалась в создаваемых государством инженерных школах. Для удовлетворения нужд транспорта, горного дела, инженерных потребностей войск и флота. Это привело к учреждению различных технических школ и корпораций во Франции (Corps des Ponts et Chanssees в 1720 г., Ecole des Ponts et Chassees в 1750 г., Ecole du Corps des Ingenieurs des Mines в 1778 г., Ecole Royale Militaire в 1753 г., Ecole du Corps Royal du Genie в 1665 году для обучения архитекторов и т.д.), в Англии подобными институтами были институты механики, а в Германии – артиллерийская и инженерная школы, которые готовили военных инженеров, горные академии в Берлине (1775 г.) и во Фрайбурге (1765 г.) выпускали гражданских инженеров, были учреждены политехнические институты в Праге (1806 г.), Вене (1818 г.), Карлсруэ (1825 г.) и др. Эти инженерные школы не всегда были центрами новых наук, однако, именно там созревала идеология технократического движения. Технократическое просветительство активно реализовывалось и в рамках множества общественных организаций. В качестве примера можно привести деятельность Союза немецких инженеров, созданного в 1856 году и активно занимавшегося решением научно-технических проблем, а также осмыслением и популяризацией вопросов профессиональной этики, проблемами обучения.

В-третьих, праксиология «технократического романтизма» характеризовалась также определенной радикальностью пропагандируемых методов прихода к власти. Это было обусловлено рядом обстоятельств.

Радикализм практики «технократического романтизма» был обусловлен столкновением двух социальных логик: традиционной ремесленной экономики и индустриальной рыночной экономики. На первой, наиболее ожесточенной фазе противостояния внедряемые машины или оставляли без хлеба квалифицированного ремесленника, или обесценивали его квалификацию, навязывая ему новые виды труда и поведения. Происходит важный сдвиг в общественном сознании, оно ориентируется уже не на образцы лучшего прошлого, а на образцы лучшего будущего. Этот мотив «прогресса» закрепляется вначале в сознании просве-

тителей технократизма, а затем постепенно овладевает в определенной степени и общественным сознанием. Причем идея «прогресса» вовсе не означала немедленного улучшения жизни всех и каждого, а для технократии ее ценность состояла прежде всего в способности социальной мобилизации населения, нацеливании на определенном умонастроении и обвинении всех, несогласных с ними, а также всего не укладывающегося в рамки их теорий в реакционности.

Этот прием технократической праксиологии активно применяется и в настоящее время. Приведем в качестве образца подобной технократической прееменности следующее суждение: «Преодоление тупой вражды к технике было поэтому важной составной частью самоанализа инноваторов. Похоже на то, что техника и промышленность обеспечили себе современный триумф войной на двух фронтах: против природы и против предрассудков лишенного всякого понимания населения. «Все это уже было...», можно было бы себя успокаивать такими суждениями. Критику техники можно было бы воспринимать как музыку, в разной тональности сопровождающую индустриальное развитие, и вообще не принимать ее более серьезно, чем жалобы на всеобщее падение нравов, поскольку эти жалобы раздавались во все времена»¹⁵.

Суть технократического радикализма вытекала из понимания того, что технический прогресс имеет свою цену, которую и должно платить общество. Радикализм практики «технократического романтизма» был обусловлен также и сложным социальным положением технократов, их зависимостью как от буржуазии, реально владевшей фабриками и заводами и порой смотревшей на инженеров свысока, так и от пролетариата, которым надо было управлять, и который, нередко, отождествлял инженеров, техников с буржуазией. Отсутствие реальных социальных союзников толкало технократов этого периода к радикальным призывам о революции как основном способе захвата власти. Вспомним призывы «отцов технократии»: не с корыстными буржуа, которые по мере развития капитализма все меньше выполняют полезной работы на производстве и все больше занимаются лишь финансовой деятельностью, и не с нищими пролетариями, как утверждал К. Маркс, а именно с инженерно-техническими специалистами, обладающими достаточными знаниями и умениями, проникнутыми идеями социального прогресса, возможно построение «общества благоденствия», общества социальной справедливости. Т. Веблен, Дж. Бернхем и другие теоретики и практики технократии были уверены в том, что все работники крупного машинного производства автоматически заинтересованы в его лучшем функционировании и соответственно автоматически готовы поддержать технокра-

тов. Основная классовая борьба идет между капиталистами (бизнесменами) и инженерами, такова была основная мысль плана Т. Веблена по революционному захвату власти. Этот план, как известно, состоял из нескольких пунктов: а) «забастовка инженеров», достаточно лишь 1% бастующих инженеров и техников для «паралича старого порядка»; б) заставить промышленников отказаться от своих руководящих позиций вначале на производстве, а затем и от политической власти; в) переход абсолютной власти «совету технических специалистов», сформированному методом самоотбора из состава технократической элиты.

Пропагандой радикальных взглядов на приход к власти придерживался и другой «классик технократии» Дж. Бернхем, изложивший свои взгляды, как уже отмечалось, в работе «Революция управляющих». Он утверждал, что реальная власть переходит от собственника к техноструктуре. У всех остальных лишь иллюзия (видимость) власти, поэтому реальная власть не у техников и инженеров, как считал Т. Веблен, а у высших администраторов, организаторов, управляющих, которые, собственно говоря, и являются технократами.

Необходимо отметить также и тот факт, что практика «технократического романтизма» оказалась в целом успешной. Рост промышленного производства привел к значительному количественному увеличению инженерно-технических работников, являвшихся непосредственной социальной основой для технократического движения, соответственно наметилась тенденция к увеличению удельного веса технократических идей в общественном сознании.

Просветительство как главная характеристика технократического мировоззрения также принесло позитивные плоды. Идеи технократизма становились модными, причислялись к разряду прогрессивных со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями.

В то же время необходимо отметить, что нигде не произошло «технократических революций», да и с социально-политическими объединениями технократии результаты оказались не впечатляющими. Индивидуализация мышления труда инженеров и техников, их относительно обеспеченное положение в обществе явно не способствовали этому. Многим из них было что терять. Радикализм технократии не оправдал себя и постепенно сошел на «нет», эволюционировав в «экспертократию». Основными противниками практики «технократического романтизма» были сторонники традиционного общества, а также пролетариат и буржуазия, особенно финансовая. Допускался компромисс с промышленной буржуазией, интеллигенцией.

Подводя итоги можно сделать следующие выводы.

Первое. Проведенное историко-философское исследование позволило установить, что в конце XIX – начале XX века сформировались классические концепции технократизма на основе теорий «бунта инженеров» Т. Веблена и «революции управляющих» Дж. Бернхема, а также ряда их последователей А. Берла, А. Фриша и др. Формирование классических концепций технократизма было обусловлено наличием объективных предпосылок: материально-экономических (появление крупного машинного производства, достаточная степень зрелости индустриального общества, переход от традиционного к техногенному обществу и т.д.), социальных (формирование и количественный рост технократической элиты из числа техников, инженеров, изобретателей, менеджеров, некоторой части работодателей: предпринимателей, промышленников, а также появление достаточно мощной прослойки социальных масс, разделяющих суть технократических воззрений) и зрелостью теоретических условий (достижения в области историко-философских, социально-экономических, социологических, философско-технических исследований) и т.д.

Второе. Усилиями Т. Веблена и Дж. Бернхема была создана своего рода метатеория технократизма, способствовавшая объединению усилий технократов различных стран, что в конечном итоге привело к зарождению и усилению такого социального процесса как глобализация. Классический характер теорий Т. Веблена и Дж. Бернхема проявляется также и в значительном их воздействии не только на все последующие концепции технократизма, но и на многие другие социальные теории, исследующие вопросы социального прогресса, например, теорию элит.

В обобщенном виде значение классических технократических концепций состоит: а) в теоретическом оформлении социального статуса технократии как некой социальной группы людей, объединенных не только идеей приверженцев социального прогресса, но и высоким уровнем профессиональных, инженерно-технических и менеджерских знаний, различных специалистов, преобладающих в правительственных учреждениях, руководстве корпораций и привлекаемых для выработки управленческих решений; б) в теоретическом осмыслении базовых ценностей (социальных, технико-экономических, философско-этических) и политических претензий технократии как социальной группы; в) в теоретической мобилизации технократии на активную социальную деятельность, на эффективное решение поставленных политических, экономических, социальных задач.

Исследуемые концепции технократизма являлись классическими в силу того, что в них были сформулированы основы метатеории технок-

ратизма, ее основные базовые ценности, которые в процессе дальнейшей эволюции идей технократии оставались неизменными.

Историческая миссия технократов (техников, инженеров, изобретателей, менеджеров) состояла в преобразовании общества на основе технической рациональности, а «забастовка инженеров», «революция управляющих» рассматривались как важнейшие рычаги социального преобразования и т.д.

Третье. Важнейшей особенностью классических концепций технократизма являлся их ярко выраженный праксиологический аспект. Классическим концепциям технократизма соответствовала праксиология «технократического романтизма».

Период праксиологии «технократического романтизма» характеризовался: отсутствием массовой социальной поддержки и реализовывался в виде некоего «интеллектуального изыска»: просветительство рассматривалось главной задачей технократического движения; радикальность пропагандируемых способов прихода технократии к власти. Основной способ захвата власти – революция. План Т. Веблена состоял из следующих пунктов: а) забастовка инженеров (достаточно лишь 1% бастующих инженеров и техников, чтобы парализовать производство и всю экономику страны); б) заставить промышленников отказаться от своей руководящей роли вначале на производстве, а затем и от политической власти; в) сосредоточить абсолютную власть в руках «совета технических специалистов» из числа технократической элиты. С позиций другого классика-теоретика технократизма Дж. Бернхема к власти путем революции должны прийти не техники и инженеры, а менеджеры.

При всей своей иллюзорности (нигде не произошло технократических революций, никакие события не подтвердили подобные прогнозы) праксиология периода «технократического романтизма» принесла свои позитивные плоды: идеи технократии все чаще в общественном сознании стали восприниматься как прогрессивные.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Назовите основных разработчиков классических концепций технократизма.
2. Почему эти концепции можно назвать классическими?
3. Раскройте основное содержание технократической концепции т. Веблена
4. Раскройте основное содержание технократической концепции Дж. Бернхема.
5. Охарактеризуйте технократическую практику классического периода («технократического романтизма»)

6. Как технократы планировали свой приход к власти?

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Burnham J. The Managerial revolution. What is happening in the world. N.Y.: Day, 1941. P. 59.
- 2 Там же. С. 60.
- 3 См.: Там же. С. 190–272.
- 4 От понятия «институция» – установление, обычай, порядок, принятый в обществе, и понятия «институт» – закрепление обычаев и порядков в виде закона или учреждения. Профессор ряда американских университетов Т. Веблен создал первую теоретически оформленную технократическую концепцию, по существу это был первый подробный социально-философский анализ социально-политических и экономических последствий научно-технического прогресса. Т. Веблен признан во всем мире «отцом технократизма», хотя справедливости ради необходимо отметить, что одновременно с ним сходные идеи разрабатывал и наш соотечественник А.А. Богданов).
- 5 См.: Veblen T. The Engineers and the Price System. N.Y., 1963. P. 4.
- 6 См.: Veblen T. The Engineers and the Price System. N.Y., 1963. P. 4–5.
- 7 См.: Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: Пер. с фр. М., 2002. Ч. 2. С. 168.
- 8 См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. С. 122.
- 9 Burnham G. The Managerial Revolution. N.Y., 1941. P. 176.
- 10 Burnham G. The Managerial Revolution. N.Y. 1941. P. 247.
- 11 См.: Kerr C., Harbison F., Dunlop J., Myers A. Industrialism and Industrial Man // International Labour Review. September 1960. P. 10; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. С. 125–127.
- 12 См.: Динес В., Николаев А. Власть и знание: эволюция технократических концепций // Власть, №10-11, 1998. С. 107.
- 13 См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. С. 122–123.
- 14 Луддиты предвосхитили социальное зло, ставшее бичом позднеиндустриального общества – массовую безработицу.
- 15 Зиферле Р.П. Исторические этапы критики техники // Философия техники в ФРГ. М.: Прогресс, 1989. С. 260.

ЛИТЕРАТУРА:

- Веблен Т. Теория праздного класса. - М.: Прогресс, 1984.
- Графский В.Г. Государство и технократия: исторически-критическое исследование. - Наука, 1981.
- Климов С.Н., Орлова Г.Н. Философия техники. - М.: Российский государственный открытый технический университет путей сообщения (РГОТУПС), 2003
- Рачков В.П. Техника и ее роль в судьбах человечества. - Свердловск: Упринформпечать, 1991.

Лекция 4.

ТЕОРИИ И ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИКИ НЕОКЛАССИЧЕСКОГО ЭТАПА ТЕХНОКРАТИЗМА

«Бунт инженеров», «бунт управляющих» не состоялись, основные положения классических концепций технократизма не были реализованы, однако это не привело к краху философии технократизма. Напротив, идея о переходе власти к высококвалифицированным техническим специалистам (инженерам, менеджерам) становилась более популярной, и в 50–60-х годах XX века приобрела новое звучание, оформившись в концепции неоклассического этапа технократизма, который длился до 90-х годов XX столетия.

Это было обусловлено тем, что в это время наиболее развитые страны вступили в эпоху тотальной индустриализации, в которой научно-техническая революция явилась движущей силой перехода цивилизации в новое качественное состояние, базирующееся на техноразуме. Индустриализм все больше и больше рассматривается в общественном сознании как новая система социальной организации, где индустрия представляет собой определяющий элемент способа производства материальных благ, охватывает все новые и новые области социальной действительности. «Успех «технократической концепции», развиваемой странами Западной Европы и США, во многом был обусловлен надеждами людей на достижение устойчивого социального прогресса и роста благосостояния в обществе. Предполагалось, что с помощью новых научных открытий и достижений техники будут, наконец, разрешены острые социальные противоречия, преодолены последствия социокультурного кризиса. Обсуждались проблемы рациональной организации общества, рационального управления на основе четкого, «инженерного» расчета потребностей и возможностей человека. На смену свойственному классической философии культу разума приходит культ научно-технического знания, вера в его безграничные возможности.

Философские идеи неотехнократов неоднородны и порождали множество различных концепций. В числе наиболее известных и развитых теорий этого этапа можно назвать концепции «зрелого индустриального общества» Р. Арона, «стадий роста» У. Ростоу, «нового индустриального общества» Дж. К. Гэлбрейта и др.

Рассмотрим содержание неотехнократических концепций подробнее. Считается, что термин «индустриальное общество» ввел в научный оборот А. Сен-Симон, немало для становления этой концепции сделал

О. Конт, однако значимого уровня своего теоретического развития и социальной популярности концепция индустриального общества достигла благодаря лекциям, прочитанным французским философом Р. Ароном в Сорбонне в 1956–1959 годах, а также знаменитой работе американского экономиста и политолога У. Ростоу «Стадии экономического роста» и др.¹

Р. Арон не считал себя технократом, но, как это нередко бывало, впоследствии его идеи явились питательной основой для неотехнократического мировоззрения. В значительной степени под влиянием его идеи конвергенции неотехнократы стали отказываться от деления социальных систем на социализм и капитализм, взяв на вооружение другую классификацию – «традиционное» и «индустриальное» (техногенное) общества. Р. Арон рассматривает в теории «индустриального общества» социальный прогресс как переход от отсталого, аграрного «традиционного» (докапиталистического) общества, где господствует натуральное хозяйство и сословная иерархия, к передовому, промышленно развитому «индустриальному обществу» с массовым рыночным производством и демократическим строем. «Капитализму» он предпочел понятие «индустриального» общества (технического, научного, рационалистического общества) как главную историческую концепцию. Начав с идеи индустриального общества, он выделил несколько различных его типов и ввел понятия моделей и фаз роста. Эти четыре понятия – индустриальное общество, его типы, модели и фазы роста – представляют последовательные ступени его теории². Главным критерием прогрессивности общественного строя Р. Арон считает достигнутый уровень промышленного производства. По его мнению, существует два варианта индустриального общества: капитализм и социализм как формы хозяйствования и системы социальной организации. Хотя в мире и существуют коммунистические государства, считает Р. Арон, ни одно из них не стало социалистическим в том смысле, который прогнозировали его родоначальники. Победив в экономически отсталых странах, коммунистические режимы сосредоточились на функции, которую К. Маркс исторически отводил капитализму, а именно на развитии производительных сил – технологического базиса. Это точнее всего соответствует представлениям К. Маркса о «государственном капитализме» как возможной социальной форме, на которую он намекал в третьем томе «Капитала», чем любому другому социологическому определению. В этом смысле «коммунизм» является не «следующим» этапом истории, а одним из многих альтернативных способов индустриализации, а то, что создают эти режимы, суть «индустриальные общества», но формирую-

щиеся с помощью специфических политических, а не рыночных механизмов. Европа, как видится из Азии, не состоит из двух радикально отличных миров, советского и западного. Существует единая реальность – индустриальная цивилизация. Советские и капиталистические общества являются лишь двумя видами одного и того же генотипа, или двумя вариантами одного и того же социального образца прогрессивного индустриального общества. Европа состоит не из двух коренным образом отличных миров: советского и западного, а представляет собой единую реальность – индустриальную цивилизацию³. И для Р. Арона и для неотехнократов было очевидно, что при достаточно высоком уровне как технико-производственных мощностей, так и управленческих (технократических) кадров, между капиталистическими и социалистическими обществами в социальном и политическом плане очевидны серьезные отличия.

Р. Арон серьезно исследовал значимую для неотехнократов проблему отличия между доиндустриальным (аграрным) и индустриальным обществами, не имеющими в реальной социальной действительности четкой демаркации. Сложность решения этой исследовательской задачи признавалась многими. Не вызывало сомнения то, что индустриальный строй открывает новую эру в человеческом развитии, приходя на смену аграрным обществам, однако «легко дать абстрактное определение каждого типа общества, но трудно обнаружить его конкретные пределы и выяснить, является то или иное сообщество архаичным или индустриальным⁴. Доиндустриальное общество определялось, прежде всего, как социальный порядок, основанный на примитивных производственных формах, развивающихся в отраслях, обеспечивающих добычу и первичную обработку ресурсов, наиболее пригодных для удовлетворения самых настоятельных потребностей. Труд в этом случае является неквалифицированным, развитие способностей человека обусловлено в первую очередь сложившимися традициями, и люди остаются неразрывно связанными с прошлым. Индустриальный строй знаменует собой радикальный разрыв с такой традиционностью. В его рамках добыча природных ресурсов сменяется производством заранее определенных продуктов; констатируется возрастающая квалификация работника; основным производственным ресурсом становится энергия; человек оказывается способным делать определенные технологические и хозяйственные прогнозы.

Неотехнократы также считали, что все индустриальные общества имеют одинаковые общие черты: повсюду распространяется одинаковая технология, одинаково качество технических и инженерных знаний,

примерно одинаковы наборы профессий и видов труда, увеличивается доля технических работников, а управление в основном требует технических навыков. Индустриальные общества, по их мнению, это экономические общества, организованные вокруг принципа функциональной эффективности, требующего получения «больших результатов из меньших вложений»⁵ и выбора наиболее «рационального» типа действий. Идеология в этом случае становится неуместной, это пережиток традиционного общества, а в обществе индустриальном ей на смену приходит экономика в виде четко реализуемых производственных функций, точного расчета капитальных издержек, предельной эффективности управления капиталом и т.д. В этом смысле принципиальное различие между «буржуазной» и «социалистической» экономикой стирается.

С точки зрения Р. Арона, в капиталистическом (открытом, демократическом) обществе господство собственности и доходов создает новую социально-экономическую систему – «государство всеобщего благоденствия», всячески стимулирующее творческую технократическую деятельность. Социалистическая же система представляет собой «закрытое (тоталитарное) общество», основанное на общественной собственности и приоритете коллективного над индивидуальным. Такой подход не мог не сковывать инициативу управленческих (технократических) кадров, «задавленных» жесткой дисциплиной и мелкой регламентацией. «Все современные общества, – утверждает Р. Арон, – демократичны, то есть движутся к поставленному стиранию различий в условиях жизни или личном статусе людей; но эти общества могут иметь как деспотическую, тираническую форму, так и либеральную. Я сказал бы так: современные индустриальные общества, у которых много общих черт (распределение рабочей силы, рост общественных ресурсов и прочее), различаются прежде всего структурами государственной власти, причем следствием этих структур оказываются некоторые черты экономической системы и отношений между группами людей».

Таким образом, Р. Арон делает значимый для неотехнократов вывод о том, что «на современном этапе развития цивилизации создается единый тип общества (единое индустриальное общество), различными модификациями которого являются западная, демократическая модель и советская (тоталитарная) система». В связи с этим он рассматривал капиталистическое индустриальное общество как более жизнеспособное, и это явилось основанием для развития его теоретических антикоммунистических воззрений. Например, он утверждал: «Уподобление восхождения пролетариата восхождению буржуазии, с точки зрения социологии, ложно... Чтобы уподобить восхождение пролетариата восхож-

дению буржуазии, нужно в самом деле смешать меньшинство, которое руководит политической партией и выступает от имени пролетариата, с самим пролетариатом... Когда речь идет о буржуазии, привилегированными оказываются буржуа, это они руководят торговлей и промышленностью, правят. Когда же осуществляет свою революцию пролетариат, то руководят торговыми и промышленными предприятиями и осуществляют власть люди, выступающие от имени пролетариата»⁶.

Представляют теоретический интерес рассуждения Р. Арона о сути элиты, о типах социальных изменений, иерархии элиты и т.д. Эти рассуждения напрямую связаны с идеологией технократов. Он понимал под элитой «меньшинство, которое в любом обществе выполняет функции управления сообществом»⁷. Поэтому никакой власти пролетариата, о которой писал К. Маркс, не может быть в принципе, это всего лишь метафора или символ. В обществе, полагал Р. Арон, могут быть лишь два типа изменений: первый тип влияет на устройство элиты, а второй – на рекрутацию элиты. Технократические решения способны принимать пять субэлитных групп: политические лидеры, правительственные администраторы, экономические директора, лидеры масс и военачальники. Конфликт индустриальной цивилизации видится ему в противоречиях, возникающих между требованиями индустриального общества (жесткая иерархия, централизация, дисциплина) и идеалами демократии (свобода и равенство)⁸.

Американский социолог, экономист, историк У. Ростоу, разделяя в целом идеи технократии, разработал концепцию «стадий роста», одну из концепций неоклассического этапа технократизма. За основу выделяемых им социальных типов («стадии роста») был взят экономико-технический (предпринимательский) критерий. Причем термин «стадии роста» употреблялся им двояко и как социальный этап, и как метод. «Стадия роста – это стадия, когда экономика демонстрирует, что у нее есть технические и предпринимательские возможности производить, если не все, то почти все, что она предпочитает производить»⁹. Опасаясь упреков в излишнем экономизме, он оговаривается, что «стадии роста» всего лишь экономический метод рассмотрения всего общества, а общество представляет собой организм, находящийся во взаимодействии политических, социальных, экономических, психологических сил.

По его мнению, человечество в процессе своего социального развития прошло ряд «стадий роста», характеризующихся, главным образом, различным уровнем технологического развития: традиционное общество, период создания предварительных условий, период сдвига, зрелости и период высокого уровня массового потребления. Очевидно, что

У. Ростоу прилагает большие теоретические усилия для конкретизации процесса перехода от доиндустриального общества к индустриальному. Причем эта конкретизация являлась дополнительным аргументом в подтверждении социальной прогрессивности общества индустриального, а следовательно, и социальной правоты непосредственных создателей этого общества – неотехнократов.

Первая стадия «традиционного общества» (период до конца феодализма) – это общество, «структура которого развита в рамках ограниченных производственных функций, основанных на доньютоновской науке и технике и на доньютоновском отношении к физическому миру. И. Ньютон рассматривается в данном случае как символ того водораздела в истории, когда человек начал глубоко верить, что внешний мир подчиняется определенным познаваемым законам, и оказался в состоянии управлять производством. Однако главной чертой «традиционного общества» было существование предела для увеличения производства на душу населения. Этот предел был результатом того, что возможности, порождаемые современной наукой и техникой, были или недостижимы, или не использовались регулярно и систематически»¹⁰. «Традиционное общество» – это общество аграрное с примитивным сельскохозяйственным производством, иерархической социальной структурой, властью, сосредоточенной в руках земельных собственников, «доньютоновским» уровнем науки и техники. Новаторство отвергалось, а традиция приветствовалась на том основании, что на протяжении многих веков она обеспечивала социуму выживание. В этом отношении новаторство (инновационность), предлагаемое неотехнократами, пугало.

Вторая стадия роста – «переходное общество» (переход к домонополистическому капитализму) – период создания предпосылок «сдвига» (увеличение капиталовложений в расчете на душу населения, рост производительности сельского хозяйства, появление «новых типов предприимчивых людей», выступающих как движущая сила общества, рост «национализма», стремящегося обеспечить экономический фундамент национальной безопасности, возникновение централизованного государства). Люди, обладавшие действительной властью или влиянием, хотели с корнем вырвать традиционные общества, главным образом, не для того, чтобы иметь больше денег, – утверждает У. Ростоу, – а потому, что традиционное общество было не способно защитить их от унижения со стороны иностранцев»¹¹. На этой стадии происходит осознание опасности социальной традиции, тормозящей, противодействующей любым социальным изменениям.

Третья стадия роста – это стадия «сдвига» или «взлета» от домо-

нополистического к монополистическому капитализму. Это период «промышленной революции», ведущей к повышению доли накопления капитала, быстрому росту основных отраслей промышленности, радикальному изменению методов производства. На этой стадии, по мнению У. Ростоу, Англия находилась в конце XVIII века, Франция и США – в середине XIX века, Германия – во второй половине XIX века, Россия – в 1880-1914 годах, Индия и Китай – с начала 50-х годов XX века.

Четвертая стадия роста – это стадия «зрелости». На этой стадии, собственно, и возникает индустриальное общество, характеризующееся бурным развитием промышленности, возникновением новых отраслей производства, повышением уровня капиталовложений до 20% национального дохода, широким внедрением достижений науки и техники, ростом городского населения до 60–90%, увеличением доли квалифицированного труда, изменением структуры занятости.

И, наконец, пятая стадия – это эра «высокого уровня массового потребления», идеальным типом которого является англо-американский тип общества. На этой стадии основными проблемами общества становятся проблемы потребления, а не производства, основными отраслями промышленности – сфера услуг и производство товаров массового потребления, а не традиционные отрасли. Эра «массового потребления» наступает, когда производство товаров длительного пользования и услуг постепенно становится главным сектором экономики. Она характеризуется резким повышением уровня жизни, способного удовлетворять не только насущные потребности (питание, одежда, жилье, здравоохранение), но также и вторичные (досуг, комфорт) своих членов. В «обществе потребления» доминируют массы, господствует массовое производство и потребление, массовая коммуникация и культура, гражданское общество, опирающееся на общественное мнение. Создание «эры массового потребления» невозможно без неотехнократов, так как, помимо всего прочего, означало коренные изменения в системе управления, массовое внедрение специалистов-экспертов разных профессий (технократов) в правительственные учреждения и руководство корпорациями. Именно усилиями этих специалистов (технократов) вырабатываются и принимаются эффективные решения в различных областях социальной жизнедеятельности. «Технократический оптимизм» У. Ростоу строился, таким образом, на двух факторах: во-первых, уверенности на взлет и «беспредельные» возможности научно-технического прогресса и, во-вторых, на уверенности в необходимости предоставить как можно больше полномочий компетентным научно-техническим специалистам – экспертам (технократам).

Критерии, лежащие в основе выделяемых У. Ростоу стадий, условно можно разделить на объективные – производственно-технические и экономические (уровень развития промышленности, техники, хозяйства в целом, науки, а также доли накопления капитала в национальном доходе) и субъективные (экономические измерения рассматривались как последствия неэкономических человеческих порывов и устремлений, результат субъективно принятых решений и выбора). Наличие качественных изменений приводило к очередной технологической революции в обществе, которое, в свою очередь, каждый раз оказывало очень сильное давление на общественные отношения и стимулировало их совершенствование¹². В то же время У. Ростоу понимал, что устремления элит, в том числе и управленческой (неотехнократов), должны быть ограничены демократическими институтами, адекватными складывающимся социальным обстоятельствам.

У. Ростоу отмечал, что в то время, как развивающиеся страны только стоят на пороге индустриальной эры, развитые страны уже начинают из нее выходить. Значит, классическая демократическая модель, соответствующая индустриальному веку, начинает становиться неадекватной для развитых стран. И в самом деле, технологическая революция, «век будущего» оказывает очень сильное давление на общественные отношения¹³. По существу, речь идет о формировании новой системы общественных отношений, что, вне всякого сомнения, неизбежно приводит к усилению социального напряжения.

Проведенное историко-философское исследование неотехнократических концепций показывает, что постепенно понятие «капиталистическое общество» стало вытесняться понятием «индустриальное общество». Все настойчивее звучал лозунг о том, что не «призрак коммунизма», а индустриализация бродит по планете. Теоретики неотехнократизма были уверены, что капитализм лишь ранняя, переходящая форма индустриального общества, ограниченная обществами Европы 19-начала XX века, в то время как «индустриальное производство – не просто приходящий гость в истории, но, вероятно, останется с нами в том или иной виде навсегда» (Р. Дарендорф). Поэтому понятие «индустриальное общество» представлялось неотехнократам как более объемное и предпочтительное. Им представлялось совпадение собственности на средства производства и управление трудовым процессом и работниками, характерное для капиталистического общества, временным. Развитие масштабов индустрии ведет к нарушению этого совпадения, и собственность на капитал уже не гарантирует контроля над системами управления производством. Для подобных рассуждений были ос-

нования, ведь промышленное производство в ведущих экономических фирмах-гигантах начинают контролировать неотехнократы в лице менеджеров-администраторов, обладающих не только необходимыми профессиональными знаниями, но и соответствующими теоретическими и идеологическими наработками.

Проведенный историко-философский анализ показал, что Р. Арон и У. Ростоу несомненно внесли существенный вклад в разработку теоретических положений неоклассических концепций технократизма, однако в наиболее зрелом виде взгляды неотехнократов были представлены в работах Дж. К. Гэлбрейта, одного из наиболее ярких теоретиков индустриального общества.

Идейными источниками концепции Дж. Гэлбрейта, по его собственному утверждению, послужили: а) теория отделения в условиях зрелого индустриального общества функции управления от функции владения Т. Веблена, прогнозировавшего «бунты инженеров»; б) идеи Дж. Бернхема, П. Сорокина, И. Шумпетера, предрекавших «революцию инженеров», в ходе которой власть переходит от собственников к технократам¹⁴. Дж. Гэлбрейт был уверен, что переход власти от одного социального класса к другому непосредственно связан с изменением отношений основных факторов производства, таких как земля, капитал, труд и знания, поэтому особо важное значение придавалось исследованию взаимосвязи производства, знания и организации. Логика его рассуждений была такова: «Современная техника требует специализированной рабочей силы, и это вполне очевидно. Систематизированные знания могут быть использованы только теми, кто владеет ими... Неизбежным спутником специализации является организация. Благодаря ей работа специалистов сводится к какому-то общему результату. Если специалистов много, такого рода координация становится важной задачей. Работа по координации деятельности специалистов становится настолько сложной, что появляются специалисты по организации, крупные и сложные хозяйственные организации становятся, даже в большей мере, чем машины, наглядным проявлением высокого уровня развития техники»¹⁵. С учетом этого понимания есть все основания предполагать, что источник власти в промышленном предприятии переместится еще раз – на этот раз от капитала к организованным знаниям. И это, вне всякого сомнения, найдет отражение в перераспределении власти в обществе. Дж. Гэлбрейт полагал, что резкое возрастание обучающихся в университетах и занимающихся исследованиями следует рассматривать не только как яркое свидетельство социального просвещения, но и как отражение появившейся необходимости в обучении планированию большого числа

квалифицированного управленческого, технического и научного персонала, а также необходимости подготовки кадров, способных внедрять технические достижения в производство. Из этой не очень оригинальной мысли, повторяющей мнение Т. Веблена, Дж. Бернхейма и других, он сделал очень интересный вывод.

Большие размеры корпораций, по утверждению Дж. Гэлбрейта, и соответствующие им планирования тесно связаны с изменениями в управленческих структурах. Один человек, имеющий право собственности, уже не может осуществлять сколько-нибудь значимую власть в своей организации. Для принятия любых важных решений требуются коллективные знания и опыт многих людей – руководителей производства, специалистов по продаже, «гениев» рекламы, ученых, юристов, бухгалтеров, налоговых экспертов. Так что классический предприниматель исчез. Новым источником власти стали знания и возможности применять их. Власть перешла к тем, кто обладает относительными знаниями, к некой коллективной единице, которую он назвал «техноструктурой»¹⁶.

Эта мысль становится центральной в его концепции, о чем свидетельствует тот факт, что Дж. Гэлбрейт во многих своих работах активно подчеркивает мысль о том, что на стадии индустриального государства набирают силу организации неотехнократов. «...И на предприятии, и в обществе власть перешла ныне не к отдельным личностям, а к организациям».

Таким образом, Дж. Гэлбрейт характеризует неотехнократа как существо коллективное, способное реализовать в полном объеме свои функции только в рамках соответствующей организации, называемой техноструктурой. Это обусловлено тем, что в современном промышленном производстве все существенные решения принимаются на основе информации, которой располагает не один, а большое количество людей. «Решение, принимаемое в современном предприятии, – это продукт деятельности не отдельных личностей, а групп. Эти группы достаточно многочисленны, они могут быть неофициальными и официальными, их состав постоянно изменяется. В каждую из них входят люди, располагающие информацией или имеющие доступ к информации, которая определяет то или иное конкретное решение, а также лица, обладающие умением отбирать и проверять эту информацию и делать на ее основе выводы. Именно так достигается успешное взаимодействие в вопросах, для решения которых один человек, каким бы высокопоставленным или толковым он ни был, располагает лишь частичкой необходимых знаний. Именно это делает возможным современную хозяйственную деятельность и функционирование современного правительства»¹⁷. Подобные

рассуждения были важны для Дж. Гэлбрейта, так как являлись основой для раскрытия содержания понятия «техноструктура». Роль техноструктуры (организации технократов) в управлении экономикой огромна потому, что она стремится к максимизации прибыли, хотя сама ее не получает. «Управляющие корпораций... трудятся, планируют, осуществляют нововведения и производят капиталовложения с целью повысить доходы обладателей акций, которых они даже не знают».

Дж. Гэлбрейт разделяет сложившееся еще в классических концепциях технократии мнение о том, что все без исключения экономические теории, если они только рассматриваются изолированно от политики, социальных институтов, культуры, техники несостоятельны. Только на основе синтеза различных аспектов социальной жизнедеятельности возможно преодолеть эту порочность и создать «общую теорию индустриального общества».

Суть его концепции состоит в следующем: современная экономика функционирует, находясь под доминирующим воздействием таких ведущих социальных институтов, как государство, крупные корпорации, профсоюзы. Он вводит понятие «индустриальная система», которую считает главным элементом западного общества, и под которой понимает ту часть экономики, которая характеризуется наличием крупных корпораций, где корпорация – крупное предприятие, занимающее сильные, близкие к господствующим позиции в той или иной хозяйственной области. Крупная корпорация трактуется как олигополия, осуществляющая «несовершенную конкуренцию», т.е. неполную монополию. Корпорация возникает как непосредственное порождение «совершенной техники». Являясь главным хозяйственным субъектом, она господствует над потребителем, как утверждает классическая экономическая теория. По мнению Дж. Гэлбрейта, крупные корпорации должны сыграть решающую роль в улучшении состояния общества: в реформах образования, здравоохранения, системы социального обеспечения, реконструкции городов, охраны окружающей среды. Стратегия защиты окружающей среды на основании закона запрещает действия, которые несовместимы с общественными интересами, но позволяют фирме с максимальной свободой принимать решения и получать желаемый результат¹⁸.

Объектом контроля со стороны корпораций становятся процессы капиталонакопления и капиталовложения. По мнению Дж. Гэлбрейта, воздействие, оказываемое крупными корпорациями на все стороны экономической жизни общества, становится столь всеобъемлющим, что оно фактически равнозначно безраздельному господству над ним.

Характерной чертой «индустриального общества» выступает так-

же существенное усиление экономической активности государства. Оно регулирует совокупный доход, цены, заработную плату, стремясь обеспечить реализацию всей производимой в стране продукции, воздействует на объем занятости. Государство используется для того, чтобы обеспечить равновесие между сбережениями и их использованием, равновесие, которое индустриальная система не в состоянии сама обеспечить. Таким образом, государственные специалисты обеспечивают стабилизацию всей социальной системы.

Особенностью экономики индустриального общества, по Дж. Гэлбрейту, является ее плановый характер. Это принципиально новая для технократических концепций мысль обосновывается тем, что в условиях конкуренции планирование на уровне корпораций является необходимостью. Он различает предпринимательский и зрелый виды корпораций. Предпринимательская корпорация, типичная для старого капитализма, находилась во власти рыночной стихии и руководствовалась мотивами максимизации капиталистических прибылей. Современная же зрелая корпорация подчинила рыночный механизм новым целям, которые не направлены на получение прибыли. В отличие от предпринимательской корпорации, которая продавала свои товары по ценам, стихийно складывающимся на рынке, зрелая корпорация сама устанавливает цены, стремясь к обеспечению своей автономии, достижению определенных целей и т.д. Зрелая корпорация, считает Дж. Гэлбрейт, устраняет конкуренцию и стихию рыночных отношений. Она стремится ликвидировать рынок и обеспечить плановое ведение хозяйства. Роль и значение специалистов планирования возрастает многократно. Так кто же руководит экономикой, корпорациями, да и самим индустриальным государством?

Во главе зрелой корпорации находится не собственник, а техноструктура, которую Дж. Гэлбрейт назвал подлинным мозгом современного производства – совокупность людей, обладающих разнообразными техническими знаниями, опытом и способностями, в которых нуждаются современная промышленная технология и планирование. Она охватывает многочисленный круг лиц – от руководителя современного промышленного предприятия до основной массы рабочей силы и включает в себя тех, кто обладает необходимыми способностями и знаниями¹⁹. Основная категория Дж. К. Гэлбрейта «техноструктура» обозначает обширную иерархическую организацию, объединяющую людей, владеющих техническими знаниями, от рядовых инженеров до начальников цехов, профессиональных управляющих и директоров. Это ключевое для Дж. Гэлбрейта и неотехнократов понятие призвано

отразить наличие многочисленного и разнообразного по своему иерархическому и социальному статусу слоя работников корпорации, включающего в себя ученых, инженеров, техников, торговых и рекламных агентов, экспертов по общественным связям, лоббистов, адвокатов, людей со специальными знаниями, координаторов, управляющих и представителей исполнительной власти и т.д. Техноструктура изображается носителем сплава знаний и опыта, «коллективного разума» и субъектов властных коллективных решений, это новая технократическая и управленческая элита берет верх над традиционной финансовой олигархией, контролирует высшие посты в администрации, занимает высшие этажи в крупнейших корпорациях и постепенно становится правящим классом западного общества.

Неотехнократы разделяют эту точку зрения, аргументируя тем, что на современном промышленном предприятии эффективные управленческие решения в силу технологических особенностей производственного цикла могут приниматься не отдельным лицом, а группой специалистов, располагающих профессиональными знаниями и информацией по определенной проблеме. Именно в силу этих обстоятельств глава техноструктуры (собственник) неизбежно вынужден отдать значительную часть реальной власти самой техноструктуре. В экономической системе господствуют около двух тысяч крупных корпораций, и большая часть всех производственных вопросов решается в процессе взаимодействия специалистов: инженеров, технологов, директоров заводов и торговых заведений, юристов, коммивояжеров и т.д. Их информация предопределяет окончательное решение. В свою очередь лица, занимающие высокие официальные посты, осуществляют лишь ограниченную власть. Руководители определяют состав групп специалистов, могут переформировывать их в соответствии с меняющимися потребностями, но не могут заменить их знания в процессе принятия решения. Именно поэтому не собственники и даже не администрация направляют деятельность предприятий и учреждений.

Контроль «техноструктуры» над принятием решений в производственной сфере породил у неотехнократов иллюзии о перенесении данной модели отношений в целом на общество, о политическом доминировании технократии. Дж. Гэлбрейт также полагал, что техноструктура – это властвующая элита, в руках этих технических специалистов должна быть сосредоточена не только экономическая, техническая, но и политическая власть. Однако практика показала, что техноструктура не заинтересована в различных общественных переворотах. Политическая роль представителей производственной технократии ограничена строгими

рамками, поскольку они не отделяют себя от организации, определяющей их бытие. Первейшей же целью любой организации является самосохранение. Поэтому члены «техноструктуры» не стремятся вовлечь ее за собой в водоворот политической жизни. Производственная технократия заинтересована в сохранении стабильной социально-экономической ситуации и обеспечении непрерывного роста объемов производства, так как это создает максимально благоприятные условия для ее существования. Решение данных задач невозможно без помощи государства, без благоприятных отношений с правящим режимом. В этой связи, по мнению Дж. Гэлбрейта, техноструктура будет избегать решительного перехода на платформу какой-либо политической партии и будет принимать политическую окраску той партии, которая в данный момент стоит у власти. История показала, что технократы действительно благополучно сотрудничали и с фашистскими тоталитарными режимами, и с авторитарными диктаторскими, и с либерально-демократическими.

Нежелание производственной технократии бороться за прямую политическую власть отнюдь не означает отсутствия у нее политических интересов. Просто реализация их достигается своеобразными методами. Как отмечает Дж. Гэлбрейт, в любой сфере деятельности перед государством стоят такие задачи, с которыми техноструктура может солидаризироваться или же, что можно считать правдоподобным, эти задачи отражают приспособление государства к нуждам техноструктуры²⁰. Выше уже отмечалось, что техноструктура заинтересована в первую очередь в непрерывном экономическом росте, в чем заинтересовано и любое правительство. Следовательно, найти совместимость интересов правительства и техноструктуры не представляет труда. Формы влияния, используемые технократией, примерно те же, что и на производстве, поскольку в развитом индустриальном обществе отношения столь усложнились, что не существует готовых политических решений, а отрабатывается процесс принятия решений, в котором занято значительное число людей на протяжении достаточно длительного времени. Любая политическая или социальная акция нуждается в настоящее время в технических знаниях, необходимых для решения проблем, выходящих за пределы интуиции политиков и требующих специфических знаний компетентных специалистов. Чем более активно государство вмешивается в различные сферы жизни, тем выше потребность в экспертах. В результате эксперты-технократы, обладающие информацией, могут обеспечивать принятие решений, не противоречащих интересам технократов. Это ведет к постепенному сращиванию производственной технократии и государственной бюрократии.

Для индустриального общества, по мнению Дж. Гэлбрейта, характерно слияние мира крупных корпораций с государством, осуществляющим значительные экономические функции. Об этом он пишет в своей знаменитой книге «Новое индустриальное общество, очерк американской экономической системы». Позднее в работе «Экономическая теория и общественные цели» (1973 г.) он включает в индустриальное общество не только индустриальную систему, которую в новой работе он именуется плановой, но и рыночную систему. Рассматривая противоречия, возникающие между этими двумя системами индустриального общества, он объясняет многие проявления кризисных процессов современной западной экономики.

Нестабильность плановой экономики Дж. Гэлбрейт связывает с отсутствием в ней автоматического механизма регулирования и считает, что основной реальной силой, обеспечивающей стабилизацию экономики, должно стать государство. Именно государственное регулирование способно разрешить противоречия между планирующей и рыночной системами, совершенствуя каждую из них, и ограничить роль технотрутуры.

В настоящее время технотрутура уже не ограничивается, как в прошлом, пассивным реагированием на требования рынка. Ранее на рынке властвовал потребитель, высказывая предпочтение в пользу того или иного товара или вида услуг, он был независимым судьей потребностей, и экономическая система не могла производить товары, которые не соответствовали его потребностям. Спрос рождал предложение, потребитель рождал потребности. Тогда как в современной западной экономике технотрутура изменила этот процесс на противоположный, что Дж. Гэлбрейт назвал «обратным потоком». Потребитель поставлен в такие условия, когда он должен принимать производимые технотрутурой товары за назначенную ею же цену. Спросом регулирует реклама, которая моделирует поведение потребителя, и возникает впечатление, что производство создается «не в ответ на потребности общества, а вопреки им». Поэтому Дж. Гэлбрейт считает современное общество «иррациональным», ведь рациональная экономическая система – это система, разумно соответствующая потребностям²¹. Современная же система отношений производства и потребления благодаря технотрутурам моделирует нерациональность или собственную рациональность, когда увеличивает выпуск излишеств и нормируется необходимое.

Подобное стало возможным в результате действия двух реальных факторов: молчаливого согласия между технотрутурами различных крупных компаний, которые действуют на одном и том же рынке и

стремятся избежать конкуренции, и «межбюрократического симбиоза» между техноструктурами и некоторыми ветвями администрации, поддерживающими их. Дж. Гэлбрейт этим объясняет возникающий контраст между щедрой поддержкой со стороны техноструктур новых технологий, исследований в различных отраслях промышленности, на транспорте, в средствах коммуникации и скудостью социальных программ (образование, здравоохранение, экологические программы), поскольку в первом случае обслуживаются интересы техноструктуры, а во втором – нет.

Техноструктура, монополизируя информацию, специальные знания, монополизирует и экономическую власть, которую она использует в собственных интересах, диктуя потребителю, а по сути всему обществу, свой образ действий и свои потребности.

Особо Дж. Гэлбрейт выделяет роль «сословия педагогов и ученых», которое не отождествляется с техноструктурой. Оно еще не имеет такого влияния как технократы-производственники, но его значение, по его мнению, стремительно растет. Ученые и педагоги поставляют то, без чего не может существовать техноструктура и индустриальное общество в целом: кадры и информацию. Отмечая частичную близость интересов данного «сословия» и техноструктуры, Дж. Гэлбрейт подчеркивает различие их общественно-политических позиций. Ученые в силу своего социального положения и специфики труда обладают большей независимостью и широтой мышления и гораздо меньше технократов связаны в своих действиях с какими-либо структурами. Поэтому в среде ученых преобладает склонность к оппозиции, не свойственная неотехнократам. Утверждая, что техноструктура не только соучаствует, но и неуклонно набирает силу и влияние, он уходит от того факта, что реальное участие в реализации власти принимает не вся иерархия технократов, а лишь узкая прослойка высших функционеров и консультантов.

Рассмотренная ситуация относится к стадии зрелого индустриального общества, когда основную часть неотехнократии составляют производственники: инженеры и менеджеры. На данном этапе неотехнократы приобретают большую и в определенном понимании решающую власть в промышленности, а на государственном уровне ограничиваются влиянием на принятие решений по проблемам, затрагивающим их непосредственные интересы. Именно в этот период стала модной концепция «деидеологизации», а некоторые социологи были уверены, что традиционная политика доживает последние дни, вытесняемая управлением на основе рациональной технологии принятия решений. С другой стороны, в это время в общественном мнении появляется понимание

возможных опасностей технократии, и поднимается волна критики радикального техницизма. В частности, большая заслуга в этом принадлежит представителям Франкфуртской школы социологии Г. Маркузе, Ю. Хабермасу, Х. Шельски. В их трудах показано, что индустриальное общество, осознавая себя исключительно через идеи и формы, имеющие сугубо научно-техническое содержание и правомерные лишь в этом контексте, тем не менее, распространяет их буквально на все. Наука и техника стали превращаться в средство укрепления господства правящей элиты, пытающейся оправдать развитие общественной системы в своих интересах логикой научно-технического прогресса, заменить традиционную идеологию технократическим эрзацем.

Несмотря на острую критику, наступление неотехнократии продолжается, поскольку ее принципы отвечают логике техноструктуры – тотальному сциентизму и техноцентризму. Носителями этих идей на данном этапе становятся «неотехнократы», отличавшиеся от «классических» технократов – «романтиков» стремлением к социальному администрированию, вытеснению гуманитарной тематики. «Неотехнократы» рассматривали научно-техническое развитие как углубляющийся процесс взаимодействия двух видов рациональности – формальной (чисто технической рациональности выбора средств для достижения определенной цели) и материальной (содержательной, ценностной). Таким образом, неотехнократы преодолевали существенный порок технократизма – полное отождествление мира техники с миром людей²².

В рамках неотехнократических концепций сформировалась и получила развитие «теория конвергенции» (схождение в одной точке) – сближение различных обществ с главной тенденцией движения к обществу потребления, т.е. некоему «смешанному обществу», сочетающему в себе положительные черты и свойства и капиталистической и социалистической систем. В этой теории нашли свое место социально-философские, экономические, социологические и политические взгляды многих сторонников индустриального общества. Так, У. Ростоу утверждал, что конвергенция неизбежно ведет к «ассимиляции» западных идей в странах социализма посредством таких социальных процессов, как «индустриализация», «демократизация», «деидеологизация». Р. Арон распространял конвергенцию не на все общественные отношения в целом, а лишь на области экономическую и социальной стратификации. П. Сорокин и З. Бжезинский обосновывали параллельную эволюцию, т.е. заимствование системами друг у друга их достоинств, сглаживание различий. К непреходящим достоинствам относились: «рыночная экономика», «либерализация» общества, «политический плюрализм».

«Западные лидеры, – пишет П. Сорокин, – уверяют нас, будущее принадлежит капиталистическому типу общества и культуры. Наоборот, лидеры коммунистических наций уверено ожидают победы коммунистов в ближайшее десятилетие. Будучи не согласным с обоими этими предсказаниями, я склонен считать, что если человечество избежит новых мировых войн и сможет преодолеть мрачные критические моменты современности, то господствующим типом возникающего общества и культуры, вероятно, будут не капиталистический и коммунистический, а тип специфический, который мы можем обозначить как интегральный. Этот тип будет промежуточным между капиталистическим и социалистическим строем и образом жизни. Он объединит большинство ценностей и освободится от серьезных дефектов каждого типа»²³.

Того же мнения придерживался и Дж. Гэлбрейт: «Движущие силы организации крупномасштабного производства свойственны не только капитализму... Современная капиталистическая организация и развитая социалистическая организация не противостоят друг другу. В широком смысле они движутся в одном направлении – не к неизбежной власти рынка, а к установлению общих требований технологии и массового производства, созданию соответствующей планирующей организации, к аналогичным побудительным силам»²⁴.

Следует отметить, что распад мировой системы социализма и СССР вовсе не означал краха теории конвергенции, так как существует и набирает мощь коммунистический Китай; кроме того, опыт жизни миллионов людей в странах социалистического лагеря, ориентированного на социальную поддержку населения, также не следует сбрасывать со счетов.

Практика «технократического прагматизма» совпала с эпохой индустриализации (30-е годы 20 века – конец 20 века), когда господство науки и техники открыло новую ступень воздействия на природу – промышленное производство. Неотехнократы являлись основными творцами практики этого периода. Основными характеристиками практики «технократического прагматизма» являлись: 1) рост популярности неотехнократических идей в обществе, что сопровождалось расширением социальной базы ее сторонников, эволюцией от индивидуального к общественному неотехнократическому сознанию, а в наиболее промышленно развитых странах и к неотехнократическим общественным движениям; 2) ярко выраженной чертой неотехнократического мировоззрения этого периода стал прагматизм. Рассмотрим содержание этих характеристик подробнее.

Во-первых, расширение социальной базы неотехнократии привело

к эволюции технократического сознания от индивидуального к общественному. Период индустриализации сопровождался расцветом технических знаний, которые все в большей степени приобретали системно-эмпирический характер, оформились в соответствующую научно-техническую терминологию, приобрели характер технических теорий, технических наук. Создаются сверхсложные технические системы на основе комплексного технического обобщения отраслей современной техники и технических наук. Уровень технических знаний необычайно высок, а спрос на профессионалов такого уровня необычайно велик. В противовес понятию «обыденный опыт» инженеры, ученые вводят понятие «опыт научный» с набором жестких критериев, фиксирующих его. Появление множества научных и технических дисциплин в XIX–XX веках составило мощный фундамент для расцвета научно-теоретического (фундаментального и прикладного) инженерного образования.

Во-вторых, еще одну «слабость» неотехнократического сознания он видит в «фактологической прозаичности», лишенной героического подъема и импульса к борьбе за самоутверждение. Это не характерно для современной западной культуры с ее постоянной целенаправленностью на борьбу за выживание и конкуренцию, подавление и преодоление, в том числе и себя. По мнению А. Гоулднера, расцвет неотехнократического сознания воспринимается как умерщвление ценности культуры Запада. Он считает, что неотехнократическое общество есть общество «больное», где люди превращаются в рабочие инструменты, а само общество управляется серыми, бездушными людьми, где свободу путают с воображением, а воля и творчество подавлены²⁵.

Разумеется, приведенная критическая точка зрения на неотехнократическое сознание воспринимается неоднозначно. Данная проблема получает положительную оценку и рассматривается через уточнение исторической роли неотехнократии как социального слоя, социальной группы в историческом процессе в развитии общества. Так, Э. Тоффлер не без основания полагает, что «архитектурный стиль власти сохранился». Он отмечает, что неоднократно за последние три столетия то в одной стране, то в другой, бунтовщики и реформаторы пробовали брать штурмом вершины власти, строить новое общество, основанное на социальной справедливости и политическом равенстве. Порой такие движения с их обещаниями свободы для всех возбуждали эмоции миллионов, и время от времени революционерам даже удавалось свергнуть старый режим. Однако, отмечает Э. Тоффлер, всякий раз конечный результат оказывался одним и тем же. Бунтовщики заново создавали, теперь уж под своим флагом, схожую структуру «субэлит», «элит» и «суперэлит».

Такая интеграционная структура и управлявшие ею неотехнократы были столь же необходимы индустриальной цивилизации Второй волны, как заводы, природное топливо. Индустриализм и обещанная полная демократия, по сути, были несовместимы.

По его мнению, революционным или иным путем индустриальные страны могли вынуждено отойти назад или совершить бросок вперед по всему спектру: от свободного рынка до централизованного планирования. Они могли перейти от капитализма в социализм и наоборот, но «подобно леопарду они не могли сменить узор на своей шкуре». Нельзя функционировать без могущественной интеграции неотехнократов.

Рост технократических настроений в общественном сознании привел к созданию формальных организаций, практика «технократического прагматизма» привела к созданию неотехнократического общественного движения. При этом следует отметить, что неотехнократизм как общественно-политическое движение при всей своей специфичности развивается в соответствии с традициями, характерными для любого социального движения вообще.

Как известно, «все социальные движения возникают в связи с усилением чувства недовольства существующим социальным устройством – заведенным порядком вещей. Это чувство обусловлено двумя причинами. Во-первых, существуют объективные события и ситуации, воздействующие на часть населения, у которой есть потенциальная возможность подвергнуться принудительному изменению образа жизни или же непосредственно организовать это изменение. Во-вторых, складываются стандарты, по которым люди оценивают события или ситуации. Эти стандарты формируются на основе культурных ценностей или норм, таких, например, как равенство и справедливость»²⁶.

Формирование неотехнократического социального движения предполагает: оформленность соответствующей идеологии, мобилизующей людей к действиям; существование соответствующей организации; наличие лидера или группы лидеров (команда), составляющих ядро или стержень нового движения, с которыми отождествляется данное социальное движение. Причем развитие социального движения требует и руководителей разных типов. На смену «руководителям-пророкам», своего рода агитаторам, «побуждающим к действию», – Ф. Бэкону, А. Сен-Симону и другим, а также руководителям – идейным вдохновителям, способным вызвать энтузиазм среди своих последователей, – Т. Веблену, Д. Беркхейму, приходят руководители-организаторы, контролирующие разделение труда, определяющие требования к членам этой организации.

У неотехнократов прагматического периода такими руководителями-организаторами являлись Г. Лоэб и инженер-электрик Г. Скотт, лидеры американской неотехнократии 30–40-х гг. XX века. Число низовых организаций американских технократов доходило до трехсот. Они провозгласили приближение новой социальной эры, когда роль инженерно-технической интеллигенции станет определяющей, а функции распорядителей собственности перейдут к управляющим корпорациями. Это приведет к бескризисному управлению экономикой, в основном за счет того, что распределение энергетических ресурсов начнет осуществляться в масштабе региона, страны и всего континента. Авторитет движения сильно упал после успешного проведения программ антикризисных мероприятий периода «Нового курса» Ф. Рузвельта²⁷. Парадокс состоял в том, что со временем авторитет неотехнократического движения упал, а авторитет неотехнократов как «экспертов» возрос как никогда раньше.

Профессиональные консультации давали многие сторонники американского неотехнократизма, а такие, как А. Берл, Р. Моби, Дж. Уоррен и другие вошли в состав так называемых «мозговых трестов» президента Ф. Рузвельта, формировавших экономическую политику правительства. Следует отметить способность неотехнократии приспосабливаться к любой форме политической власти в широком диапазоне от демократии до диктатуры.

Историко-философский анализ взаимоотношений неотехнократии и государства в условиях социально-политических, финансовых и культурно-идеологических кризисов показывает взаимный интерес политической власти и неотехнократии, которые обоюдно нуждаются друг в друге и в конечном итоге приспосабливаются друг к другу. Это происходит даже ценой ликвидации или коренной перестройки многих существенных отношений (ценностей и традиций).

Государство обычно стремилось использовать научные достижения для наращивания экономической и военной мощи, идеологического оправдания своей политики, повышения международного престижа. В свою очередь неотехнократы старались убедить власти в необходимости достойного финансирования научных проектов, необходимых для процветания государства, которое чаще всего и могло быть единственным заказчиком. При этом кризисы в самой науке, связанные со сменой парадигмы, волновали общество и государство лишь в том случае, когда какая-либо отрасль переставала давать ожидаемые результаты, это и заставляло правительство искать способы повышения экономической и идеологической эффективности используемых научных исследований²⁸.

Другой важнейшей особенностью неотехнократической праксиологии этого периода являлся ярко выраженный прагматический характер методологии внедрения неотехнократических идей в различные сферы жизнедеятельности общества. Следует напомнить о философии прагматизма и той огромной роли, которую он оказал на теоретическую и практическую жизнь США²⁹.

Неотехнократам в прагматической методологии импонировала особая роль, уделяемая опыту, под которым понималось все, что имеется в человеческом сознании, как врожденное, так и приобретенное. Именно опыт, по их мнению, был способен справиться с бесконечным количеством псевдопроблем, выйти за пределы гносеологических хитросплетений³⁰.

Кроме того, неотехнократы разделяли мнение о том, что прагматизм способен помочь человеку в потоке опыта преобразовать опыт и достичь поставленной цели.

В известной степени практика технократического прагматизма реализовывалась в СССР и продолжает реализовываться в современной России, что представляет собой исследовательский интерес.

В ходе исторического развития Россия неоднократно демонстрировала способность успешно осуществлять техническую модернизацию, опираясь на свои собственные силы, при этом нередко признаки развитости сочетались с чертами отсталости³¹. Эта тенденция просматривалась во времена петровской модернизации, когда освоение передовых для своего времени видов промышленного производства неизбежно сочеталось с издержками самодержавной власти и крепостным правом. В советскую эпоху Россия в составе СССР сумела по ряду параметров приблизиться к уровню наиболее развитых индустриальных стран (создание мощного производственно-технологического комплекса, воспитание поколения высококлассных ученых и инженерно-технических специалистов, активное участие в освоении космоса и т.д.). «По индексу развития человеческого потенциала (ВВП на душу населения, уровень образования, продолжительность жизни) страна имела показатель (0,920), сопоставимый с аналогичным показателем США (0,961). Однако одновременно советская система проявляла предрасположенность к стагнации и отторжению нового. Преобладание экстенсивных и ресурсоемких методов в производстве, высокая степень милитаризации экономики не позволили громадному потенциалу страны раскрыться в полной мере»³².

Основными носителями технократических идей в этот период были руководители промышленных предприятий, так называемые «красные директора» и вышедшая из их рядов «партноменклатура». К числу несомнен-

ных успехов советских технократов следует отнести: реальные достижения в рациональной организации управления обществом: создание современной системы экономического планирования на базе метода межотраслевых балансов, впервые разработанной ЦСУ СССР в 1923–1924 годах и впоследствии заимствованной многими странами, в том числе и с рыночной экономикой; внедрение двухканальной системы денежного обращения (наличные и безналичные деньги); развертывание эффективных систем науки и образования. К числу основных негативных характеристик советской технократии следует отнести: игнорирование рыночных стимулов (низкий уровень оплаты и личной мотивации работников), жесткая иерархия (антидемократический, номенклатурный режим), недооценка постиндустриальной перспективы (роли знаний и новых технологий обмена информацией) и т.д. Со временем социалистические ценности в партийной и хозяйственной номенклатурной прослойке девальвировались. До определенного времени советская номенклатура распоряжалась общенародной собственностью осторожно, в соответствии с тогдашними правилами, оставляя для себя сравнительно немного, особенно по меркам потребления развитых стран. Однако по мере распада командно-административной системы соблазн бесконтрольно распоряжаться национальным богатством усиливался. И лишь с приходом во власть технократов (неолибералов-«реформаторов») и после краха СССР процессы приватизации государственного имущества и конвертации власти в собственность развернулись в полном масштабе. Они-то и явились главным объектом, а нередко и субъективно осознаваемым содержанием реформ технократов «ельцинско-гайдаровского» призыва³³.

На смену технократам советской номенклатуры пришли российские неотехнократы-реформаторы. Их теоретические взгляды не отличались наличием оригинальных идей и по существу являлись эпигонством, абстрактными схемами, заимствованными из рыночных экономик без учета российской специфики и особенностей переживаемого периода. Замысел предлагаемых действий состоял в том, что для перехода к динамическому экономическому росту достаточно лишь создать несколько макроэкономических и институциональных условий: подавить инфляцию, сократить государственные расходы и сбалансировать бюджет, снизить процентные ставки, провести реструктуризацию предприятий, и силы рынка автоматически обеспечат подъем производства и потребления.

Упрощенные рационально выстроенные рецепты реформирования страны не оправдались. Все оказалось гораздо сложнее, а с учетом применяемых технократами-«реформаторами» способов реализации, замысел свелся к банальному воровству государственного имущества мень-

шинством и обнищанием большинства населения страны. Россия оказалась резко отброшена назад, приближена к таким формам капитализма, которые даже либеральные, благоволящие российским неотехнократам-«реформаторам» средства массовой информации называют «дикими». Россия превращалась в страну с бесперспективной экспортно-сырьевой специализацией, атрофированными внутренними источниками развития, хроническими социальными дисбалансами.

В самых общих чертах результаты деятельности неотехнократов-«реформаторов» могут быть представлены следующим образом: приватизировались в первую очередь «лакомые куски» в экспортно-сырьевом секторе. Вместе с разросшимися вблизи них финансовыми структурами эти отрасли быстро приобрели гипертрофированное значение. С другой стороны, рост монопольных цен на сырье и энергоносители вкупе с разбухшим импортом обескровили машиностроительный комплекс. Ввиду резко усилившейся социальной поляризации и обнищания огромной массы людей (по разным оценкам от одной трети до половины россиян находятся сегодня за чертой бедности) значительно сузился внутренний рынок. Вложения в производство, в науку, в просвещение и здравоохранение были урезаны до минимума. Эти меры объявлялись вынужденными, списывались на кризисную ситуацию, в возникновении которой якобы повинна прежняя, насквозь порочная система, тогда как «новорусский» капитал без помех «утекал» за границу или «прокручивался» путем разнообразных махинаций³⁴.

Главную причину происшедшего академик РАН Д.С. Львов видел, прежде всего, в профессиональной непригодности и отсутствии необходимых нравственных качеств у тех, кто проводил эти реформы. Кроме того, молодые реформаторы (неотехнократы) заменили догму одного учения – «марксизм всесилен потому, что он верен», на другую – «монетаризм – это единственный путь построения капитализма»³⁵, непригодности и отсутствия необходимых нравственных качеств у тех, кто проводил эти реформы. Кроме того, молодые реформаторы (технократы) заменили д - Академик РАН Л.И. Абалкин, отмечая ту же тенденцию торможения экономики России в результате проводимых неотехнократами реформ, одну из главных причин видит в том, что, во-первых, наша страна стала объектом, на который накладывались стандартные решения, взятые из опыта стран совершенно другого типа культурно-исторического развития. И, во-вторых, национальные интересы должны быть выше остальных – классовых, групповых, клановых и т.д.³⁶

По мнению академика РАН Н.П. Федоренко, в России исчез институт ответственности руководителей предприятий сначала перед вы-

шестоящими органами, затем – перед коллективом руководимых предприятий и, наконец, перед деловыми партнерами. По сути, произошла «великая директорская революция», в ходе которой власть директоров многократно усилилась, а ответственность свелась к минимуму³⁷.

Академик РАН О.Т. Богомолов, анализируя итоги деятельности неотехнократов-«реформаторов», отмечает как положительные, так и отрицательные результаты. К положительным результатам относятся пуск некоторых рыночных механизмов, исчезновение товарного дефицита, рубль стал обратимым, пробудилась частная инициатива. Но эти положительные перемены обесцениваются перед бедами и издержками, которыми сопровождались реформационные преобразования: сократился вдвое объем ВВП; резко упал жизненный уровень населения – треть населения находится за чертой бедности; смертность вдвое превысила рождаемость; в 2001 году около 300 тысяч человек трудоспособного возраста умерли в результате производственных травм, отравлений, убийств или самоубийств (по данным Минздрава России); на 2,5% ежегодно возрастает число людей с психическими расстройствами; на 10% ежегодно увеличивается число наркоманов; в стране 720 тысяч детей-сирот и детей, родители которых лишены родительских прав (это больше, чем было зарегистрировано после войны); около 2,5 млн. россиян ночуют на чердаках, в подвалах, вдоль теплотрасс (по данным МВД РФ).

Возникает ощущение, что у нас подорваны основы существования нации и государства. Основные фонды изношены на 70%, а их обновление раз в 10 медленнее норматива. Огромна утечка кадров и т.д.³⁸

Крах теоретических и практических изысканий технократов-«реформаторов» 90-х годов XX века со всей очевидностью показал, что механизм экономического роста не может возникнуть спонтанно. Для его включения требуется целенаправленная реализация ряда необходимых предпосылок – социальных, экономических и организационных. Предлагаемых рецептов решения немало: от посланий Президента до программ выхода из кризиса, разрабатываемых различными исследовательскими группами, отдельными учеными³⁹.

Практика российских неотехнократов-«реформаторов», осуществляемая в условиях переходного периода, представляла собой симбиоз черт: эпигонство, отсутствие самостоятельных и оригинальных идей; тяготение к упрощенным абстрактным схемам, реализуемым без учета специфики российской жизни; авторитарные, а нередко и криминальные методы руководства; игнорирование социальных нужд населения в сочетании с его нещадной эксплуатацией, коррумпированность и так далее, что неизбежно порождало хаотичность, сиюминутность в принимаемых и реализуемых

решениях. С учетом сказанного становится очевидна необходимость отказа от практики неотехнократов-«реформаторов» и важность формирования новой государственной политики. На смену практике неотехнократов-«реформаторов» должны были прийти неотехнократы-«государственники». Этот тип политиков в современной России только формируется, и не все присущие ему характеристики отчетливо видны. С определенной степенью вероятности можно предположить, что для практики неотехнократа-«государственника» будут характерны следующие особенности: централизация властной структуры; стремление повысить качество жизни отдельных категорий населения; провозглашение борьбы с коррупцией и чиновничьим произволом; проведение структурных преобразований в различных сферах жизнедеятельности общества, направленных не на частичную коррекцию, а на стратегические изменения жизни страны.

Контуры практики «государственников» начали складываться еще при правительстве Е.М. Примакова. Возможности этого кабинета были ограничены: обстановкой, сложившейся после августовского дефолта 1998 года, препятствиями неотехнократов-«реформаторов», ограниченностью бюджетных возможностей государства и др. Однако Е.М. Примакову удалось сделать многое для спасения страны и не допустить разрастание кризиса. Он отменил «реформаторские» решения о продаже за бесценок крупнейших предприятий, пытался ограничить аппетиты сырьевых монополий по взвинчиванию цен, возобновил своевременность выплаты пенсий и зарплат населению страны. При нынешнем президентском курсе этот путь стал еще более осязаем и, вероятно, необратимым.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы:

Первое. «Бунт инженеров и менеджеров» не состоялся, но потребность в высококвалифицированных технических специалистах (инженерах, менеджерах) в обществе постоянно возрастала. Концепции неотехнократизма возникли в 50–60-х годах XX века как реакция на вступление наиболее развитых стран в индустриальный этап развития человеческой цивилизации. Наиболее известными разработчиками концепций неоклассического этапа технократизма можно считать Р. Арона, У. Ростоу, Дж. Гэлбрейта и др. Суть неотехнократических концепций состояла в стремлении наметить теоретические контуры будущего общества, осмыслить место и роль технократии в новых условиях, построить адекватную достижениям научно-технического прогресса социально-политическую систему, успешно сочетающую свойства либеральной демократии (права человека, политические свободы и т.д.) с новой олигархией в лице капиталистов и техноструктуры. Не все названные

авторы считали себя технократами, но, не смотря на их самоидентификацию, в предлагаемых ими концепциях присутствовали значительные технократические элементы, оказавшие существенное воздействие на теорию и практику неотехнократов.

Второе. В концепциях неоклассического этапа технократизма были выявлены основополагающие теоретические положения, необходимые для построения индустриального общества: частная собственность как основа технико-экономического роста, личной свободы и защиты социального порядка; индустриализация и бизнес как двигатель социального прогресса; развитая промышленность, неизбежно влияющая на рост городов и городского населения, а также на уменьшающуюся занятость в сельскохозяйственном производстве и сокращение доли сельских жителей; менеджеризм как ведущая форма управления; во всех сферах жизнедеятельности общества значительный рост числа лиц интеллектуального труда; «деидеологизация», проявляющаяся в отсутствии в обществе доминирующих социально-политических групп и идеологий, посредством деидеологизации неотехнократы пытались снять антагонизм социальных отношений; высокое массовое потребление, бурный рост производительности труда. Основными ориентирами развития индустриального общества, по мнению неотехнократов, должны были стать: в сфере производственной деятельности – рост материально-технического производства путем внедрения новых перспективных технологий; в сфере организации производства – свобода частного предпринимательства; в сфере организации обращения – рыночное хозяйство; в сфере политических отношений рассматривалось не взаимодействие классов, а технологии управления правовым государством и гражданским обществом; в сфере социальных структур – приоритет однозначно отдавался технико-экономическим структурам общества (профессиональным, стратификационным) над классово-антагонистическими; в сфере отношений народов и культур – взаимообмен технологиями, технознаниями как движение к взаимопониманию на основе компромиссов.

Третье. Неотехнократам удалось сформировать и свою систему базовых ценностей применительно к специфике индустриального (техногенного) общества. Суть ценностного подхода неотехнократизма состояла в следующем: признание перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному, основанному на крупном машинном производстве, в качестве основного изменения современной цивилизации; переход к техногенному обществу рассматривается как социально-прогрессивное историческое движение, ведущее к значительной ликвидации наследственных привилегий, торжеству разных гражданских прав и свобод, демократизации общественно-политической жизни; ослабление источников социаль-

ного напряжения путем создания антиконфликтной системы, важнейшими элементами которой должны были стать укрепление практики коллективных договоров и распространение на все население политических и гражданских свобод, создание реальной многопартийной системы.

Особое следует отметить уверенность неотехнократов в том, что «логика индустриализации» неизбежно ведет к построению некоего «смешанного общества» – общества потребления, сочетающего в себе положительные черты и свойства как капиталистической, так и социалистической систем. Неотехнократы были убеждены в том, что капитализм и социализм являются различными формами индустриального общества, а их высшим концептуальным достижением являлась разработка теории конвергенции, направленная на снятие марксистско-ленинской «однолинейной схемы социального развития» с обязательной заменой капитализма социализмом. Объективную основу теории конвергенции составляли такие процессы, как реальная угроза гибели человеческой цивилизации военным путем, безудержный рост промышленных технологий, впечатляющие достижения массового общества, снижение накала классовой борьбы посредством повышения уровня жизни населения и расширения арсенала форм социального партнёрства и т.д.

Четвертое. Неотехнократическим концепциям соответствовал праксиологический этап, который условно можно назвать этапом «технократического прагматизма». Праксиология периода «технократического прагматизма» совпала с эпохой индустриализации (30-е годы XX века – конец XX века), когда крупное промышленное производство оказывало мощное воздействие на все стороны жизнедеятельности социума. Основными творцами этого периода были неотехнократы. На смену «пророкам» и «агитаторам» технократии к руководству пришли деятели, способные создать технократические организации, определить требования к их членам.

Прагматизм неотехнократов был основан на том, что не в будущем, а в настоящем можно и нужно решать человеческие проблемы. Для чего необходима хорошая управляемость социальными процессами, поэтому право на социальные творчество и свободу надо заслужить, оно принадлежит лишь технократической элите, а остальные превращаются в функционирующие инструменты.

Следует отметить, что неотехнократы по возможности избегали публичности, старались не афишировать свою принадлежность к технократической идее, концентрировались не столько на пропаганде своих идей, как «отцы технократии», сколько на реальном механизме их воплощения.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Чем обусловлено появление неклассического этапа технократизма?
2. Назовите представителей философских идей неотехнократов?
3. Охарактеризуйте суть философских технократических идей Р. Арона.
4. Раскройте содержание технократической концепции “стадий роста” У. Ростоу.
5. Технократические представления Дж. Гэлбрейта.
6. Охарактеризуйте практику неотехнократии (“технократический прагматизм”)

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 См.: Aron R. Dix-huit leçons la société industrielle. P. 1962; La lutte des classes. P. 1964, Trois essais sur l'âge industriel. P. 1966; Les étapes de la pensée sociologique. P., 1967; Rostow Y. The stages of economic growth. A non-communist manifesto. Camb., 1960.
- 2 См.: Aron R. Lectures on Industrial Society. L., 1967. P. 235.
- 3 См.: Aron R. Lectures on Industrial Society. L., 1967. P. 42.
- 4 См.: Иноземцев В.Л. Постиндустриальный мир Д. Белла // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. С. XXXII.
- 5 Арон Р. Демократия и тоталитаризм // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. 2. С. 516.
- 6 Арон Р. Демократия и тоталитаризм // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. 2. С. 508
- 7 Aron R. Social Structure and Ruling Class // British Journal of Sociology, vol.1. 1. March. 1950. P. 9.
- 8 См. Арон Р. Демократия и тоталитаризм // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 1997. Т. 2. С. 508.
- 9 Rostow W.W. The Stages of Economic growth. A non-communist manifesto. Camb., 1960. P. 10.
- 10 Rostow W.W., The Stages of Economic growth. A Non-communist Manifesto, Camb., 1960. P. 4.
- 11 Rostow W.W., The Stages of Economic growth. A non-communist manifesto. Camb., 1960. P. 27.
- 12 См.: Rostow W.W., The Stages of Economic growth. A noncommunist manifesto. Camb., 1960. P. 2–150.
- 13 W.W. Rostow, The Stages of Economic growth. A noncommunist manifesto. Camb., 1960, P. 25–38.
- 14 См.: Veblen T. The theory of the leisure class; an economic study in the evolution of institutions. New York: The Macmillan company, 1899. P. 400; Сорокин П. Система социологии (1920). Т. 1, 2. М.: Наука, 1993. С. 347, 379; Schumpeter J.A. Business cycles; a theoretical, historical, and statistical of the capitalist process.- New York, London: McGraw Hill Book Company, 1939. 2; Schumpeter J.A. Capitalism, socialism, and democracy. N.Y.: A.M. Kelly, 1951. P. 221.
- 15 Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Изд-во АСТ, 2004. С. 34–35.
- 16 Гэлбрейт Дж. Жизнь в наше время. М.: Прогресс, 1986. С. 382–383.
- 17 Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. С. 106–107.
- 18 См.: Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М., 1979. С. 362.
- 19 Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. С. 116.
- 20 Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. С. 432–433.

- 21 См.: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: АСТ, 2004. С. 66, 230–321.
- 22 См.: Климов С.Н., Орлов Г.Н. Философия техники. М.: РГОТУПС, 2003. С. 110–111.
- 23 Сорокин П. Взаимное сближение Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Прогресс, 1992. С. 160.
- 24 Гэлбрейт Дж. Жизнь в наше время. М.: Прогресс, 1986. С. 386.
- 25 Gouldner A.W. The Dialectic of Ideology and Technology. The Origins, Lrammar and Future of Ideology. N.Y., 1976. P. 244.
- 26 Смелзер Н. Формирование социальных движений // Социология: Пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 597.
- 27 См.: Графский В.Г. История политических и правовых учений. М.: ТК Велби, Проспект, 2005. С. 488.
- 28 Исследованию этой проблемы посвящен проект «Наука и кризисы. Опыт историко-сравнительного анализа», поддержанный Министерством науки и технологий Российской Федерации и Российским государственным научным фондом. Участники этого проекта – ведущие историки науки России и США В. Грюндер, И.С. Дмитриев, А.В. Кольцов, Конг Као, Ю.Х. Копелевич, М. Уолкнер и другие. См. публикации в рамках проекта: Уолкнер М. Наука при национал-социализме // Науковедение, 2001, № 1. С. 134; Конг Као // Науковедение, 2000, №4, С. 131.
- 29 Основателями прагматизма считаются американские философы Ч. Пирс и У. Джемс, но особый вклад в разработку современного философского наследия прагматизма внес Д. Дьюи, как его называли, «американский философ номер один», «рационализатор американского опыта», разработавший в противовес философскому самосозиданию «свободу поиска», «демократию теории», «плюрализм воззрений». Прагматизм пустил в американской жизни мощные корни, которые постоянно дают о себе знать. (См.: Юлина Н.С. Очерки по философии в США 20 века. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 92–111).
- 30 См.: Dewey J. Experience and Nature. Chicago; L., 1925.
- 31 Основателем технократической традиции в России считается П. Энгельмейер. Его пространная, состоящая из многих частей статья «Allgemeine Fragen der Technik» (Общие вопросы техники), вышедшая в издаваемом Динглером журнале «Politechnisches Journal» (Политехнический журнал, 1899 г.), обрисовывает круг конкретных вопросов в рамках общего исследования техники. В 1911 году на IV Всемирном философском конгрессе, состоявшемся в итальянском городе Болонья, П. Энгельмейер выступил с докладом на тему «Философия техники», где он резюмировал и развил положения упомянутой статьи. Начав с описания «империи техники», он сконцентрировал свое внимание на обсуждении проблемы отношения техники к науке и философскому анализу техники и границ, до которых распространяется ее влияние. По его мнению, сфера техники в конечном счете восходит к человеческой воле и внутреннему стремлению человека к техническому творчеству.
- 32 См.: Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 317–413; Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 217–260, 291–372; Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 441–601, 608 и др.
- 33 См.: Хорос В.Г., Красильщиков В.А., Сумский В.В. Многообразие в конце // Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 608–609.
- 34 См.: Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2001; Фахрутдинов Р.А. Конкурентоспособность: Россия и мир. 1992–2015. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005 и др.; Семенов Ю.И. Философия истории. М.: «Современные тетради». 2003. С. 564–585; Ильин В.В. Мир Глобо: вариант России. Калуга: Полиграф-Информ. 2007. С. 73–123.
- 35 См.: Львов Д.С. Будущее России: гражданский манифест. М.: ЗАО «Издательство

«Экономика», 2003. С.

36 См.: Абалкин Л.И. Использовать интеллектуальный и экономический потенциал для будущего России // Экономика, 1999, № 8.

37 См.: Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. М.: «Издательство «Экономика», 2000.

38 См.: Богомолов О.Т. Реформационное десятилетие: итоги и перспективы (круглый стол) // Российский экономический журнал. 2002, № 5–6.

39 См.: Белоусов А.Р. Будущее российской экономики: пространство выбора // Постиндустриальный мир и Россия. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 461–491; Фахрутдинов Р.А. Конкурентноспособность: Россия и мир. 1992–2015. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005 и др.

ЛИТЕРАТУРА:

Арон Р. Демократия и тоталитаризм// Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.2. Зарубежная политическая мысль XX в. - М., 1997. с. 508-523.

Арон Р. Этапы развития социалистической мысли. - М.: Прогресс-Универс, 1993.

Деменчонок Э.В. Современная технократическая идеология в США. - М.: Наука, 1984.

Гелбрейт Дж. Жизнь в наше время. - М.: Прогресс, 1986.

Лекция 5.

КОНЦЕПЦИИ И СПЕЦИФИКА ПРАКСИОЛОГИИ ПОСТНЕОКЛАССИЧЕСКОГО ЭТАПА ТЕХНОКРАТИЗМА

Важнейшим звеном концепций постнеоклассического этапа технократизма является категория «постиндустриальное общество», отражавшая сущность и специфику глобальных изменений, происходивших в общественной жизнедеятельности. Эволюцию уточнения содержания можно представить следующим образом: в 1958 году в научный оборот американским социологом Д. Рисменом вводится термин «постиндустриальное общество»¹. В 1960-х годах происходит понимание научной общественностью того, что технологические факторы развития социума превалируют над политическими и социальными, идеи постиндустриализма получают широкое признание и распространение. С середины 1960-х годов проводятся серьезные научные исследования в этой области: создается футурологическая комиссия под руководством Д. Белла; материалы по этой проблематике активно публикуются в различных научных сборниках, проводятся многочисленные научные конференции и т.д. К началу 70-х годов XX века постиндустриальная тематика становится одной из ведущих в западной философии, экономики, социологии и рассматривается в обществе, в том числе и постнеотехнократами, как новая глобальная методологическая парадигма социально-экономических наук.

Развитие индустриального общества приводит, как утверждали неотехнократы, к увеличению сходства между различными обществами, находящимися на одной стадии развития; устранению «внешнего», внеэкономического неравенства; сглаживанию социальных конфликтов; проведению либерально-демократических национальных преобразований. Однако постиндустриальное общество – это общество нового типа, формирующееся на принципиально новых основаниях, требующее принципиально нового подхода к осмыслению.

В постиндустриальном обществе, по мнению Д. Белла, определяющими являются знания, информация, а ведущая роль принадлежит науке, образованию, информатике. Производство усложняется настолько, что права собственности, здравого смысла, интуиции и производственного опыта уже недостаточно для принятия эффективных решений. Чтобы сохранить собственность, капитал, власть необходимы научные знания из различных областей. Приходит «звездный час» технократов, которые из простых исполнителей чужих замыслов превращаются в «серых карди-

налов», фактически формирующих и реализующих эти замыслы. Наука превратилась в главный двигатель общественного прогресса, а кодифицированное теоретическое знание стало основой управления. На этом этапе классовое деление уступает место профессиональному, сфера услуг преобладает по отношению к сфере производства. Собственность на средства производства как основа социального напряжения утрачивает свое значение, а основным конфликтом постиндустриального общества становится противоречие между профессиональными знаниями и профессиональной некомпетентностью. Постиндустриальное общество становится обществом информационным. Информация есть основная ценность, обуславливающая качество общественной жизни, перспективы экономики, социальные изменения, поэтому в постиндустриальном обществе телекоммуникации и компьютеры выполняют ведущую роль в производстве и обмене информацией и знаниями. Подобного рода рассуждения Д. Белла вписывались в классические и неклассические концепции технократов и являлись их естественным развитием в новых условиях. Для постнеотехнократов главным ресурсом формирующегося общества стали информация и знания, а они, способные создавать, сохранять, передавать этот информационный ресурс в социальной памяти, превратились, таким образом, в главную, определяющую фигуру современности.

Постиндустриальное общество для постнеотехнократов было обществом интеллектуалов, в котором первостепенное значение придается всестороннему развитию его членов. Главную роль в нем играют теоретические и профессиональные знания, а поэтому его основной проблемой являются вопросы организации науки и всестороннего развития на этой основе всех сфер жизни общества.

Перечисленные этапы развития общества Д. Белл различал также и по способу отношения к природе. Противопоставление природного (естественного) и технического (искусственного) позволило ему отметить, что в доиндустриальном обществе жизнь была организована вокруг взаимодействия с природой, была «игрой между человеком и природой», в которой люди взаимодействовали с естественной природой – землей, водой, лесами, работая малыми группами и завися от нее. В индустриальном обществе работа – это «игра между человеком и искусственной средой», игра с преобразованной природой, где люди взаимодействуют с машинами, производящими товарами. В постиндустриальном же обществе работа становится, прежде всего, «игрой человека с человеком» (между чиновником и просителем, врачом и пациентом, учителем и учеником). Таким образом, природа исключалась из рамок трудовой и

обыденной жизни, и люди должны учиться жить друг с другом. В истории общества это новое и не имеющее параллелей положение вещей требовало повешенной степени координации, успехи и издержки которой определялись эффективностью принятия решения². «В настоящее время реальность является в первую очередь социальным миром – не природным, не вещественным, а исключительно человеческим – воспринимаемым через отражение своего «я» в других людях. Общество само становится сетью сознания, формой воображения, которая должна быть реализована как социальная конструкция. Поэтому неизбежно, что постиндустриальное общество ведет к появлению нового утопизма, как инженерного, так и психологического. Человек может быть переделан или освобожден, его поведение – запрограммировано, а сознание изменено»³.

Постнеотехнократы вынуждены были действовать в постиндустриальном обществе, которое своими «измерениями», вне всякого сомнения, стимулировало их активную деятельность: 1) централизация теоретического знания, становящегося основой для измерений в производстве, приоритет теоретических знаний как источника инноваций и политических разработок в обществе; развитие общества все более и более зависит от фундаментальных научных исследований и их технологического воплощения; опережающее развитие «четвертого» информационного сектора экономики, следующего за сельским хозяйством, промышленностью, экономикой услуг; 2) создание новой «интеллектуальной технологии» для решения экономических, инженерных, социальных проблем, решения стали приниматься при помощи компьютеров; преобразование машинной технологии в интеллектуальную связано с возможностью независимого технологического роста; 3) превращение класса специалистов и техников (компьютерщики, инженеры, менеджеры, юристы) в основной класс; формирование класса производителей знаний, информации (в США эта группа вместе с менеджерами составляет более 25% рабочей силы); типичный работник постиндустриального общества уже не работник ручного труда, а скорее техник, инженер, администратор, «белый воротничок»; 4) переход доминанты от господства производства товаров к господству производства услуг, более половины активного населения занято в сфере экономики услуг и все меньше в сельском хозяйстве и промышленности; 5) смена властных отношений: в доиндустриальном обществе – аристократия, монархия, в индустриальном – демократия, в постиндустриальном – меритократия (от лат. *meritos* – «заслуженный»); 6) экономика информации, выступающей как коллективный товар. Д. Белл считал, что от индивидуальной

конкурентной стратегии надо переходить к кооперативной стратегии сотрудничества⁴.

Перечисленные характеристики постиндустриализма, по Д.Беллу, неизбежно ведут к возрастанию значения постнеотехнократии, так как профессиональное образование и техническая квалификация становятся фундаментом и, в значительной степени, обязательным средством достижения власти. Значение постнеотехнократов возрастает еще и потому, что источники новаторства в постиндустриальном обществе все более сосредотачиваются в интеллектуальных институтах (университетах, научно-исследовательских институтах), тесно связанных с политикой, экономикой и другими сферами общественной жизнедеятельности. Проблема новаторства, инновационности весьма актуальна для постиндустриального общества, так как постнеотехнократам приходится действовать в условиях становления нового общества. Это касается не только внутренних процессов, проходящих в обществе, например, структурные изменения в правящей элите, более активное участие граждан в управленческой деятельности всех уровней или уменьшение зависимости детей от родителей и так далее, но и внешних, (международных) процессов. Прогнозируется, например, преодоление разрыва между богатыми и бедными странами, что, несомненно, приведет к существенным изменениям в мире, неизбежно сделает его многополярным, наполнит множеством коммуникаций, способствующих обновлению традиционных социальных принципов, структур, нравов и представлений. В области социально-культурной жизни Д. Белл констатировал растущее радикальное размыкание между культурой и социальной структурой. Общество, по его мнению, становится функционально более организованным, приспособляющимся к знанию и господству научных сфер. Культура становится все более антиинституциональной и антиномичной, все больше ориентируется на функциональную рациональность и постнеотехнократию. «Культура, – писал Д. Белл, – становится более гедонистической, вседозволяющей, экспрессивной, не верующей ни в авторитеты, ни в запоздалые вознаграждения буржуазного, ориентированного на успех технологического мира»⁵.

Таким образом, Д. Белл приходит к вполне обоснованному выводу о том, что возникновение постиндустриального общества и возрастание роли постнеотехнократов в различных его сферах есть закономерный результат общественного развития.

В соответствии с высказанными основными характеристиками Д. Белл дает развернутое определение постиндустриализма с учетом роли и места постнеотехнократов: «Постиндустриальное общество определя-

ется как общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни, в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой, и, что самое важное, в котором внедрение нововведений во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания. Постиндустриальное общество предполагает возникновение нового класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов»⁶.

В отличие от неотехнократов постнеотехнократы считали, что трансформация охватывает как формы собственности на средства производства, так и социальную структуру общества. Эта точка зрения нашла свое отражение в концепции Д. Белла, утверждавшего, что частная собственность перестает быть центральным институтом, и ведущее значение приобретает сфера услуг, так называемый третичный сектор, функционирующий вне бизнеса и правительства, и в котором не ставится цель извлечения прибыли. Определяющая социальная роль постнеотехнократов в постиндустриальном обществе вытекала из признания теоретического знания (фундаментального и прикладного) «стратегическим ресурсом»: «Когда знание в своей систематической форме вовлекается в практическую переработку ресурсов (в виде изобретения или организационного усовершенствования), можно сказать, что именно знание, а не труд выступает источником стоимости»⁷. Теоретические (фундаментальные и прикладные) знания приобретают решающее значение для экономической и социальной жизни постиндустриального общества, их носители соответственно становятся центральной фигурой, обеспечивающей стабильное функционирование и оптимальное развитие общества.

Степень влияния теоретического знания на постнеотехнократов становится понятнее, если сравнивать постиндустриальное общество с индустриальным. Знания необходимы для успешного функционирования любого общества, но если в индустриальном обществе изобретения делались главным образом, талантливыми самоучками, стремившимися разрешить практические проблемы эмпирически, методом проб и ошибок, то постиндустриальное общество характеризуется главенством теории над эмпирическим опытом и кодификацией знания в абстрактные системы символов. Изменился сам характер знания, при принятии решения стало доминировать теоретическое знание. Производство в постиндустриальном обществе все сильнее испытывает зависимость

от теоретических разработок, предшествующих процессу производства. Со временем теория начинает играть первостепенную роль не только в области технологических новаций, но и в экономике и общественной жизни. Теоретические знания не абсолютны, но тем не менее служат предпосылкой человеческой деятельности. Если в индустриальном обществе действия были ответом на практические запросы (технические проблемы, социальные сложности), то в постиндустриальном обществе значительная часть жизни организована на основе теории поведения, на абстрактных, обобщенных принципах. Теоретические знания стали более доступными благодаря информационным технологиям. Компьютеризация позволяет создавать «интеллектуальную технологию», включающую в себя знания (правила, операции и т.д.) и способствующую, в свою очередь, теоретическим инновациям. Таким образом, увеличивается не только число «белых воротничков» и количество битов информации, но и меняется новый фундаментальный принцип организации общественной жизни⁸.

Доминирующая социальная роль постнеотехнократов в профессиональной структуре постиндустриального общества обуславливалась, по мнению Д. Белла, формированием «технического класса» и связанным с этим сдвигом в правящей элите. Он писал, что «в прошлом большинство обществ было элитарными и закрытыми в том смысле, что аристократия была чрезвычайно замкнутым сословием. В противоположность этому современные общества стали открытыми, при этом по мере того как профессиональные знания и техническая компетентность становились неперемным условием для входа в элиту, основой процесса для такого продвижения становилось образование. «Поскольку постиндустриальное общество повышает важность технического компонента знаний, оно заставляет жрецов нового строя – ученых, инженеров, технократов – конкурировать с политиками или становиться их союзниками»⁹. В постиндустриальном обществе элита – это уже в значительной степени элита знающих людей, обладающая властью в пределах институтов, связанных с интеллектуальной деятельностью – исследовательских организаций, университетов и т.п. Однако в мире большой политики она по-прежнему обладает не более чем влиянием. Постольку, поскольку политические вопросы все теснее переплетаются с техническими проблемами (в широких пределах – от военной технологии до экономической политики), «элита знания» может ставить проблемы, инициировать новые вопросы и предлагать технические решения для возможных ответов, но она не обладает властью сказать «да» или «нет». В этой связи крайне преувеличенной представляется идея о том, что «элита знания»

может стать новой элитой власти». В то же время очевидно и то, что постнеотехнократы способны оказывать большее влияние на все общество, чем неотехнократы.

По утверждению Д. Белла, членами «новой технократической элиты» как в экономике, так и политике, становится научно-техническая интеллигенция и, в первую очередь, ученые. Ведущая социальная роль постнеотехнократов в постиндустриальном обществе в значительной мере обусловлена необходимостью принятия решений посредством «новой интеллектуальной технологии» (системный анализ, линейное программирование и т.д.). «Символом постиндустриального общества» и «агентом трансформации общества второй половины XX века» становится компьютер – «инструмент управления массовым обществом, поскольку он есть механизм обработки социальной информации, громадный объем которой растет почти экспоненциально в силу расширения социальных связей»¹⁰. Именно компьютер и основанные на его использовании информационные технологии дали постнеотехнократам дополнительный рычаг воздействия на общество.

В то же время необходимо подчеркнуть то обстоятельство, что Д. Белл, так много сделавший для прояснения сути постнеотехнократов, не был апологетом технократии и весьма скептически относился к возможности превращения постнеотехнократов в политически господствующий класс. Это превращение невозможно, по крайней мере, из-за трех препятствий. Во-первых, утверждает он, собственность и политическая власть находятся в руках правящей элиты, которая без боя не сдастся и просто так ни с кем властью делиться не будет; во-вторых, технократы не оформлены в сплоченную социальную группу, они разобщены, не осознают единство своих интересов и склонны, вследствие этого, действовать с различными группами других элит. Третье же препятствие, пожалуй, самое главное, по Д. Беллу, это иррациональность политики, ее способность «нарушать рациональность». Парадоксальность политики в том, что рациональные решения часто не могут быть практически реализованы, а решения иррациональные, но учитывающие интересы правящей социальной группы, объявляются правильными и реализуются волевым путем. Поэтому, как справедливо отмечает Д. Белл, как бы ни использовал свои теоретические знания постнеотехнократ, придя к власти, он вынужден будет стать политиком. Замена политики наукой невозможна. Следует согласиться с тем, что постнеотехнократы не являются противниками крупной собственности, скорее они их союзники в борьбе за сохранение этой собственности. Постнеотехнократы способны в рамках элиты, поддерживая тот или иной клан крупных собствен-

ников, вести ожесточенную войну с представителями других кланов, но в конечном счете они все равно будут отстаивать интересы правящей элиты.

Остановимся на высказанных возражениях, что постнеотехнократы не могут прийти к власти, подробнее. Первое замечание о том, что собственность и политическая власть находятся в руках правящей элиты, которая без боя ею делиться не станет, само по себе не вызывает возражения. Но ведь Д. Белл утверждает о социальной открытости элиты постиндустриального общества, о появлении «новой технократической элиты», владеющей мощным интеллектуальным ресурсом, эффективными профессиональными технологиями управления, способной не только сохранить, но и приумножить дивиденды правящего класса. Кроме того, нельзя игнорировать сложившиеся представления о меритократии (власти достойных), т.е. форме правления, в основу которой положен принцип индивидуальных заслуг. В результате такой формы власти к управлению обществом приходят наиболее профессионально подготовленные, талантливые люди. Сам Д. Белл утверждает, что если в прежних обществах к власти приходили в результате знатного происхождения, наследия капитала, то в постиндустриальном обществе действует «принцип достижения», т.е. власть достигается благодаря личным достоинствам, высокому уровню профессионализма и т.д. И поскольку постиндустриальное общество – это общество знаний, постольку наиболее реальными претендентами на высшее место в структуре власти считаются ученые и высококвалифицированные специалисты¹¹. Правящая элита никогда не отдала бы власть без боя, но в условиях постиндустриального общества она вынуждена делить ее с постнеотехнократами, так как это единственный способ сохранить свое существование и приумножить свои капиталы.

Д. Белл прав, утверждая, что технократы вообще и постнеотехнократы, в частности никогда не были оформлены в сплоченную социальную группу и не способны осознать единство своих интересов. Проведенное историко-философское исследование подтверждает эту мысль, констатирует социальный статус технократов как социальной квазигруппы, постоянно находящейся в стадии перманентного формирования и обновления. Однако со всей очевидностью обнаруживается и тот факт, что у данного социального феномена подобное состояние является естественным, так как обеспечивает ей большую стратегическую и тактическую эффективность деятельности. Именно подобного рода идеологическая размытость обеспечивала достаточно успешную реализацию прагматической практики неотехнократов. Эта же тенден-

ция наблюдается и у постнеотехнократов, так, например, отсутствие ясно выраженных национальных приоритетов позволяет им успешно решать сложнейшую задачу глобализации. «Размытость» этой социальной квазигруппы не мешает ей реализовывать столь масштабные проекты. Постнеотехнократы – это, своего рода, масоны XXI века с ярко выраженной целью мирового технико-экономического, политического и духовного господства, но без обязательных обрядов и прочей ритуальной мишуры. Поэтому, соглашаясь с отсутствием организационного единства технократии, следует возразить относительно ее неспособности осознать единство своих взглядов. Основой такого единства является общность их интересов.

Относительно третьего замечания Д. Белла об иррациональности политики и невозможности замены политики наукой следует отметить, что наука и политика в принципе разные социальные явления. Наука всегда ориентирована на открытие и использование объективных законов действительности, в то время как политика ориентирована на властные отношения, на выражение интересов главным образом правящей элиты. Постнеотехнократы входят в правящую элиту, поэтому политика постиндустриального общества выражает и их интересы, что обеспечивает компромисс между рациональностью науки и иррациональностью политики.

В связи со всем вышеизложенным Д. Белл делает однозначный вывод о том, что постнеотехнократия может оказывать влияние на власть, в какой-то степени совместно с представителями других элит участвовать в ней, но осуществлять единоличное политическое господство не в состоянии. Однако, данное исследование показывает, что, разделяя власть с другими группами элит, технократы, и прежде всего постнеотехнократы, в этом альянсе играют определяющую роль, выступают дирижерами всего оркестра. Вопреки мечтам ранних технократов, таких как Сен-Симон, который надеялся, что ученые будут править, в постнеоклассический период развития технократической мысли стало ясно, что политические отношения занимают важнейшее место в обществе и что отношение знания к власти обычно подчиненное. Именно этим было обусловлено то, что постнеотехнократы-практики рассматривали вопросы власти в качестве центральных, ключевых для воплощения в жизнь своих технократических замыслов. Следует отметить, что Д. Белл отличается от многих прежних взглядов апологетов технократии и отрицательным ответом на вопрос о возможности превращения научно-технических специалистов в политический господствующий класс.

Э. Тоффлер в своих произведениях «Третья волна», «Карты буду-

щего» оценивает постиндустриальный этап как компьютерно-информационную цивилизацию Третьей волны в истории человеческого развития. Исходя из американской модели экономического развития, он разработал свою методологию исследования социальных процессов и на ее базе создал концепцию технократизма в условиях постиндустриального общества.

Прежде чем перейти к содержательному рассмотрению концепции Э. Тоффлера, остановимся на характеристике его методологии. Опираясь на объемный фактологический материал, он выделяет три волны в истории цивилизации. Для него идея волны – это не просто метафора, обозначающая длительные исторические периоды и огромные массивы противоречивой информации, а столкновение волн как удачный образ происходящих социальных перемен. По существу, как заявляет Э. Тоффлер, разрабатывается и применяется новый способ исследования – волно-фронтальный анализ социальных процессов, смысл которого состоит в рассмотрении технико-экономических и информационно-коммуникативных факторов общественного развития в контексте эволюционного видения мира в его глобально-синхронных фазах¹². При этом он отмечает, что предложенный им подход к анализу социальных процессов «фокусирует наше внимание не столько на исторических непрерывностях, сколь бы важны они ни были, сколько на дискретности в истории, моментах нарушения непрерывности – нововведениях и точках перерыва. Он обнаруживает основные перемены в момент их возникновения и позволяет на них влиять»¹³.

В то же время он не выделяет какой-либо один технический, экономический доминирующий фактор общественных изменений, а рассматривает их как результат множества взаимосвязанных процессов, неравновесных состояний, подчеркивая при этом близость ему методологии И.Р. Пригожина, одного из основателей синергетики, науки о самоорганизующихся системах. Сведение комплексной социальной реальности к одному или нескольким детерминирующим факторам Э. Тоффлер расценивает в качестве редукционизма.

Используя предложенную методологию, Э. Тоффлер выстраивает схему феноменологии исторического процесса. В своей нашумевшей книге «Футурошок» он описывает историю человечества за последние 50 тысяч лет. Исходя из того, что на жизнь одного поколения людей приходится 62 года, он условно делит жизнь людей за исследуемый период на 800 поколений. Выясняется, что первые 650 поколений людей провели жизнь в пещерах. Только в течение 70 последних поколений люди научились, благодаря появлению письменности, передавать своим пре-

емникам информацию, что стало началом развития цивилизации. Всего 6 последних поколений пользуются печатными книгами, 2 – электромоторами, 90% всех ученых, которые когда-либо жили на Земле, являются нашими современниками. Перемены нарастают с невиданной скоростью, и сегодня, в 800-м поколении, впервые познавшем научный и технический прогресс, человечество выходит уже на порог эпохи супериндустриализма¹⁴. Переходы от одной цивилизации к другой он образно называет «волнами». По существу, он за основу исторического процесса берет технологическую революцию, под которой обычно понимаются качественные скачки в развитии технологии преобразования вещества, энергии или информации¹⁵. Технологические революции неизбежно вели к смене эпох, в том числе в социальной жизнедеятельности, и к значительным изменениям в социальной сфере. Традиционно выделяют следующие эпохи: архаическую, когда повсеместно господствовали охота, рыболовство и собирательство, т.е. непосредственное присвоение готовых продуктов («даров» природы); аграрную, когда на смену охоте и собирательству пришли земледелие и скотоводство, что сразу же в несколько раз увеличило численность населения, привело к накоплению продовольствия и созданию первых государств, на исходе этой эпохи возникли отдельные технократические воззрения; индустриальную и постиндустриальную.

Э. Тоффлер в цивилизационном развитии человечества выделяет три волны: аграрную, индустриальную, постиндустриальную. Каждая волна – это своего рода цивилизация, существующая в биосфере и оказывающая на нее свое положительное или отрицательное влияние. Каждая волна имеет: характерную для нее техносферу – энергетическую базу, связанную с системой производства и системой распределения; свою социосферу, состоящую из системы социальных институтов; свою иносферу – каналы коммуникаций, по которым движется необходимая информация; свою сферу власти; свой набор характерных связей и отношений с внешним миром – отношения эксплуатации, симбиоза, мира или войны; свою суперидеологию – набор могущественных культурных воззрений на действительность и оправдание собственной деятельности. Как и Д. Белл большое внимание он уделяет разграничению обозначенных волн цивилизационного развития.

Аграрная волна началась примерно 10 тысяч лет назад с переходом от собирательства, охоты к сельскохозяйственной жизни и появлению первых ростков цивилизации и продолжалась примерно до XVIII века. В этот огромный исторический период аграрные цивилизации росли и приходили в упадок, воевали в вступали в союзы, сливались, образуя

причудливую смесь. Однако все они обладали некоторым фундаментальным сходством – везде основой жизни была земля и сельское поселение служило источником основного продукта. Господствовало простое разделение труда и существовало небольшое количество четко определенных каст и классов: знать, духовенство, воины, рабы (или крепостные). Власть была авторитарной, положение человека определялось фактом его рождения. Экономика была децентрализованной и замкнутой – каждое сообщество производило большую часть того, что потребляло. При этом были и исключения, например, фактории, выпускавшие массовую продукцию в древней Греции и Риме, которые Э. Тоффлер определяет как отдельные намеки на то, что должно прийти вслед за сельскохозяйственной цивилизацией – предвестники Второй волны¹⁶.

Соглашаясь со сказанным, следует отметить, что уровень технических знаний этого периода примитивен, эмпирически случаен, не специализирован и мифологизирован. Применяемые технические образцы являются простейшими орудиями труда. Техническая деятельность универсальна, была открыта всем и выполнялась всеми членами общины. Человек начинает осознавать себя своего рода «онтологическим кентавром», одна половина которого выросла в природу, в другая – выходит за ее пределы, т.е. трансцендентна¹⁷. Очевидно, что в таких условиях не могла возникнуть не только технократическая теория, но и технократическая практика. Технократ как субъект социального действия отсутствовал. Но постепенно происходит превращение ремесленной техники в основу развития технического базиса земледелия и промышленности (аграрно-ремесленная революция). Акцент с *natura naturans* (природа творящая) окончательно смещается на *natura naturata* (природа творимая). Уровень технических знаний этого типа можно охарактеризовать так: специализированно-рецептурные, эмпирические технические знания, для их усвоения уже нужна была специальная подготовка и постоянная тренировка, значительная часть технических знания имела сакральный характер, тщательно оберегалась от посторонних и под секретом передавалась сначала внутри семьи от отца к сыну, а затем, по мере расцвета ремесленничества, в ходе внутрицехового обучения от мастера к подмастерьям. Появляются зачатки наук, однако наука и техника в этот период развиваются параллельно, не оказывают друг на друга существенного воздействия. Фигура легендарного Архимеда представляла собой исключение, лишь подтверждающее это правило. Эпоха изобретения технических машин еще не наступила. Наиболее значимые образцы данного периода: плуг, сырцовый кирпич, ткацкий станок, гончарный круг. И в этих условиях технократ

как субъект социального действия появиться не мог, так как специфика технологии производства ремесленнического типа состояла в том, что усваивались и воспроизводились уже сложившиеся структуры практической деятельности. Будучи по сути своей практической и консервативной сама ремесленническая технология не нуждалась в присутствии человека, который постоянно и специально занимался бы перестройкой и организацией технологического процесса. Ремесло исключает само понятие об открытии. Ремесленником правит норма (традиция), он целиком обращен к прошлому (эпоха мастеров и подмастерий обращена в прошлое и замкнута для всевозможных новшеств). Исправления все же вносятся, но они не радикальны и являются скорее вариациями в рамках одного стиля. Человек по-прежнему остается главным «инструментом». Преобладание труда «говорящих» орудий являлось серьезным тормозом в развитии техники и науки.

Технологические революции этого периода характеризовались таким способом соединения человека и техники в технологическом процессе, при котором человек является материальной основой технологического процесса, а орудия лишь удлиняют и усиливают его работающие органы. Труд при этом носит ручной характер, ценятся эмпирические знания и проверенные временем технологии. Кроме ремесленников в этот временной период появляется и другая техническая специальность – архитектор, деятельность которого с известной долей условности можно рассматривать как предтечу деятельности инженерной. Именно из результатов их практической и теоретической деятельности впоследствии и родилось технократическое движение. В тех ситуациях, когда было необходимо решить крупную, преимущественно строительно-техническую задачу, например, при возведении храмов или других общественных зданий, крепостей, мостов, прокладке дорог, создании ирригационных сооружений, строительных и военных машин, усилия большого количества исполнителей должны были координироваться в пространстве и времени. В подобных случаях вольно или невольно выдвигался человек, способный обеспечить не только организационное, но и техническое руководство работами, направленными к определенной цели. Эти функции и выполняли античный и средневековый архитекторы, так как инженерно-технические задачи концентрировались в этот период преимущественно в строительно-архитектурном деле.

Технологическим процессам этого периода были присущи некоторые общие черты: во-первых, они были ориентированы на воспроизведение уже сложившихся социальных структур и образа жизни; во-вторых, инновации не стали высшей ценностью; в-третьих, в поведении и

мышлении доминировали традиционные образцы и нормы, концентрирующие опыт предков; в-четвертых, изменение видов средств и целей деятельности происходило весьма медленно; в-пятых, в общественном и индивидуальном сознании господствовали сакральные религиозно-мифологические представления и канонизированные стили мышления, что содействовало стабильности социокультурной системы; в-шестых, первоначальные формы научного знания формировались и излагались в виде рецептуры для имеющихся форм деятельности; в-седьмых, из-за особенностей социокультурной практики не сложилась развитая наука с ее теориями и нацеленностью на открытие новых объектов исследования¹⁸. Технократическая теория и практика как оформившийся социальный феномен стала возможна в ходе последующих технологических революций, на других этапах цивилизационного развития.

Первая волна перемен еще не исчерпала своего потенциала, когда в конце XVIII века в Европе возникла индустриальная революция (вторая волна планетарных перемен). Новый процесс индустриализации начал двигаться по странам и континентам уже гораздо быстрее, «таким образом, два отдельных, явно отличающихся друг от друга процесса перемен распространялись по земле одновременно, но с разной скоростью»¹⁹.

В развитие этой мысли следует отметить, что формирующаяся технология связана с возникновением и развитием системы «человек – машинная техника» (с конца XVIII века). Соответственно стал развиваться и техногенный тип цивилизации, господствующий и в наши дни.

Компас, порох, книгопечатание – великие открытия, положившие начало прочному союзу науки и техники. А возникновение машинного производства, подготовленное научно-технической деятельностью многих математиков, физиков, механиков, техников, изобретателей и явилось свидетельством высокой результативности этого союза, создавшего благодатную основу для технократического расцвета.

Появление паровой машины привело к существенным изменениям и в технологии производства²⁰. Во-первых, технология перестала быть сводом навыков, правил, секретов по ручному производству, как это было с момента зарождения человечества, а стала складываться в определенную науку, обеспечивающую нормальное функционирование машинной техники для достижения поставленной цели. Иными словами, технология ручного труда частично заменялась на технологию машин (механизмов).

Во-вторых, техника как бы отделяется от человека, который, однако, находится рядом с ней. Раньше техника была продолжением возможностей человека, теперь человек стал придатком машины. Машина че-

ловеку отводит последнюю роль. Постепенно на базе машин и соответствующих технологий создаются мануфактуры как производственные единицы. При этом следует отметить, что совместно с новыми механизированными технологиями активно использовался и ручной труд.

В-третьих, увеличивается объем изобретательской деятельности. «В эпоху палеолита или Средневековья изобретательство еще не было профессией, поскольку сам человек не знал за собой подобной способности. Теперь, напротив, человек техники посвящает себя изобретательскому делу как вполне нормальному и давно учрежденному занятию»²¹, т.е. процесс создания новых технологий приобретает сознательный характер.

В этот период происходит формирование технократии как социальной группы, осознание ею своего места и роли в общественной жизни. Идет процесс перехода от просветительско-практической деятельности к теоретико-идеологической. Столкновение двух волн привело к возникновению многих политических и военных конфликтов, начиная от акций протеста сельскохозяйственных производителей по поводу индустриализации жизни, до Гражданской войны между севером и югом в Америке. Э. Тоффлер показывает, что американские поселенцы, изгоняя индейцев со своей земли, перемещая фуры все дальше и дальше к Тихому Океану, создали цивилизацию Первой волны. Однако за ними вслед шли агенты Второй волны – индустриализаторы, и в середине XIX века на северо-востоке США возник быстро растущий индустриальный сектор, интересы которого через некоторое время вступили в непреодолимое противоречие с социально-экономическими отношениями рабовладельческого юга. Многим кажется, писал Э. Тоффлер, что Гражданская война велась по причинам нравственного характера как борьба против рабства, но «борьба шла за решение более широкого вопроса, кто будет управлять богатым новым континентом – фермеры или индустриализаторы, т.е. силы Первой или Второй волны? Будет ли грядущее американское общество в основе своей сельскохозяйственным или индустриальным? Когда победу одержали северяне, жребий был брошен. Индустриализация Соединенных Штатов была гарантирована»²².

Вторая волна вызвала к жизни три определяющие социальные структуры – малую семью, обучение фабричного типа и гигантские корпорации. «Таким образом, повсюду в мире Второй волны, – писал Э. Тоффлер, – большинство людей двигалось по одной и той же стандартной жизненной траектории: воспитанные в малых семьях, они шли в потоке через школы фабричного типа, а затем поступали на службу в

крупную корпорацию, частную или государственную. На каждом этапе жизненного пути человек находится под контролем одного из главных институтов Второй волны», которая продолжалась до середины XX века²³. Несомненно, что деятельность социальных структур благотворно сказалась на формировании нового типа технократа (неотехнократа) – опытного управленца.

Главным координатором Второй волны, по Э. Тоффлеру, было большое правительство. Именно острая нужда в объединении частей в одно целое обусловила рост больших правительств в обществах Второй волны, что только усиливало позиции неотехнократов. Политические деятели нередко призывали сократить состав правительства, но, придя к власти, они же обычно не делали правительство меньше, а, скорее, расширяли его. Такое противоречие объясняется тем, что высшей целью правительств Второй волны было построение и развитие индустриальной цивилизации. На этом фоне все мелкие разногласия меркли, и среди политиков по этому вопросу царил единодушие. Большое технократическое правительство было необходимо, так как индустриальные общества находятся в большой зависимости от правительства, выполняющего весьма важные интеграционные задачи. Технократические правительства создавали, стимулируя строительство железных дорог и автомагистралей, сооружая порты и каналы, управляя почтовой, телефонной, телеграфной связью, создавая и упорядочивая системы радио и телевидения, стандартизируя торговлю, содействуя промышленности. Технократические правительства разрушали, сгоняя крестьян с земли и поставляя промышленности рабочую силу, субсидируя энергетику и развитие технологии нередко за счет сворачивания социальных программ. На самых разных уровнях технократические правительства решали тысячи интеграционных задач, которыми другие не хотели или не могли заниматься. Именно технократическое правительство, утверждает Э. Тоффлер, было великим ускорителем. Силой принуждения и взиманием налогов оно делало то, за что частное предпринимательство не решалось взяться. Правительства могли «подогревать» ход индустриализации, оставляя в системе достаточные зазоры, чтобы частным компаниям стало возможно или выгодно подключаться к этому процессу. Индустриализация, внедрение новых технологий, совершенствование энергетической базы создали условия для массового производства, которое вызвало к жизни новую систему распределения. Если в обществах Первой волны превалировало распределение товаров, изготовленных на заказ, то теперь наступила эпоха массового распределения и массовой торговли. Постепенно все сферы жизни подчинились производственно-

рыночным интересам. Все социальные институты (правительственные учреждения, школы, больницы) приобрели черты фабричности – разделение труда, иерархическая структура и обезличенность.

Процесс отмирания индустриальной цивилизации Э. Тоффлер описывает в категориях «техносфера», «социосфера», «информационная сфера», «властная сфера», «психосфера», «биосфера»²⁴.

Особый интерес вызывают процессы, происходящие в «информационной сфере» («инфросфера»), которая унаследовала основные принципы фабричного производства и добросовестно реализовала их в своем главном звене – средствах массовой информации. Это объясняет причину появления одинаковых новостей, которые штампуют также, как и товар на фабрике. Инфросфера интегрирует индустриальную цивилизацию, помогая ей оформиться и надежно функционировать: распространять через коммуникационные каналы индивидуальные и массовые сообщения, подобно товарам и сырью; соизмерять экономическое производство с поведением отдельных людей²⁵.

В своей книге Э. Тоффлер подробно и последовательно анализирует систему из шести ведущих принципов, действующую во всех странах Второй волны: стандартизации, специализации, синхронизации, концентрации, максимизации и централизации. Он отмечает, что эти принципы как некая программа Второй волны приложимы как к капиталистическому, так и к социалистическому крылу индустриального общества, поскольку неизбежно выросли из одного и того же базового разрыва между производителем и потребителем, а также благодаря растущей роли рынка²⁶. Нарождающееся общество, по мнению Э. Тоффлера, будет более упорядоченным, демократичным, безопасным. Его устойчивость будет базироваться на таких принципах как диверсификация, демассификация, деконцентрация, децентрализация, сегментация, разнообразие и т.д. Эти же принципы, усиливая друг друга, создали самые крупные, жесткие и могущественные бюрократические организации, элиты и суперэлиты Второй волны. В конце концов, утверждает Э. Тоффлер, наступает глубокий кризис принципов и структур Второй волны и на ее смену поднимается Третья волна, несущая новые взгляды на мир и новые научно-технологические достижения в области информатики, электроники, молекулярной биологии, которые позволяют выйти за пределы ограниченных жизненных и философских концепций индустриального периода и создают условия для устранения его главного противоречия – между производством и потреблением.

По мнению Э. Тоффлера, точкой поворота можно считать 1955 год, когда в США впервые количество «белых воротничков» и работников

сферы обслуживания стало превышать число «синих воротничков». Это было десятилетие, когда началось широкое внедрение компьютеров и новых технологий, доступных населению²⁷.

Э. Тоффлер в своих произведениях «Третья волна», «Карты будущего» оценивает цивилизацию Третьей волны как постиндустриальную, компьютерно-информационную, формирующуюся как новый образ на основе «троицы»: коммуникационный спутник – кабельное телевидение – персональный компьютер. Это объясняется тем, что дефицит времени требует чрезвычайной быстроты и точности реакции на происходящее, умения сосредоточиться на стратегических направлениях, изменения технопространства, т.е. перехода от машины и транспортной сети к информационно-коммуникативной сети (телефон – компьютер – телевизор) как нервной системе новой цивилизации.

Положение постнеотехнократии в этих условиях общественной жизни усиливается, и она предпринимает разнообразные усилия для перехода от теоретико-идеологической деятельности к политико-практической.

Рождение общества Третьей волны идет трудно. Растет преступность, распадается классическая нуклеарная семья, плохо функционируют надежный в прошлом аппарат, системы медицинского обслуживания, образования. Но именно в этом социальном распаде формируются ростки новой цивилизации. Как индустриальные общества включают в себя аграрные секторы экономики, так и постиндустриальное будет долгое время сосуществовать рядом с индустриальным. Новые черты накладываются на старые, отесняя некоторые из них и усложняя в целом структуру общества²⁸. Цивилизация Третьей волны противоречит старой традиционной индустриальной цивилизации, так как является одновременно и высокотехнологичной и антииндустриальной. Она несет с собой новый строй жизни, основанный на возобновляемых источниках энергии, на методах производства, исключающих фабричные сборочные конвейеры, на новой структуре, которую Э. Тоффлер назвал «электронным коттеджем», на радикально измененных школах и объединениях будущего. Возникающая цивилизация ведет за пределы стандартизации, синхронизации и централизации. Новая цивилизация, по мнению Э. Тоффлера, будет опрокидывать бюрократию, уменьшать роль национального государства, способствовать росту полуавтономных экономик²⁹. Очевидно, что решить задачи постиндустриального общества призваны постнеотехнократы, роль и значение которых несоизмеримо возрастает. А задач, стоящих перед ними, немало.

Вместо общества, синхронизированного в режиме конвейера, об-

щество Третьей волны приведет к гибким ритмам и графикам. Вместо присущей обществу массового производства – массового потребления крайней стандартизации поведения, идей, языка, жизненных стилей общество Третьей волны будет построено на основе сегментации и разнообразия. Вместо общества, которое концентрирует население, энергию, производство и другие стороны жизни, общество Третьей волны все децентрализует и деконцентрирует. Вместо стремления к максимуму по принципу «чем больше, тем лучше», общество Третьей волны будет ценить оптимальные размеры и масштабы. Новое общество будет жить по принципу «производство для использования, а не для рынка», «сделай для себя», а не «сделай для рынка». Для него будет характерно явление просьюмеризма (от англ. produce – «производить» и consume – «потреблять») – совмещение производства и потребления³⁰. Цивилизация Третьей волны должна дать простор громадному разнообразию источников энергии. Ее техническая база будет более диверсифицированной, включающей в себя достижения биологии, генетики, электроники. Главным видом сырья, главным ресурсом нового общества будут знания, информация, они-то и обеспечат разнообразие жизни. Завод больше не будет моделью для других типов институтов. Однако ведущая роль знания (информации) неизбежно превращает людей, владеющих ими, в ведущую силу формирующегося общества. Эта специфика неизбежно будет усиливать роль технократов-функционеров.

Радикальные изменения в сфере производства неизбежно, по мнению Э. Тоффлера, приведут к изменению структуры занятости, а в сочетании с усиливающейся интеллектуализацией труда к появлению так называемых «электронных коттеджей», которые позволят значительно рационализировать жизнедеятельность общества, расширить практику домашнего труда, приведут к экономии времени и сокращению транспортных расходов. При правильной схеме телекоммуникаций и прочем оборудовании работа может быть выполнена где угодно, в том числе в собственной гостиной. Э. Тоффлер приводил первые примеры перемещения работы из офиса или производственного помещения на дом с использованием компьютеров и телекоммуникаций. Естественно, в то время это относилось в основном к компьютерным компаниям («Хьюллет-Паккард», компания F. International, использующим труд сотен программистов, работающих дома). Это неизбежно приведет к уменьшению затрат на обеспечение централизованных рабочих мест, внедрение «электронных коттеджей» приведет к укреплению семьи и усилит тенденции к возрождению привлекательности малых городов и деревенской жизни. Борьба за «электронный коттедж», считал Э. Тоффлер, очевидно,

объединит не только технологов и корпорации, стремящиеся использовать новые технические возможности, но и широкий спектр других сил – защитников окружающей среды, реформаторов труда в новом стиле, политические группы – в поддержку того, что может рассматриваться как новое, более прочное будущее семьи. Какие формы семьи исчезнут, а какие получат широкое распространение, будет зависеть не столько от проповедей о «святости семьи», сколько от того, по какому руслу направится развитие техники и организации труда³¹.

В своей работе «Адаптивная корпорация» Э. Тоффлер утверждает, что в период индустриализации фабрика и бюрократия являлись доминирующей формой организации³². В супериндустриальном обществе доминирующей формой организации производства становятся структуры холдингового типа, а на смену бюрократии приходит адхократия, координирующая работу множества временных групп, возникающих и прекращающих свою деятельность в соответствии с темпами перемен в окружающей среде. Представления Э. Тоффлера о адхократии очень напоминают требования, предъявляемые к постнеотехнократии. Если бюрократии индустриального общества присущи формализованное разделение функций, выполнение рутинных операций; постоянство и строгая иерархичность; высшее руководство принимает решения, выпускает инструкции, которые спускаются вниз, то адхократии (читай постнеотехнократии) присущи совершенно новые свойства. Это люди, способные быстро переучиваться и решать нестандартные задачи. Они должны уметь свободно ориентироваться среди множества задач и организационных обстоятельств и учиться работать с постоянно меняющимся коллективом³³.

Эффективной формой управления длительное время считалась строгая вертикаль иерархии, зависящая от двух факторов: мощного потока достоверной информации от нижнего уровня наверх и однотипного, повторяющегося характера требуемых решений. Адхократия (постнеотехнократия) способна функционировать тогда, когда названные условия не действуют, так как она сталкивается в условиях все большей неопределенности с более разнородными проблемами: вынужденность решать сложнейшие комплексы технических проблем с учетом их политических, экономических, культурных и социальных аспектов; обратная связь с нижними уровнями управленческой сети становится все более неадекватной; информации получают больше, чем в состоянии ее переработать, а согласование позиций для принятия решений требует больших усилий и немалого времени.

«Супериндустриальная революция, – пишет Э. Тоффлер, – делает

все более разнообразной экономическую, технологическую и социальную среду, в которой действует корпорация, и поэтому требует от ее руководства более гибкой и быстрой реакции. Поскольку изменения характера спроса, возможностей и требований идут стремительнее, чем когда-либо раньше, а движение соответствующей информации вверх по иерархической лестнице происходит достаточно медленно, руководители различных уровней, вплоть до высшего руководства, не успевают полностью аккумулировать опыт решения какой-либо одной проблемы. Расстояние между верхними и нижними эшелонами определяется не только размерами нижестоящих подразделений или количеством промежуточных уровней, но и разнообразием сведений, которые надлежит обработать.

Как следствие, эффективные решения должны сегодня приниматься на все более и более низких уровнях организации. Требования участия в управлении продиктованы, таким образом, не политической идеологией, а тем, что система в ее нынешнем структурном виде не в состоянии эффективно реагировать на быстро изменяющуюся среду»³⁴.

Для постнеотехнократов в этих условиях важным является то, что информация станет важнейшим ресурсом, в получении, хранении, переработке и передаче которого будет задействована значительная часть населения, а в конечном итоге информация и будет олицетворять власть; несоизмеримо возрастет роль транскорпораций, что приведет к уменьшению роли национальных государств; не собственность, а интеллектуальный ресурс становится основой общества; общество будет преобразовываться из массового в многообразное. Социальная прогрессивность происходящих в обществе изменений для постнеотехнократов очевидна, так как это приведет к повышению благосостояния, уровня жизни и качественным преобразованиям жизненных стандартов, к приоритету таких ценностей, как автономность и самовыражение личности, свободное время и досуг, приватная жизнь, которые, будучи далеки от производственной деятельности, выступят в качестве жизненной цели.

Периоду постнеотехнократической теории соответствовал период «глобалистской» практики технократии, который характеризовался следующими особенностями: (а) переходом от общественно-политического движения к политическому; (б) формированием глобалистского мировоззрения постнеотехнократов. Признаки перехода от движения к политическому; (б) формированием глобалистской практики постнеотехнократов. Признаки перехода технократии от общественно-политического движения к политическому подмечают многие исследователи данной проблемы. Обратимся

к мнению наиболее авторитетных. Так, Э. Тоффлер был убежден, что когда Третья волна перемен (постиндустриальное общество) начинает пробивать бреши в крепости управленческой власти, первые признаки этого проявляются в системе власти. Требования участия в управлении, принятии решения, осуществления рабочего, потребительского и гражданского контроля, демократизации звучат в одной стране за другой. В более передовых отраслях промышленности возникают менее иерархические и более специальные новые способы организации производства. Усиливается нажим с целью децентрализации власти. Управляющие лица все в большей степени зависят от информации, полученной от нижестоящих. Сами элиты становятся не столь постоянными и менее прочными. Все это только предвестия, признаки грядущих коренных изменений в политической системе. «Третья волна, – пишет Э. Тоффлер, – уже начавшая сокрушать промышленные структуры, открывает небывалые возможности для социального и политического обновления. В самые ближайшие годы на смену нашим непригодным, притесняющим, устарелым интегрированным структурам придут новые, удивительные общественные отношения»³⁵.

Серьезные разногласия идут и относительно утверждений постнеотехнократов о том, что их появление означает «новую эру» в истории человечества, реальные содержательные и структурные изменения власти. В настоящее время эти разногласия вылились в практические противоречия между глобалистами, нынешней разновидностью технократов, и антиглобалистами, уверенными в том, что проходящие процессы есть не что иное, как еще более жесткая эксплуатация трудящихся, основанная на последних достижениях науки и техники; построение виртуального общества с мнимыми правами трудящихся и реальными возможностями имеющих власть; явное подчинение и вытеснение национального в интересах активно насаждаемых глобальных образцов поведения и рассуждения.

В период «глобалистской» практики технократизма идея «техноструктуры»³⁶ как политико-административной системы получила «второе дыхание». Так, Э. Фор описывая политико-административную «техноструктуру» Франции, отмечал, что с давних пор высшие должностные лица или эксперты, группирующиеся вокруг исполнительной власти, в силу своей профессиональной подготовленности участвуют в процессе принятия решений. Есть ряд проблем, например, экономическое планирование, подготовка бюджетных расчетов, решение которых, как представляется, возможно лишь при участии этих специалистов. Только они кажутся способными к серьезному анализу, систематиза-

ции полученных данных, корректной оценке информации, а значит, и к принятию верного решения. Этим и объясняется политическое влияние этой группы: «От правительства требуют качества администраторов, компетентности, добросовестности и тщательности в работе. Больше превозносится отсутствие ошибок, нежели обилие инициатив»³⁷. Постиндустриальные общества находятся под сильнейшим нашествием разного рода экспертов и функционеров высшего звена, что порождает путаницу, смешение понятий. «Когда эксперты призываются, чтобы принять решения, их называют технократами, – отмечает Э. Фор. – Когда руководящие деятели проявляют тенденцию действовать как технократы, и технократы проявляют тенденцию действовать как руководящие деятели, становится трудно отличить одних от других, тем более что они чаще всего происходят из той же самой среды, входят в те же организации... Становится трудно провести различие между ответственными сотрудниками на «высшем уровне» правительств и технократами»³⁸.

Анализируя праксиологию постнеотехнократии, концентрирующей в своих руках власть, исследователи отмечают и еще одну опасность – монополизации информации технобюрократическим аппаратом: «На всех уровнях: в кабинетах, в центральных административных органах, в префектурах, находясь на стратегической позиции, «технократия» может, если захочет, перерезать другие каналы связи, блокировать или фильтровать информацию. И это для того, чтобы передавать лишь убедительные «сообщения», в которых высоко оценивается ее деятельность и поддерживается ее воздействие»³⁹. Поэтому ни общее собрание, ни административный совет уже не в состоянии проверить переданные им данные. Их власть на предприятии оказывается иллюзорной и декларативной, необходимой лишь для того, чтобы торжественно ратифицировать принятые постнеотехнократией решения.

Аналогичные процессы формирования постнеотехнократами политико-административной техноструктуры происходят уже не в рамках отдельного предприятия, а в масштабах государствах. Формирующийся аппарат также находится в привилегированном положении, поскольку имеет доступ к информации и средствам ее трансляции, он направляет ее по определенным каналам, переадресовывает и обрабатывает в соответствии с избранной стратегией. А питаемые этой односторонней информацией и лишенные иных источников ее получения органы (например, совет министров), осуществляют свою власть столь же виртуально, как и административный совет или общее собрание предприятия, которыми манипулируют «управляющие». Даже президент, утверждает

Р.-Ж. Шварценберг, в определенном смысле напоминает символического главу фирмы, некоего «президента-генерального директора», ограниченного в своих действиях аппаратом и видимостью власти»⁴⁰.

Постнеотехнократы стремятся создать новый «треугольник власти», объединяющий политическую, экономическую и административную элиты. И если ранее путь к власти пролегал прямолинейно по ступеням политической иерархии, то в настоящее время движение происходит по спирали, пронизывающей политику, администрацию и деловые круги. «Эти три вселенные, – отмечает он, – все более пересекаются, совпадают, взаимопроникают. Вместе с взаимозаменяемыми руководителями, стоящими во главе их. Таким образом, накладываются друг на друга институты и интересы. Так формируется треугольник власти, в котором принимаются главные решения, далеко от избирательных урн и промежуточных выборов»⁴¹.

Первую сторону этого постнеоклассического «треугольника власти» образует администрация, позволяющая создать плацдарм для дальнейшей борьбы за власть. Администрацию постнеотехнократы покидают, чтобы вернуться в нее, но уже на более высокие посты, пройдя остальные круги «властной спирали». Второй стороной выступает политическая сфера, также используемая как трамплин для дальнейшего продвижения. А третьей стороной этого «треугольника» выступает сфера предпринимательства, поставляющая кадры постнеотехнократов на разные этажи власти. Так появляются депутаты и представители исполнительной власти, совмещающие свои обязанности с частным предпринимательством.

Формируется многополюсная постнеотехнократическая элита, характерными чертами которой становятся: текучесть положения, позволяющая продвигаться по иерархической спирали; проницаемость ее границ, обусловленная возможностью переходить с одной стороны «треугольника власти» на другие его стороны; ротация руководителей, проходящая не по профессиональным признакам, а по принципу принадлежности к этой постнеотехнократической элите; сложное переплетение отношений между отдельными сторонами «треугольника» и, как следствие, образование опасных для демократии связей. Общее карьерное прошлое, поддержание дружеских отношений, идентификация государственных интересов с защитой вполне определенных частных позиций, – все это признаки формирования таких связей.

В период «глобалистской» практики технократизма постнеотехнократия функционирует как «системнотехнократия» постиндустриального общества, возникающая в результате социальных конфликтов и компо-

миссов между традиционной бюрократией (карьерными чиновниками), представителями интеллигенции и инженерно-технических работников, собственно технократией и электрократией (специалистов в электронных средствах массовой информации). Важнейшей социальной чертой нарождающейся «системнотехнократии» является гиперлояльность к власти, так как она сама является властью и именно от власти, в значительной степени, зависит и будет зависеть ее благополучие.

По мнению постнеотехнократов, на нынешней стадии экономического развития классовые антагонизмы стираются экономическим ростом. Изобилие подрывает социально-экономические основы идеологических столкновений и политической борьбы предшествующего этапа, а усиление влияния средств массовой информации способствует персонализации власти. Меняется ситуация в партиях, – снижается роль ее членов, наблюдается упадок идеологии, уменьшается приток кадров на классовой основе. Все чаще над партиями господствуют и ими управляют не собственно их члены или избранники, а внепартийные постнеотехнократические элиты. Постепенно возникают организации с гибкой структурой, без идеологии, ориентированные на избирателей, а не на собственных партийных работников и активистов, руководствующиеся не столько идеологической доктриной, сколько прагматизмом ради удовлетворения вполне четко осознанных потребностей. Эти организации, обращенные вовне, отбрасывающие идеологические задачи ради «улаживания» все более социально разнородного электората, называются «всеядными партиями». Такие надклассовые партии с размытой идеологией, гибкой структурой и целями, направленными на привлечение многообразного электората, весь свой интерес сосредотачивают на выборах, надеясь заменить «работу вглубь» «работой вширь», т.е. опорой на широкую общественную поддержку и ощутимый успех на выборах⁴².

Таким образом, можно выделить последствия праксиологической деятельности постнеотехнократии в сфере парламентской деятельности. Во-первых, парламентарии зачастую не обладают ни должной информацией, ни средствами контроля за исполнением принятых решений, в отличие от «техноструктур», в которые входят весьма подготовленные специалисты –постнеотехнократы.

Во-вторых, усиление в постиндустриальном обществе роли средств массовой информации и персонализация власти, подкрепляемая ими. СМИ в большей степени, чем выборные органы, содействуют исполнительной власти на разных ее уровнях, концентрируя внимание общественности на лицах, ее возглавляющих.

В-третьих, эволюция политических партий постиндустриального общества. Появление «всеядных» партий сказалось на характере парламентской деятельности, поскольку соперничество между партиями становится менее резким и переходит в стадию «количественных» показателей (число проголосовавших за ту или иную партию), а не качественных идейных разногласий. Нередко подобные партии отличаются жесткой внутрипартийной дисциплиной, используя такие методы, как дисциплина голосования, когда вопрос о том, как голосовать, решается заранее. Изменяется и характер парламентских дебатов, поскольку их целью уже не является убеждение оппонентов, и они практически не влияют на результаты голосования.

В-четвертых, парламентаризм большинства, которое обеспечивается жесткой регламентацией «всеядных» партий. Подобные партии выполняют определенные «технические» функции при правительстве, обеспечивая ему поддержку единодушного, сплоченного большинства в парламенте. В такой ситуации правительство не только не рискует быть смещенным, но, благодаря дисциплине парламентского большинства, оно уверено, что его программы и политика будут одобрены. Партии большинства, как отмечал Р.Ж. Шварценберг, «регулируют» парламентскую борьбу, постепенно освобождаясь от «солистов» – индивидуальностей, могущих голосовать самостоятельно⁴³.

В-пятых, «рационализированный» парламентаризм. Рационализация парламентской работы обеспечивалась принятием соответствующих конституций, когда еще не было парламентаризма большинства. Это действенный юридический инструмент позволял уменьшить риск случайностей. «Рационализированный» парламентаризм, призванный компенсировать отсутствие парламентаризма большинства, в настоящее время смыкается с ним, укрепляя исполнительную власть, с одной стороны, политически, а с другой – юридически.

В-шестых, конкурирующие организации. К подобным организациям, стремящимся заменить слабеющий парламентаризм, можно отнести различные ассоциации, профсоюзы, центры изучения общественного мнения, дискуссионные клубы, в которых сильны технократические позиции. Особое значение здесь приобретает Европейский парламент, стремящийся в определенном смысле к подмене национальных парламентов неким координирующим органом, что свидетельствует не столько об усилении влияния парламентаризма, сколько о его ослаблении в рамках отдельных государств.

Важнейшей чертой рассматриваемого периода постнеотехнократической практики являются нарождающиеся глобалистские тенденции,

во многом определившие содержание мировоззрения постнеотехнократов. Мировоззренческие установки неотехнократов были, как уже отмечалось, прагматическими. Они формировались в эпоху пара и механики, когда все процессы живой и неживой материи пытались объяснить действием сложного сочетания основных физических и химических законов, а общественная жизнь также объяснялась в соответствии с механическими закономерностями. Праксиология постнеотехнократов этого этапа характеризовалась массово-уравнительным подходом к оценке общественных процессов. Главной целью их практики была всеохватывающая индустриализация и внедрение достижений технического прогресса как панацея от всех социальных конфликтов. Этот период праксиологии можно назвать прагматическим. Индустриализация принесла невиданное материальное могущество, общественные группы получили мощные рычаги претворения в жизнь стратегических государственных и мировоззренческих идей, что привело к глобальному вооруженному противостоянию и мировым войнам. Главная идея постнеотехнократического сознания этого периода – покорение сил природы.

Период «глобалистской» праксиологии постнеотехнократии реализовывался уже в эпоху электричества и массмедиа. Постнеотехнократ превращается в открывателя сил апокалиптического масштаба (ядерной энергии, ракетных технологий и т.д.). Основной целью постнеотехнократической практики этого периода было установление нового мирового порядка, основанного на избытии массового продукта, международном разделении труда, открытом информационном и торговом пространстве. Промежуточным итогом периода постнеотехнократической праксиологии стало появление психологического надлома в общественном сознании (сверхнапряжение, рост стрессов, наркомании, преступности и терроризма), возрастание сфер катастрофичности (последствия промышленных катастроф увеличиваются до угрожающего размера) и экологического надлома (исчерпываются резервы самовосстанавливаемости биосферы планеты). Главная идея постнеотехнократического сознания этого периода – максимальное использование во всем могуществе сил природы⁴⁴.

Постнеотехнократы увидели в глобализации всеобъемлющую тенденцию общественной жизни к объединению на основе стандартизации (единообразии на основе утверждения конкретного стандарта-эталоны). Причем предлагаемый стандарт-эталон не всегда является лучшим, но он всегда оказывается предпочтительным для постнеотехнократов, лоббируется ими и подкрепляется экономической, финансовой и прочими видами мощи корпораций, государства.

Рассмотрим подробнее воздействие глобализационных процессов на основные подсистемы общества. В политической сфере постнеотехнократы стремятся повсеместно утвердить стандарт-эталон «модели западной демократии» для усиления своей власти и политического влияния. Соответственно те страны, политические режимы которых недостаточно пронизаны «демократическими институтами», считаются «нецивилизованными», объявляются «странами-изгоями», «странами оси Зла» и т.д. Они активно «прессингуются» не только сверхдержавами и их союзниками, но и так называемой мировой общественностью, находящейся под влиянием этих сверхдержав. «Модели западной демократии», по мнению постнеотехнократов, являются лучшей и единственной формой удовлетворения их политических амбиций.

В экономической сфере постнеотехнократы внедряют стандарт-эталон, позволяющий соединить экономику знаний с «рыночной экономикой», с гипертрофированной сферой обслуживания и растущим информационным сектором рынка. Это та самая экономика, для которой «все имеет цену, и ничто не имеет ценности» (Ж.-И. Кусто)⁴⁵; эта экономическая модель не удовлетворяет требованиям социальной справедливости, и нередко количество вложенного труда не соответствует уровню его оплаты; «холодный расчет», требования экономической целесообразности и прибыльности, будучи основными критериями эффективности рыночной экономики, игнорируют другие интересы (экологические, социального обеспечения). Провозглашенная постнеотехнократизмом задача перехода от рыночной «экономики вещей» к рыночной «экономике знаний» не только соответствует происходящим в объективной реальности изменениям, но и способствует усилению экономического влияния постнеотехнократов в обществе.

В социальной сфере постнеотехнократами реализуется стандарт-эталон дальнейшего усиления поляризации общества по уровню доходов, все другие социальные различия (конфессиональные, этнические, национальные и т.д.) нивелируются, а ценность человека напрямую увязывается с уровнем его доходов. Социальный статус – это тоже уровень доходов, именно так определяется социальная дифференциация. Социальная структура постиндустриального общества утрачивает прежний объективный смысл и уступает место элитарно-массовой структуре – технократической элите и среднему классу.

В духовной сфере практики технократической глобализации наблюдается кризис духовности и дальнейшее «победное шествие» стандарт-эталона под названием «массовая культура». Это культура бездумного потребления низкопробного кино, пропагандирующего образцы

преступной субкультуры, поверхностной литературы, индустрии развлечений. Упор исключительно на стандартизацию образования (образовательные стандарты, всевозможные тестирования и т.д.) в ущерб развитию творческого мышления неизбежно ведет к понижению качества обучения, стремлению отучить учащихся от самостоятельного мышления, разделить образование на «обычное» (соответствующее требованиям стандартизированного минимума) и «элитарное» (престижное), которое значительно превосходит «минимум» по объему и качеству.

Таким образом, относительно философских аспектов концепций постнеоклассического этапа технократизма можно сделать ряд следующих обобщений.

Первое. Постнеоклассический этап эволюции концепций технократизма формировался в 70-х годах XX века на базе теоретических разработок о постиндустриальном обществе Д. Белла, Э. Тоффлера, П. Дракера, М. Кастельса и других, в рамках так называемой «новой технократической волны». Категория «постиндустриальное общество» являлась фундаментальной в технократических концепциях этого периода и ее разработка не могла не сказаться на содержательных характеристиках и логике постнеотехнократических суждений, утверждавших, что постиндустриальное общество есть прогрессивный, закономерный этап в развитии человеческой цивилизации.

В обобщенном виде сущностные признаки, оказывающие непосредственное воздействие на мировоззрение постнеотехнократии постиндустриального общества выглядели следующим образом: возрастание роли фундаментальных научных исследований, теоретических знаний (науки, информации, информационных технологий), являющихся основой изменения технической базы, материального и духовного производства; преобразование машинных технологий в «интеллектуальные технологии» на компьютерной основе; формирование класса производителей знаний и информации, класса «белых воротничков» (менеджеры, компьютерщики, инженеры, юристы); переход от преобладающего производства товаров к производству услуг, более половины активного населения занято в сфере экономических услуг и все меньше в сельском хозяйстве и промышленности; смена властных отношений: социальная структура общества лишается прежнего, объективного смысла и уступает место двучленной элитарно-массовой структуре – постнеотехнократической элите и среднему классу; экономика информации как коллективный продукт заставляет переходить от конкурентной стратегии к кооперативной стратегии сотрудничества. Перечисленные признаки служили своеобразными критериями, позволяющими не только

отличить индустриальные и постиндустриальные этапы исторического развития цивилизации, но и увидеть отличия между неотехнократами и постнеотехнократами.

Второе. Для постнеотехнократизма была характерна ревизия базовых ценностей, доставшихся им в наследство от классических технократов и неотехнократов, с учетом изменившихся обстоятельств. Нельзя не отметить усиление гуманистической составляющей в рамках декларируемых ценностей постнеотехнократизма: стремление преодолеть дилемму технооптимизма и технопессимизма посредством разработки техноалармической концепции, технике по-прежнему отводится центральная роль в жизни общества, она рассматривается как источник социальной опасности, но ей отказывается в способности к саморазвитию, самокоррекции; радикальная гуманизация всей системы культуры, социальных связей, семейно-бытовых отношений, отношений к власти, попытка исправить положение дел, при котором техника и наука превращаются в «научное» обоснование варварского отношения к природе, порождающего глобальные проблемы, ведущие человечество к гибели; создание новых условий для реализации принципа гуманизма, смягчение изначального принципа власти научно-технических знаний и технических специалистов за счет включения в «правлящую элиту» профессионалов других, в том числе и гуманитарных специальностей, а также путем гуманизации процессов применения техники; рассмотрение техники не как анонимного процесса, а как одного из компонентов социального действия; формирование экспертов нового типа, способных быть одновременно и профессионалами высшего класса и, в то же время, критически мыслящими интеллектуалами.

Третье. Появление концепций постнеотехнократизма является закономерным результатом перехода от индустриального общества к постиндустриальному. Основным результатом подобного перехода явился «сдвиг общества» в пользу признания теоретических знаний «стратегическим ресурсом», а следовательно, в пользу носителей специальных знаний, т.е. постнеотехнократов. Так, Д. Белл в своих «измерениях» постиндустриального общества зафиксировал: теоретическое знание (а не капитал) как организующее начало, источник нововведений и формирования политики; доминирование в профессиональной структуре технических специалистов как нового класса; принятие решения на основе новой «интеллектуальной технологии». Э. Тоффлер оценивал постиндустриальный этап как компьютерно-информационную цивилизацию, базирующуюся на коммуникационном спутнике, кабельном телевидении, персональном компьютере. Все это, по мнению Э. Тоффлера, сти-

мулировало возрастание авторитета технократов в жизни общества.

Четвертое. По мнению теоретиков постнеоклассического этапа технократизма, «индустриальная цивилизация» привела к конфликту между природными и социокультурными аспектами человеческого существования. Выйти из этого тупика способно только новое, более совершенное постиндустриальное общество. Д. Белл и Э. Тоффлер по-разному представляли себе постиндустриальное общество и по-разному относились к нему, но именно их усилиями теоретические очертания постиндустриализма стали более зримыми. В постнеотехнократизме особо подчеркивалась усиливающаяся роль управленцев высшего звена, принимающих стратегические решения, в организации различных сфер социальной жизнедеятельности.

Пятое. Эволюция технократических концепций на этом этапе происходила от надежды на полную замену политики рациональным научным управлением к стремлению максимально деидеологизировать политику и обеспечить всестороннюю научно-техническую экспертизу, а также от иллюзий об обществе, в котором у власти находятся исключительно инженеры и ученые, к признанию постнеотехнократов одной из властвующих элит современного общества. По мнению Д. Белла, постнеотехнократ у власти это просто одна из разновидностей политика, один из элементов властвующей элиты. Он был не согласен с идеями прежних апологетов технократии, в частности с мнением Т. Веблена о «революции инженеров», утверждениями Д. Бернхейма о «революции менеджеров», Д. Гэлбрейта о приоритетности специалистов производителей, так как отрицал возможность превращения постнеотехнократов в политический класс.

Шестое. Праксиология периода «глобалистского» технократизма реализуется в настоящее время. Ее особенность состоит в том, что главным действующим лицом этого периода стал постнеотехнократ, стремящийся уже не столько к богатству (он его уже реально имеет), сколько к глобальному расширению власти. Отсюда и транснациональные корпорации, банки, во многом являющиеся проводниками глобализма. В праксиологии «глобалистского» технократизма отражается переход от общественно-политического движения к политическому, а также формирование и реализация глобалистского мировоззрения постнеотехнократов.

В период «глобалистского» технократизма постнеотехнократы, которые не являлись собственниками, но активно управляли этой собственностью, получая от этого хорошие дивиденды, уже не стремились к богатству. Эта задача была решена в предшествующий период в рамках

так называемой техноструктуры. Основные усилия («второе дыхание» техноструктуры) были направлены на завоевание политической сферы. Справедливо полагалось, что владеющий реальной властью управляет всем обществом, но если раньше путь к власти пролегал прямолинейно, по ступеням политической иерархии, то в настоящее время движение идет по спирали, пронизывая все более пересекающиеся политику, администрацию и предпринимательство, так называемый «треугольник власти». Захват власти происходит путем формирования «системнотехнократии» постиндустриального общества.

Другой важнейшей особенностью праксиологии данного периода является всеобъемлющая тенденция к объединению на основе стандартизации, конкретного эталона. Причем предлагаемый стандарт не всегда является лучшим, но всегда рассматривается как предпочтительный. В политической сфере это постнеотехнократическая «модель западной демократии», в которой управление обществом переходит в руки информационной элиты, постоянно обновляющейся на основе социальной стратификации; в экономической жизни таким стандартом является соединение экономики знаний с «рыночной экономикой» с ее гипертрофированной сферой обслуживания и т.д. В социальной сфере – это стандарт дальнейшего упрощения социальной структуры до двух групп – профессионалов-организаторов (постнеотехнократов) и исполнителей, поляризации общества по уровню доходов и нивелирования всех других социальных отличий, в духовной сфере в качестве такого стандарта рассматривается массовая культура.

Все это порождает новые угрозы и опасности: политические (обесценивание демократических институтов, подрыв общественного самоуправления, чрезмерный элитаризм), социальные (стремительное крушение социальных традиций, фетишизация науки и техники в ущерб человеку, стремительное изменение социальной среды обитания человека) и т.д.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ:

1. Объясните смысл категории “постиндустриальное общество”.
2. Чем индустриальное общество отличается от общества постиндустриального?
3. Охарактеризуйте основное содержание технократической концепции Д. Белла.
4. Раскройте содержание концептуальных взглядов на технократию Э. Тоффлера.
5. В чем заключалась специфика постнеоклассической праксиологии технократов?

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 См.: Riesman D. Leisure and Work in Post-Industrial Society// Mass Leisure/ Eds. E. Larrabee, R. Meyersohn. Glencoe. 1958, P. 365–385.
- 2 См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Аса .2004. С. 157, 635, 662.
- 3 См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia . 2004. С. 662.
- 4 Белл Д. Постиндустриальное общество // «Американская модель»: с будущим в конфликте. М., 1984. С. 19–24.
- 5 D. Bell. The Year 2000. The Trajectory of an Idea // Toward the Year 2000. Work in Progress/ Ed. by D. Bell. Boston, 1968. P. 5–7. А также см.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 2004. С. 155–156.
- 6 D. Bell. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest/ 1967/ No 7.
- 7 См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia .2004. С. 17.
- 8 См.: Bell D. The Coming of Post' Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. Harmondsworth: Penguin, Peregrine, 1976. P. 20–29.
- 9 Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 338.
- 10 Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе.- М.: Прогресс, 1986.С.333.
- 11 См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia .2004. С. 546–569, 573–583.
- 12 Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 26–27, 38–40.
- 13 Там же. С. 38.
- 14 Тоффлер Э. На пороге будущего // «Американская модель»: с будущим в конфликте. М., 1984. С. 67.
- 15 Современный философский словарь. М.: Академический проект, 2004. С. 716.
- 16 Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 41–53.
- 17 См.: Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Вопросы философии. 1993. № 10. С. 44–45.
- 18 См.: Поликарпов В.С. История науки и техники. Ростов н/Д: Феникс, 1998. С. 206–207.
- 19 Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С.39.
- 20 Известный философ XX века А. Уайтхед справедливо сравнивал изобретение паровой машины с открытием письменности. По шкале времени они несоизмеримы: для паровой машины около 200 лет, для письменности – тысячелетие. Но и в том, и в другом случае это были коренные изобретения, на многие годы предопределившие судьбу человечества. См.: А. Уайтхед. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. С. 155–156.
- 21 Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Вопросы философии. № 10. 1993. С. 64.
- 22 Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ. 1999. С. 55.
- 23 Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 68.
- 24 Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 73–76.
- 25 См.: Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 92–116.
- 26 См.: Там же. С. 115–128.
- 27 См.: Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ. 1999. С. 40.
- 28 Тоффлер Э. На пороге будущего // «Американская модель»: с будущим в конфликте. М., 1984. С. 30–32, 67.
- 29 См.: Тоффлер Э. На пороге будущего // «Американская модель»: с будущим в конф-

ликте. М., 1984. С. 33–34.

30 Там же. С. 32–39.

31 См.: Тоффлер Э. Третья волна // США – экономика, политика, идеология. 1982. № 10. С. 120.

32 См.: Toffler O. The Adaptive Corporation. Aldershot, Gower, 1985.

33 См.: Тоффлер Э. Адаптивная корпорация // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 453–454.

34 Тоффлер Э. Адаптивная корпорация // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 462.

35 Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 183.

36 См.: Гэлбрейт Дж.К. Новое индустриальное общество. М., 1969; Экономические теории и цели общества. М. 1976 и др.

37 E. Faure, L'ame du combat, 1970. P. 54–56.

38 E. Faure, L'ame du combat, 1970. P. 54–56.

39 Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: Пер. с франц. Ч. II. М.: 2002. С. 193.

40 R.-G. Schwarzenberg, Le charme discret de la democratie. "Le Monde", 30 sept. 1992.

41 См.: Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: Пер. с франц. Ч. II. М.: 2002. С. 194.

42 См.: Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: Пер. с франц. Ч. II. М.: 2002. С. 189–199, 187.

43 См.: Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: Пер. с франц. Ч. II. М.: 2002. С. 202.

44 См.: Морозов Ю.А. Технократия. СПб., 2000.

45 Цит. по: Горбачев М.С. Семь грехов человечества // Российская газета. 2002. 28 августа. С. 2.

ЛИТЕРАТУРА:

Белл Д. Постиндустриальное общество. - М., 1984

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. - М.: Academia, 1999.

Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. - М.: Прогресс, 1986.

Тоффлер Э. Третья волна. - М., 2002.

Тоффлер Э. На пороге будущего // Американская модель: с будущим в конфликте. - М., 1984.

МАКЕЕВ С.В.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ТЕХНОКРАТИЗМА

Курс лекций

Верстка и оформление: Готовец О.С.
Корректурa и редакция авторская

Подписано к печати: 12.10.09 г. Формат бумаги 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура "Times New Roman".

Усл. п. л. 8. Уч.-изд. п. л. 8,3. Тираж 500 экз.

Заказ № 218.

Издательство МГОУ

105005. г. Москва, ул. Радио, д. 10-а,